

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№166/3-4 (5037)
МАРТ - АПРЕЛЬ 2025

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com



Светлой Пасхи!



9 770757 223144



4 191898 007502

UK £4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ...€5.50
Belgium, Greece €5.50
France, Spain €5.60
Switzerland 5.60 CHF
Hungary 2290 HUF
Poland 26.90 PLN



СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала
«Русская мысль»:
russianmind.com/payment/

2. Оплата через
платформу
Isubscribe:



ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

ПО ВЕСНЕ ВИДНО...



Алексей Архипович Леонов, скажу я вам, – особое дело. Командир космического корабля «Союз-19» по советско-американской программе «ЭПАС» («Союз – Аполлон»), посол мира, одаренный художник, бизнесмен, он успел и книгу написать. Назвал ее «Время первых. Судьба моя – я сам». Увлекательная книга. «Гляжу вверх: надо мной медленно вращается наш корабль-громадина, как будто он больше планеты. Отрываю одну руку от поручня, другую, отплываю... Слышу в наушниках голоса наблюдающих за мной при помощи телекамер с Земли: «Смотри-ка, живой...»» – пишет Леонов. «Русская мысль» расскажет о его жизненном подвиге.

«Хороший год по весне видно». Услышал я однажды эту поговорку, и понравилась она мне. Тут можно продолжать: как весна началась, так и лето будет. Новая весна на страницах «Русской мысли» богата на интересные темы. Это и продолжение «Истории империй» Тео Гуриели, и очерк об академике Александре Чучалине, крупнейшем враче-пульмонологе, и, конечно же, «Православный вестник» – 20 апреля православные христиане всего мира отмечают Светлое Христово Воскресение, иначе говоря, Пасху.

Для меня же весна – это прежде всего «космическое» время года. 12 апреля 1961 года в космос полетел Юрий Гагарин, а 18 марта 1965 года, ровно 60 лет назад, в открытый космос вышел Алексей Леонов. Мне повезло: на моем журналистском пути я встречался со многими космонавтами, делал с ними интервью.

«В человеческом невежестве весьма утешительно считать все то за вздор, чего не знаешь», – говорит герой Дениса Фонвизина. 280 лет минуло со дня рождения этого автора афоризмов, одного из ярких драматургов прошлого.

Есть в номере материалы, посвященные великому скульптору Микеланджело и прекрасному русскому писателю Петру Ершову, а также, как всегда, стихи и рассказы, некоторые из них публикуются впервые.

«Весенний день весь год кормит», – так говорили русские крестьяне. Пусть и день, и год будут у вас, дорогие читатели, счастливыми!

Кирилл Привалов

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№166/3–4(5037)
МАРТ – АПРЕЛЬ 2025

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Анатолий Адамшин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
И ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ
Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
cp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ
Лиля Сергеева, Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Улица Юрия Гагарина 231, 11073,
Белград, Сербия

ОБЛОЖКА:
Яйцо Фаберже «Корзинка цветов». 1901



ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:

historyrussia.org, unesco.org, wikireading.ru,
en.wikipedia.org; *foto*: wikimedia.org/wikipedia/commons, commons.wikimedia.org, unsplash.com

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmoffice@russianmind.com
ТИРАЖ: 7000 ЭКЗ.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

6 ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ



«Улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года».

ИСТОРИЯ

12 РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Из-за свержения монархии и прихода к власти большевиков Россия проиграла войну с Германией.

22 МАСОНСТВО И ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ



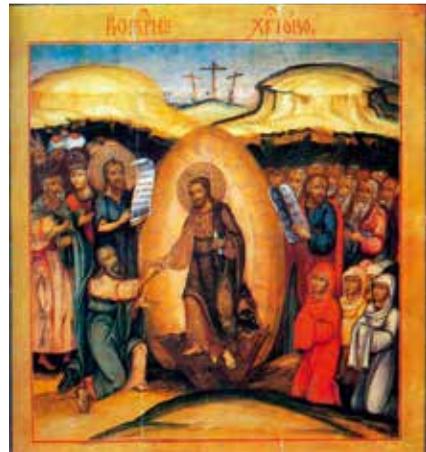
Идеи Просвещения стали активно распространяться в России с приходом к власти Екатерины II.

30 ЧЕЛОВЕК В ОТКРЫТОМ КОСМОСЕ

18 марта 1965 года второй пилот космического корабля «Восход-2» Алексей Леонов совершил первый в мире выход в открытый космос.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

34 ЮБИЛЕЙ ПАСХАЛЬНОГО ПРАЗДНОВАНИЯ



В этом году христиане всего мира празднуют Пасху 20 апреля.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

40 КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

Путь дипломата, политика и церковного деятеля в России и русском зарубежье (окончание).

НАУКА

48 УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК



Свыше 60 лет верой и правдой Александр Чучалин служит медицине и людям.

52 ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Артур Кларк: «Любая достаточно развитая технология неотличима от магии».

КУЛЬТУРА

54 «КРЕПОСТНАЯ БАЛЕРИНА»: ВОССТАНИЕ АМУРА И ПСИХЕИ

Этот балет сошел со сцены, но достоин того, чтобы вспомнить хотя бы его либретто, потому что в нем отражено балетное самосознание.

58 ГЕНИЙ, УКРОТИВШИЙ МРАМОР И КРАСКИ



550 лет назад, 6 марта 1475 года, родился великий Микеланджело.

ЛИТЕРАТУРА

62 ДЕНИС ФОНВИЗИН: 280 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Из книги Валентины Скляренко «100 знаменитых москвичей».

66 ВОЛШЕБСТВО СКАЗКИ «КОНЕК-ГОРБУНОК»



К 210-летию со дня рождения русского поэта, прозаика и драматурга Петра Ершова.

68 «ГДЕ МОЙ РАССАДИН?»

К 90-летию со дня рождения настоящего критика.

70 БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ ГАНС КРИСТИАН



2 апреля 1805 года родился великий датский сказочник Г. К. Андерсен.

74 ИМПРЕССИОНИЗМ ВЕСНЫ

Представляем вниманию читателей подборку стихотворений известного русского поэта, переводчика и литературоведа Михаила Синельникова.

76 НА ПРОСТОРАХ РОДНЫХ...

Вновь на страницах нашего журнала стихи молодого талантливого поэта Анатолия Арестова.

78 ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ



Представляем вниманию читателей рассказ Владимира Мальшева из книги «Возвращение».

82 МОРМЫШКА И КОРОЛЬ

Рассказ известного российского журналиста Ольги Кузьминой.

РЕЦЕНЗИЯ

86 ДВУЛИКИЙ ЯНУС В ЖЕНСКОМ ОБЛИЧИИ

По страницам книги Александра Хорта «Первая русская юмористка. Жизнь и творчество Тэффи».

ОЧЕРК

94 ЖЕНСКИЙ БУКЕТ К 8 МАРТА

Портреты выдающихся женщин, внесших большой вклад в мировую культуру.

ТОЛЬКО У НАС

99 ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»

Окончание повести Валерия Поволоева.

106 СНЕГОПАД

Рассказ Владимира Титова, любезно предоставившего нам право первой публикации.

МИР КИНО И ТЕАТРА

108 ПУТЬ К СЛАВЕ



К 100-летию со дня рождения выдающегося актера театра и кино Иннокентия Смоктуновского.

СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

110 ПОЭЗИЯ, ТЕАТР, КУЛЬТУРА...

О международных днях, призванных объединять людей любой национальности и вероисповедания.

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

«Улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года»

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ



Анна Рахманова / Unsplash

«В еречочка» – так называлось жизнерадостное стихотворение Агнии Барто о детской игре со скакалкой, непременно дарящее прекрасное настроение. Наверное, потому, что строки эти о весне.

*Весна, весна на улице,
Весенние деньки!
Как птицы, заливаются
Трамвайные звонки...*

Эти стихи я выучил еще во втором классе и запомнил на всю жизнь. Для меня весна – самое любимое время года. Почему? Казалось бы, очевидно: весна – пробуждение природы, весна – солнечные, светлые дни, увеличивающиеся с каждым нашим новым утренним пробуждением...

В случае со мной все гораздо приземленнее и тривиальнее. Дело в том, что в марте у меня день рождения! Это сейчас, с прожитыми годами, я воспринимаю каждый такой персональный праздник как напоминание о том, что безжалостное время, управляющее нами, летит чересчур быстро. А тогда, в детстве, когда часы



и дни тянулись вечно, день рождения ассоциировался у меня не только с подарками, но и со сладким столом, безусловной королевой на котором была... картошка! Нет, не привычная, купленная в овощном магазине и черная от налипшей на ней земли картошка – вареная или жареная, в виде пюре или соломки-пай... Нет, нет и нет! Это была сладкая картошка – пирожное, которое я обожал и которое сохранилось ныне только в далеких воспоминаниях. Торты и другие кондитерские деликатесы мы на семейные праздники не покупали – дорого, признаться, да и не обязательно вкусно. Десерты предпочитали делать сами. То ли в воспитательных целях, то ли из-за того, что у мамы, журналиста и редактора, не было свободного времени, она привлекала к приготовлению сладкого меня. Как говорят педагоги, воспитывала на собственном примере, наверное. Признаюсь, поначалу я упирался, а потом даже начал получать в кулинарных экзерсисах на нашей маленькой кухне нечто вроде удовольствия. Тем более что мне доверяли

такое ответственное дело, как дегустация. И сейчас помню неизменный, святой порядок приготовления пирожного-картошки.

Сперва брались ванильные сухари (достать их в советских булочных большого труда не составляло) и запускались в мясорубку с ручкой, похожей на орудие убийства. Этот тяжеленный, как мне казалось тогда, агрегат, отлитый из элитного чугуна, целый год был храним мамой в старой наволочке в пронафталиненном шкафу, чтобы торжественно явиться на свет как раз к моему дню рождения. (Занимательная деталь: как-то я приехал в парижскую мастерскую, что у Центра Помпиду, к Оскару Яковлевичу Рабину и заметил знакомую до боли советскую мясорубку, прикрепленную винтом к столу; оказывается, художник использовал этот примитивный кухонный инструмент в качестве натурности при создании картины о ГУЛАГе – люди отправлялись режимом в мясорубку репрессий...).

Так вот: вернемся к самодельной картошке, согласно рецепту моей бабушки. К перемолотым в труху

сухарям добавлялись полпачки сливочного масла, стакан теплого молока, два-три – в зависимости от их размера – яйца... Видимо, также и сахар, и нечто аппетитное еще, что я сейчас уже и не упомяну. Все это тщательно перемешивалось, превращалось в однородную массу и – тут, прошу заметить, главное! – добавлялась полная столовая ложка коньяка (кое-кто, как мне рассказывали, порой заменял его водкой, но это, согласитесь, банальное кощунство). После чего коричневая «замазка» начинала божественно благоухать! Оставалось лишь намочить ладони, чтобы к ним ничего не прилипло, и приступить к лепке непосредственно картошки. Получались продолговатые камешки (у меня они почему-то выходили разных размеров), которые мы в завершение процедуры катали в порошок какао «Золотой ярлык». И готов домашний деликатес! В холодильник его, в холодильник!..

Никто из домашних на первую пробу продукта, кроме меня, мальчишки, не претендовал. Да и я особо не рвался дегустировать:



Свято-Сергиевский православный богословский институт на территории Сергиевского подворья в Париже

картошка куда вкуснее холодная – застывшая, твердая. Это тебе не коржи для наполеона, французы называют такой культовый торт «мильфей». Коржи у нас втихую съедались одновременно с тем, как мама колдовала над сливочным кремом для торта. Делалось это чудо домашнего угостительства на ее собственный день рождения, который приходился на неделю позже моего.

Боже праведный, как сладок месяц март! Ведь за два дня до моего персонального праздника был еще и день рождения дедушки.

Свидетель Истины

Не помню день, когда я познакомился с Константином Ясеевичем Андрониковым, дипломатом и ученым, но знаю, что это произошло весной. Однако твердо помню: произошло это в Свято-Сергиевском православном богословском институте, что на Крымской (рю де Крима) улице в Париже.

Князь Андроников некогда был ректором этой семинарии, а когда я пришел к нему для интервью, просто читал лекции студентам из разных стран. Как он сам мне сказал: «Я специалист по пасхальному ритуалу». Престижное занятие – преподавать в удивительном учебном заведении, где профессорами выступали Сергей Булгаков и Иван Ильин, Василий Зеньковский и Владимир Лосский, где ректором был Антон Карташев, чьи «Очерки по истории русской церкви» в двух томах были моими настольными книгами, где хором студентов, для которого литургические произведения писал сам Александр Глазунов, руководил Михаил Осоргин...

Господи, какие имена! Константин Ясеевич показал мне аудитории семинарии, оставшейся единственной русской в целом мире

вплоть до 1944 года, когда в Советском Союзе возобновили работы Православный богословский институт, два года спустя преобразованный в Московскую духовную академию. Завел и в общежитие, сразу напомнившее мне наши эмгэушные общаги. И сказал, словно ненароком: «Вы, как я понимаю, человек крещеный». Мне пришлось опустить очи долу и признаться: «Нет, Константин Ясеевич... Искренне верующий, но не крещеный». Он вскинул голову на длинной шее, посмотрел на меня и примирительно сказал: «Понимаю... советское наследие...» Я и не знал, что ответить. Что мать с отцом были у меня крещеными – бабки в детстве расстарались, – но в церковь не ходили? Что я, с детства с восторгом изучавший историю, всегда как-то подспудно интересовался религией и во время первой же моей поездки во Францию зашел в Париже в русский магазин, что напротив храма на рю Дарю, и купил там карманную, на папиросной бумаге Библию? Что бабушка, воспитывавшая меня, – женщина деревенская, сокровенная, однажды призналась: «Бога нет, твердо знаю! У меня в церкви во время заутрени орenburgский платок украли...»

Почувствовав мое замешательство, Андроников произнес: «Знаете что, приходите на Крымскую послезавтра. В храме пройдет пасхальная служба... Вам будет интересно». Так я и поступил и не пожалел.

Апрельский день выдался полетному теплым. Прекрасная, понастоящему праздничная служба! А потом начался крестный ход.

Здание церкви, перестроенной в середине 1920-х годов по призыву митрополита Евлогия на медные деньги русских людей из протестантской, немецкой молельни, потонуло в зелени. Процессия следовала вокруг храма под пение и звон колоколов, а на лица нам роняли росу

сочные, безумно ароматные, тяжелые кисти сирени. Счастье, единение, удивительный эгрегор настоящего христианского братства...

Мы с женой в тесной веренице единомышленников старательно несли свечи, загорая их ладонями от легкого ветерка. Мы переглянулись и поняли, что захотели сказать друг другу: «Будем креститься! Непременно вдвоем».

Несколько дней спустя я вновь встретился с Константином Ясеевичем. На этот раз у него дома, недалеко от парка Монсури, что в 14-м округе Парижа. Долго разговаривали. Андроников вспоминал, как был переводчиком президентов Шарля де Голля и Жоржа Помпиду, как президент Валери Жискар д'Эстен уволил его после того, как Константин Ясеевич отказался в составе французской делегации возлагать венки к мавзолею Ленина...

По итогам этой беседы родился мой газетный материал об этом удивительном человеке, князе Андроникове. Назвал я тогда интервью в духе очерков о первых христианах: «Свидетель Истины».

Расставались мы уже друзьями. На прощание Андроников, которому я поведал о нашем с женой желании креститься, сказал: «Не спешите! К такому важному делу стоит подготовиться... Я вас познакомлю с моим учеником и коллегой по Институту отцом Николаем Чернокраком, сербом из Краины, прекрасно говорящим по-русски, у него жена – из наших».

Так оно и вышло: более года мы общались с отцом Николаем и беседовали с ним о Библии и Делах Христовых. Готовились.

Решили пройти крещение в церкви Святого Серафима Саровского, что на улице Лекурб. Я, как-то гуляя с маленьким сыном по 15-му округу Парижа, где издавна селились «белые русские» (там, помнится, в маленьких лавочках можно было найти редкий во Франции продукт

под названием «ле творог»), заметил вход в арку, рядом с которым на стене дома висела табличка с объявлением православного храма. Я зашел и увидел маленькое чудо: деревянный храм (он был построен и освящен в 1933 году) с небесного цвета округлыми куполами и два монументальных дерева, пронзивших крышу.

Со временем мы познакомились с прихожанами. Подружились с Татьяной Дмитриевной Жигмановской, угнанной румынскими оккупантами бывшей одесситкой, старостой храмовой общины. Эта сильная женщина – она стремительно теряла зрение, но все равно продолжала ходить к парижскому Серафиму Саровскому – любезно согласилась стать нашей крестной матерью. Крестным же отцом я захотел пригласить, естественно, Андроникова. Начал звонить Константину Ясевичу, но трубки никто упорно не брал. Рассказал об этом отцу Николаю. Он удивился: «Уже месяц, как Константина Ясевича нет с нами...» В командировках и разъездах я пропустил это горестное событие и на похороны не пришел. Как больно!

Крещение наше мы отложили и вернулись к нему только в апреле... Тогда-то оно и состоялось, наше двойное с женой крещение. Благодаря ему мы по-новому поняли слова Виктора Гюго: «Если бы люди не любили друг друга, я бы не видел никакого смысла в весне».

«Дусманчик» и «снегогон»

Ах, эти праздники начала весны! Это и Международный женский день 8 марта, и День добрых дел 15 марта, и Всемирный день здоровья 7 апреля, и День космонавтики 12 апреля... Всего и не перечислишь.

Мне из этого сонма весенних фиест больше всего по сердцу

Всемирный день поэзии, который отмечают 21 марта. В СССР с него начинались весенние школьные каникулы, к которым приурочивали в советских масс-медиа Неделю книги. Полезное дело, согласитесь! Не зря утверждал Эммануил Кант: «Из всех искусств первое место удерживает за собой поэзия».

Вспоминаю о моем интервью с испанцем Федерико Майором. Генеральный директор ЮНЕСКО, он больше всего гордился не своим высоким международным постом, а тем, что был поэтом: «Поэзия – это воплощение красоты, а если верить Достоевскому, красота спасет мир».

Занимательна история учреждения Дня поэзии. Инициатива исходила от американской поэтессы Тессы Суизи Уэбб. В 1938 году с ее подачи и после продолжительной агитационной кампании в американском штате Огайо, где жила и работала писательница, 15 октября, день рождения замечательного древнеримского стихотворца Вергилия, был объявлен Днем поэзии. Поначалу – только в Огайо, но в дальнейшем его примеру последовали другие штаты и другие страны. Продолжалось это немало лет, пока в 1999 году в ЮНЕСКО не решили заменить день Вергилия всемирным праздником поэзии. И выбрали для этого прекрасный весенний день – 21 марта. Величественной латыни Вергилия с его прекрасными «Буколиками», «Георгиками» и «Энеидой» наши современники предпочли поэзию как средство поддержания языкового разнообразия и объединения представителей разных культур. 30-я Генеральная конференция ЮНЕСКО в Париже утвердила это. И прекрасно!

Во Всемирный день поэзии литературные музеи и библиотеки проводят поэтические вечера, по радио и телевидению устраиваются выступления писателей, специально

к этой дате выпускают сборники стихов... И вообще, в этот день мы задумываемся о необходимости сбегать правильный, грамотный, литературный язык.

«Наш родной язык – самое большое и ценное народное достояние после жизни», – говорил мне академик Ален Деко, возглавлявший одно время в Пятой республике учреждение, специализирующееся на распространении франкофонии и на защите от англоамериканизмов языка Вольтера и Гюго. Он был прав, этот обаятельный мудрец, писатель, популяризатор истории, журналист. Когда какая-то страна захватывалась другой, первым делом оккупанты принимались уничтожать родной язык проигравших. «Язык – дух народа, и у него свои правила существования, – утверждал месье Деко. – Они свои не только в каждой стране, но даже и в любом большом городе». И правда, в Москве существуют «батоны» и «бордюры», а в Санкт-Петербурге – «булки» и «поробрики». Дальше – больше! В Париже во многих кварталах существует свой язык. Например, бокал пива на Монмартре – «барон», а на Монпарнасе – «формидабль».

Эти ремарки, конечно, в порядке юмора, но в них кроется определенная «сермяга»: язык принадлежит не только нам, но и времени и месту, в которых мы существуем. Не зря Александр Дюма-отец считал, что принадлежность к одному кварталу с его языком равняется дворянскому званию и изысканному образованию.

Вспоминаю мою встречу на рю де Винь – улице Виноградников – в 16-м парижском округе, в квартире Александры Петровны Плетневой-Бутан, с Ниной Николаевной Берберовой. С этой прекрасной писательницей (мой материал, в котором обыгрывалась берберовская книга мемуаров «Курсив мой», получил название:

«Не только курсив») мы говорили в том числе и о русском языке. Она привела мне в пример свои «Биянкурские праздники» и другие рассказы, изобилующие жаргоном многочисленных бывших солдат и офицеров Добровольческой армии, трудящихся на заводах «Рено» в Булонь-Бийанкуре – особенно в литейном цехе: «Вдумайтесь в это и постарайтесь понять! Представьте себе объявление прямо на окне: “Есть либерная комната”. Когда я попыталась внушить автору этого анонса, что проще написать: “Есть свободная комната”, человек обиделся и призвал меня “говорить с дусманчиком”. То есть попросил нежно, ласково говорить... Народ приспособливает под себя чужой язык, переваривает его и выбирает в нем лишь то, что ему подходит. Вообразите: “Буабудонский лес”! По-французски *bois de Boulogne* – Булонский лес, а наш человек в Париже успешно объединил французский с нижегородским!»

Во Всемирный день поэзии хочется в очередной раз задуматься о необходимости охраны и защиты русского языка. «Однажды к Владиславу Фелициановичу обратился за консультацией писатель Довид Кнут, – вспоминает Берберова о своей жизни во Франции с замечательным русским писателем Ходасевичем. – Ходасевич взял рукопись, которую вручил ему молодой человек, и через неделю брезгливо вернул. Сказал: “Не обижайтесь, но я много что у вас поправил... Поймите, друг мой, так по-русски не говорят”. А Довид Кнут в ответ: “А у нас в Кишиневе говорят!” Он был очень милым человеком, но не понимал, что язык под себя не подравнивают».

И в самом деле: если б наши предки старались подравнивать под себя язык, март и апрель назывались бы у нас совсем по-иному. А так имена обоих месяцев возвращают нас ко временам Древнего Рима.



Нина Берберова. 1930-е годы

Апрель происходит от латинского *aperire* – «открывать» (у римлян в это время зацветали кустарники и цветы), а март получил свое название в честь римского бога Марса... Непорядок получается! Ведь у наших предков были более понятные для потомков имена для первых весенних месяцев, с глубоким смыслом имена. Так, март звался «зимобором», «сухим» или «протальником». И правда, на нагретой солнцем земле, встречающей щедрого на тепло бога Ярило,

появлялись проталины. Апрель же, когда обильно тает снег, величали «снегогоном» или «цветнем»: деревья – с нимбом от растаявших сугробов у корней; сквозь липкие листики пробиваются первые цветы. А на юго-западе России, ближе к Белоруссии и Украине, апрель называли «березень»: в березах сок двигается, люди начинают к посеву готовиться... Апрель любого с печи сгонит.

Давайте и мы будем готовиться к дарам весенней погоды!

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

*Из-за свержения монархии и прихода к власти большевиков
Россия проиграла войну с Германией*

ТЕО ГУРИЕЛИ

Годы после окончания Русско-японской войны были насыщены бурными событиями в Европе. В их основе лежала борьба балканских государств и покоренных народов против давления со стороны Османской империи. Напомним, что реальными союзниками этой империи были Германия и Австро-Венгрия. Долгое время Австро-Венгрия, распоряжавшаяся судьбой нескольких балканских государств в центре Европы, планировала и далее продолжать ту же политику, пользуясь поддержкой Германии. Между тем балканские народы сознавали, что только объединив свои усилия и пользуясь поддержкой России, они могут вести вооруженную борьбу против Турции. В свою очередь Россия способствовала образованию союза балканских государств и народов в интересах их полного освобождения.

Наиболее заинтересованной в активизации борьбы против Турции была Сербия. Начало передела европейских границ сулило Сербии захват хотя бы небольшой части Албании и, значит, выход к морю. Этого Австро-Венгрия допустить не желала и поэтому была намерена сблокироваться с Италией, которая также не хотела видеть Сербию морской державой.

Еще одним камнем преткновения была судьба Македонии: Сербия, Греция и Болгария претендовали на значительную часть ее территории. Переговоры между

балканскими государствами велись месяцами, порой напоминая базарный торг.

Но ненависть к Турции была настолько велика, что, несмотря на все разногласия, они оказались едины в решении воевать с Турцией. Невзирая на предостережения Австро-Венгрии, 9 октября 1912 года Черногория начала боевые действия против Турции. Спустя неделю к ней присоединились Сербия и Болгария, а вслед за ними и Греция.

Турецкая армия была пораительно быстро разгромлена балканскими союзниками. Турки запросили мира и обратились к великим державам с просьбой о посредничестве.

Обстановка в Европе складывалась довольно необычная. И больше всего она тревожила Россию. Дело в том, что ее беспокоила судьба турецких проливов. Англичане вполне могли ввести в проливы свои военно-морские силы, чтобы славяне, захватив Константинополь, не отдали бы проливы Российской империи.

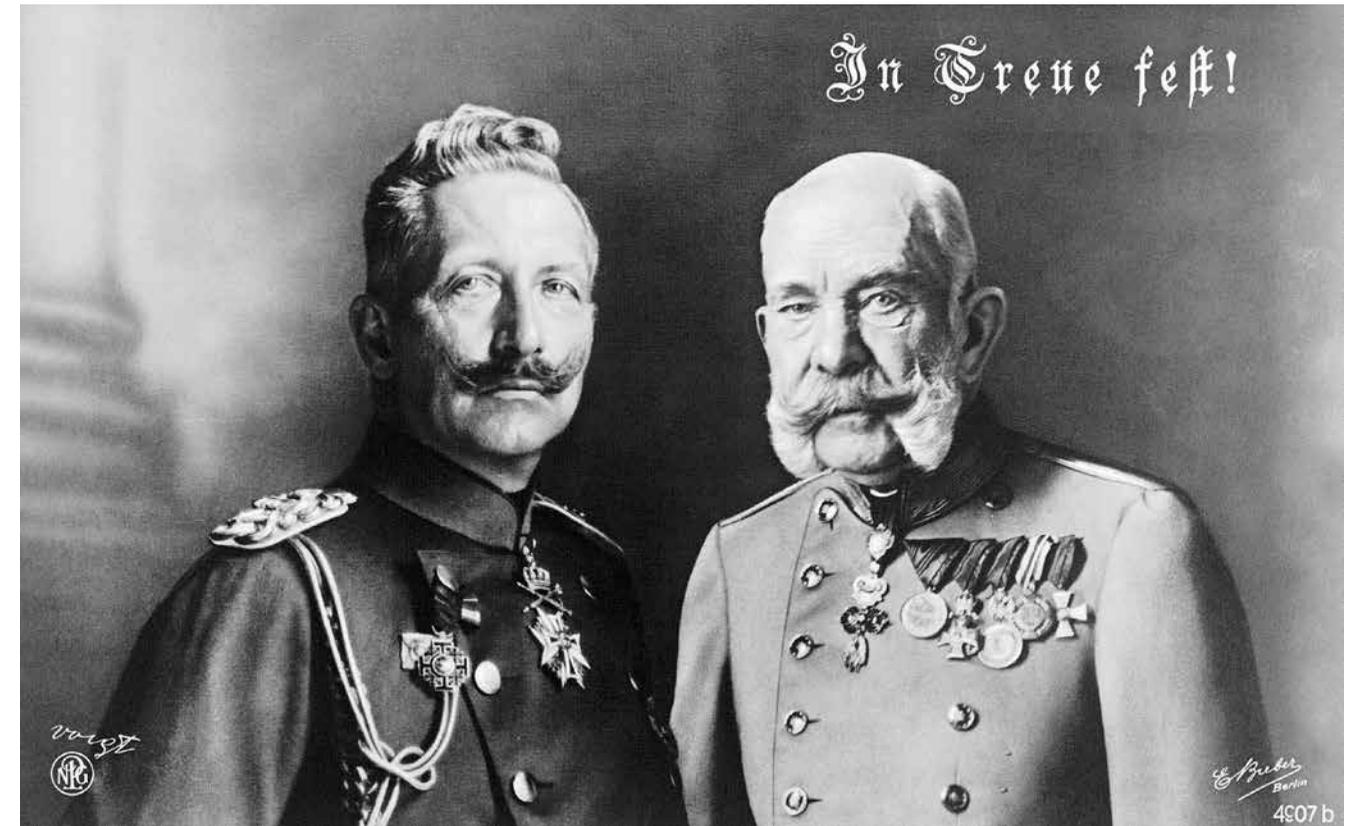
Австро-Венгрия тревожило будущее Адриатики: она могла неожиданно превратиться в зону доминирования славянских и православных государств. Судя по напряженности ситуации, война могла начаться уже тогда, но российские власти решили «придержать коней»: царское правительство сознавало, что страна не готова к войне с половиной Европы.

Но по крайней мере три страны Европы хотели бы поскорее начать войну за передел Европы. Первой была Франция. Она всячески подталкивала Россию к войне, а чтобы Российская империя разворачивала новую программу перевооружений и готовилась к военным действиям, предлагала ей все новые займы, в частности на строительство стратегических железных дорог и значительное увеличение армии.

Второй, разумеется, была Германия. Создав армию нового типа с большим количеством артиллерии, а также эффективно работающую военную промышленность, Германия планировала раздавить не только Францию, но и Бельгию с Голландией, а затем на правах победительницы отобрать у этих стран колонии.

Англия тоже хотела, чтобы в Европе запахло войной и чтобы балканские страны и Россия схлестнулись с западноевропейскими державами. Но свою задачу она видела в том, чтобы какое-то время оставаться над схваткой и играть роль арбитра; такая позиция сулила выигрывать в ходе мирных переговоров и очевидные политические преимущества в будущем.

Война не началась ни в 1912, ни в 1913 году, и в основном это была заслуга России. Она призвала балканские страны к сдержанности, рекомендовала сербам не оккупировать Албанию и не выходить к Адриатике, что почти неминуемо привело бы к ширококомасштабному



Немецкая открытка с портретами кайзера Германии Вильгельма (слева) и австро-венгерского императора Франца Иосифа (справа). В правом верхнем углу фотографии — фраза на латинском: «In Trene Fest!» (Истинная верность)

конфликту. Как ни удивительно, Англия эту позицию поддержала; Австро-Венгрия сразу же согласилась с Англией.

Казалось бы, Европа отдалилась от войны, но на деле все было как раз наоборот. Видя, что балканские союзники не наступают дальше европейской части, Турция начала выдвигать свои войска на север с явной целью отрезать Россию от балканских стран.

Российское правительство предупредило Турцию, что если военные действия такого рода с турецкой стороны продолжатся, то Российская империя может отказаться от своего нейтралитета. Туркам пришлось уступить. В Петербурге надеялись, что теперь уж в регионе все наконец успокоится, но тут в Турции произошел переворот: к власти пришло правительство младотурков во главе

с Махмудом-Шевкет-пашой. Это правительство сразу же заняло непримиримую позицию и начало новую мобилизацию. Балканские союзники возобновили военные действия.

Германия тут же вмешалась, объявив, что любые действия России в пользу балканских стран будут восприняты Германией как угроза европейскому миру. Вдобавок ко всему Болгария, Сербия и Греция перессорились между собой. Это несколько улучшило положение Турции, и начались долгие и изнурительные переговоры, которым предстояло положить конец турецко-балканскому конфликту. Они закончились Лозанским договором, который, однако, не устроил ни одну из сторон. В распоряжение победителей перешла почти вся территория европейской Турции. Вопрос о границах

Албании и ее статусе и государственном устройстве, а также о принадлежности Эгейских островов остался открытым.

Но наибольшей проблемой для европейского сообщества стало развитие конфликта между Черногорией и Албанией из-за маленького города Скутари, находящегося на западном краю Балкан, вблизи северной границы Албании. Черногорцы осадили городок на том основании, что он некогда принадлежал Черногории. Австро-Венгрия была на стороне албанцев и требовала от черногорцев немедленно снять осаду; последние же были непреклонны. Россия их поддерживала. Назревал вооруженный конфликт между двумя империями. Серия переговоров, которые проводились по инициативе Англии, проблему не решила: Балканы погружались в пучину военных



Царь Болгарии Фердинанд I

столкновений, от пограничных инцидентов до крупных конфликтов. Затем вспыхнула Вторая Балканская война. Она и стала прелюдией к мировой войне.

Начиная с этого момента действия западноевропейских держав уже были составной частью акций, направленных

на разжигание широкомасштабной мировой войны.

Австро-Венгрия стала первой зачинщицей всеобщего кровопролития. Смертельно боясь военных успехов Сербии и ее роли в сплочении балканских государств против австрийского засилья, Австро-Венгрия приступила

к развертыванию резервов для войны. Из Галиции и других окраинных районов империи на балканский фронт стали прибывать войска, готовые вступить в сражение.

Заметим, что к этому времени Вена уже получила секретные сообщения из Берлина и Турции, что эти две державы на ее стороне.

Первой задачей этой тройцы было оторвать от Сербии Болгарию. Это оказалось относительно просто: царь Болгарии Фердинанд I был сыном владетельного принца германской земли Сакс-Кобург Гота и вообще германофилом. Он предпочел ориентироваться на Австро-Венгрию. Теперь у Сербии появилась угроза удара со стороны Болгарии в тыл сербским частям.

Болгарский царь недолго раздумывал, предавать или нет своих прежних союзников. В июне 1913 года болгарские войска начали боевые действия против сербских и греческих частей. Это был подлый акт, но болгары думали, что Германия и Австро-Венгрия смогут повлиять на Румынию, чтобы она не стала на сторону Сербии. Румыния, однако, была шокирована болгарским предательством; 3 июля она начала всеобщую мобилизацию, а через неделю объявила Болгарии войну.

Хотя угроза русского вмешательства в новую балканскую войну была в тот момент невелика, австрийцы начали готовиться к отражению русских сил. Но очень скоро стало ясно, что болгарская армия не имеет никаких шансов победить румын: она была отброшена с большими потерями.

Турция, конечно же, сразу воспользовалась тяжелым положением Болгарии, тем более что ни Германия, ни Австро-Венгрия на помощь Болгарии не пришли. Царь Фердинанд вынужден был запросить мира.

В конце концов в Бухаресте был заключен мир, но стало ясно,

что ни у Германии, ни у Австро-Венгрии уже нет такой мощи, чтобы одним окриком заставить балканские страны резко изменить свою позицию.

Конфликты в регионе ширились и становились все опаснее для европейского мира. Наиболее серьезным стал тот, который был начат Сербией: собрав достаточно сил в ходе второй балканской войны, Сербия решила все же добиться выхода к Адриатике. Против нее резко выступили почти все западноевропейские страны, в первую очередь Германия, Австрия, Италия и Англия. Россия, Греция и Франция поддержали Сербию. В результате стало ясно, какой в общем и целом будет конфигурация двух союзов тех стран, которые станут противниками в случае, если европейская война станет реальностью.

Наиболее явным стало партнерство Германии и Австро-Венгрии. Когда австрийское правительство направило Сербии ультиматум с требованием немедленно вывести войска из Албании, Берлин направил в Вену послание, в котором не только поддержал все действия австрийцев, но и обязался принять в военных действиях Австрии должное участие. Россия посоветовала Сербии отступить под австро-германским нажимом.

Российская разведка вскоре получила сообщение о том, что в ноябре 1913 года Германия и Турция подписали секретный договор о посылке в Турцию германской военной миссии, в которой было больше сорока офицеров. Их задачей была реорганизация, а затем и переоснащение турецкой армии. Глава миссии Лиман фон Сандерс становился при этом командиром корпуса, размещенного на берегах проливов.

Россия выразила свое возмущение происходящим: получалось, что турецкими войсками будут командовать немецкие генералы. К дипломатическим шагам России

присоединилась, после некоторых колебаний, и Франция.

Всей Европе стало ясно, что германский империализм явно провоцирует другие державы на резкие выступления и что европейская война становится все ближе и все неизбежнее.

Согласно заключениям радикальных элементов в российской социал-демократии, особенно сторонников Ленина и Троцкого, Первая мировая война была следствием противоречий и борьбы за передел мира всех империалистических держав Европы. Между тем мера ответственности за развязывание войны и за огромные жертвы, понесенные сторонами в ходе этой войны, была совершенно разной. Россия, хоть и поддерживала балканские государства в борьбе с австро-венгерским и германским империализмом, постоянно пыталась удержать западные державы от вовлечения всей Европы в невиданное прежде массовое кровопролитие. Что же касается Германии и Австро-Венгрии, то именно они более всех остальных жаждали этой войны, чтобы вернуть себе право сильных и установить диктат над малыми странами в результате передела границ в Европе. Главным источником агрессивной политики была Германия.

Поводом для развязывания войны стало убийство в городе Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда. Он был племянником и престолонаследником австрийского императора Франца Иосифа I. Одряхлевший император передал ему практически все бразды правления и доживал свой век в покое.

В отличие от императора, которого уже мало заботили дела государства, эрцгерцог был довольно воинственной фигурой. Считая Сербию главным и наиболее опасным врагом австрийской империи, эрцгерцог на протяжении более полугода готовился к войне с Сербией,

разрабатывая в генеральном штабе операции против сербской армии.

Трагической ошибкой эрцгерцога было то, что он принял предложение сараевского губернатора генерала Потioreка приехать на празднование годовщины Битвы на Косовом поле (она произошла между сербами и турками в 1389 году). К этому времени Сараево уже 35 лет был боснийским городом в Австрийской империи, но население его было по-прежнему в основном сербским.

В самой Сербии было несколько крупных националистических организаций, включая тайную группу «Черная рука», в которую входили многие офицеры, чиновники и студенты. Организации удалось переправить в Боснию несколько активных боевиков. 28 июня 1914 года они совершили неудачное покушение на жизнь эрцгерцога, но в тот же день не запланированное боевиками второе покушение привело к его гибели.

Повод для войны был идеальным: погиб наследник престола, будущий глава государства, фактический командующий армии.

Чтобы убедиться в полной поддержке Германии, Австрия обратилась к союзнице и получила положительный ответ. Впрочем, никто в мире не сомневался, что Германия выступит вместе с Австро-Венгрией. Логика подсказывала, что, если Россия не выступит на защиту Сербии, которая является ее главной союзницей на Балканах, Сербия будет уничтожена. Следовательно, Россия в войну непременно вмешается, а в данный момент Германия находится в наиболее выгодном положении с точки зрения ее боеспособности и готовности к боевым действиям.

Кайзер Вильгельм II встретился с австрийскими эмиссарами и полностью одобрил венский план кровавой расправы с Сербией. Более того, он сообщил им, что план



Эрцгерцог австрийский, наследник престола Австро-Венгрии Франц Фердинанд

мобилизации был готов еще 31 марта 1914 года, а план выдвигания войск – в апреле. Боеготовность немецкой армии была к этому времени наилучшей.

Вершиной творческого подхода кайзеровских генералов к началу войны было то, что все ведущие политики Германии отправились на отдых – кто к морю, кто на воды, – чтобы

создать видимость того, что ничего особенного ни в стране, ни в мире не происходит. Официальной прессе было дано задание писать об австро-сербских противоречиях в наиболее мягкой форме. Супруге Николая II, которая была принцессой Гессен-Дармштадской, немецкие друзья в Москве передавали, что кайзер соскучился без Мариинского

театра и планирует вскоре посетить Петербург...

Англия сначала заняла выжидательную позицию, но, тщательно взвесив шансы сторон, решила, что нейтральной не будет и вмешается в схватку, когда основные силы Германии будут уже задействованы в боях с французами и русскими. Италия отказалась воевать на стороне бывших союзников: итальянские власти решили, что война будет долгой, жестокой и разрушительной, так что лучше не ввязываться в драку сразу.

Стратегические планы Германии строились в расчете на молниеносный разгром Франции, что, по мнению кайзеровских генералов, могло стать возможным благодаря низким темпам мобилизации русской армии и ее сосредоточения в исходных районах для наступления: на все это требовалось более 40 дней. В течение этого периода Россия, как полагали немцы, не могла оказать своей союзнице никакой реальной помощи. А разгромив французскую армию, Германия бросила бы все силы на восточный фронт – против России.

Если бы этот план удалось осуществить, противники Германии были бы сокрушены порознь. Отсюда вывод, что каждый лишний день военных приготовлений России был важен для Германии. Для того чтобы задержать мобилизацию в России, Германия была готова на все – даже на гнусный обман или любую подлость.

Россия не хотела войны. Реорганизация вооруженных сил еще продолжалась, обстановка в стране была осложнена деятельностью радикальных партий и широкой антиправительственной пропагандой.

28 июля 1914 года Николай II обратился к кайзеру Вильгельму с настоятельной просьбой успокоить Австрию и отказаться от курса на развязывание войны. Но стало



Суд над участниками покушения на эрцгерцога Франца Фердинанда. В первом ряду в середине – Гаврило Принцип, убивший эрцгерцога

ясно, что войну хотят в первую очередь сами немцы.

Чтобы выгадать побольше драгоценного времени, германские власти прибегали к любым недостойным приемам. Так, 28 июля кайзер Вильгельм II прислал русскому царю телеграмму, в которой попытался успокоить его, пообещав, что непременно окажет определенный нажим на Вену. Напомним, что кайзер и русский царь были троюродными братьями, а Вильгельм к тому же был двоюродным братом жены Николая II. Но на следующий же день к министру иностранных дел России Сергею Сазонову явился германский посол граф Пурталес и прочел телеграмму германского рейхсканцлера

Бетмана, в которой содержалось требование к России немедленно прекратить все военные приготовления, иначе Германия объявит мобилизацию, что может привести к войне. К удивлению посла, Сазонов заявил: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости».

В тот же день, 29 июля, по настоянию начальника генерального штаба Янушкевича и самого Сазонова, Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации. Вечером начальник мобилизационного отдела генерального штаба генерал Сергей Добророльский прибыл в здание петербургского главного телеграфа и лично привез туда текст указа

о мобилизации для отправления его во все концы Российской империи. Оставались минуты до начала передачи телеграммы. Но тут Добророльскому был передан приказ царя: остановить передачу указа.

Оказалось, что Николай II получил новую телеграмму кайзера. В ней Вильгельм II вновь заверял царя, что постарается достигнуть соглашения между Россией и Австрией, и просил царя не мешать ему в этом благородном деле ненужными военными приготовлениями. Прочитав телеграмму родственника, император отменил указ о всеобщей мобилизации.

Сазонов, Янушкевич и Сухомлинов были крайне обеспокоены тем, что Николай II поверил заверениям



Британская артиллерия в действии

кайзера. Они опасались, что Германия опередит Россию в мобилизации и развертывании армии, и решили попытаться переубедить императора. Сазонов стал доказывать, что война все равно неизбежна, так как Германия к ней явно стремится, и что при этих условиях мешкать со всеобщей мобилизацией очень опасно. В конце концов Николай II сдался и решил мобилизацию не отменять.

Вечером застучали все аппараты главного петербургского телеграфа: всем военным округам был разослан указ царя о всеобщей мобилизации. Утром 31 июля он был уже получен повсюду.

В полночь 31 июля германский посол явился к Сазонову с ультиматумом: если 1 августа к 12 часам дня Россия не демобилизуется, Германия тоже объявит мобилизацию.

В тот же день и Германия приступила ко всеобщей мобилизации. В Берлине все было готово: надо было только подать сигнал

1 августа вечером германский посол снова пришел к Сазонову, чтобы узнать, намерено ли русское правительство дать благоприятный ответ на вчерашнюю ноту о прекращении мобилизации. Сазонов ответил отказом. «В таком случае, – произнес Пурталес, – я должен вручить вам эту ноту».

Отметим, что Бетман прислал послу два варианта ноты, и в одном из них, в зависимости от ответа Сазонова, было объявление войны. Пурталес, разволновавшись, отдал Сазонову оба документа.

Началась русско-германская война. Впрочем, Первая мировая война началась еще до того, как русские и немецкие войска встретились

на поле боя. В сражении между сербами и австрийцами 16–24 августа войска Австро-Венгерской империи потерпели поражение в районе хребта Цера.

Вступая в войну, армия Российской империи насчитывала 1 млн 423 тыс. человек личного состава, включая более 40 тыс. офицеров; когда мобилизация завершилась, армия была развернута до 5 млн 338 тыс. человек, в том числе до 80 тыс. офицеров. На вооружении армии имелось 6848 легких и 240 тяжелых орудий, 4157 пулеметов, около 4,5 млн винтовок, 263 самолета, 15 дирижаблей и 46 привязных аэростатов. В составе армии мирного времени было более 400 грузовых автомобилей, более 300 легковых, вспомогательных и санитарных автомобилей, более сотни

мотоциклов. По окончании мобилизации общее количество автомобилей выросло примерно в шесть раз, а мотоциклов – по меньшей мере в 15 раз. Боекомплект артиллерийских снарядов составлял в среднем от 1000 до 1200 единиц на одно орудие. В составе русского флота имелось 12 линейных кораблей (линкоров) и линейных крейсеров, 3 броненосных крейсера, 11 крейсеров, 71 эскадренный миноносец, 47 миноносцев, 30 подводных лодок, 15 канонерских лодок, 8 минных заградителей, 5 тральщиков, 10 посыльных судов, а также большое количество вспомогательных судов.

В общем и целом армия и флот Российской империи были мощнее сил большинства стран Европы, и если они и проигрывали сражения, то это происходило почти всегда из-за бездарности генералов и адмиралов или из-за того, что в армии и на флоте ширилась пропаганда дезертирства и разложения армии, а также «поражения своего правительства в империалистической войне», которую активно вели социал-демократы и анархисты.

О событиях Первой мировой войны написаны тысячи подробных и богато иллюстрированных изданий, поэтому мы ограничимся здесь кратким описанием главных сражений.

17 августа 1914 года 1-я и 2-я армии русского Северо-Западного фронта вошли в германскую Восточную Пруссию. Неподготовленное и плохо организованное наступление обернулось катастрофой: потери русских войск составили 245 тыс. человек, в том числе 135 тыс. пленными. Командующий 2-й армией генерал А. В. Самсонов застрелился

гораздо успешнее действовали войска русского Юго-Западного фронта. В Галицийском сражении, которое продолжалось с 18 августа по 21 сентября,

они нанесли поражение австро-венгерской армии.

21 сентября была осаждена крепость Перемышль. Русские войска заняли Галицию. Потери австро-венгерских войск составили 325 тыс. человек (в том числе до 100 тыс. пленными); русские войска потеряли 230 тыс. человек.

Спустя несколько дней произошло пограничное сражение французских и британских войск против наступающих германских армий. Союзные войска потерпели серьезное поражение и были вынуждены отойти за реку Марну. Однако последовавшее Марнское сражение германские войска проиграли и были вынуждены отойти за реки Эна и Уаза.

В конце сентября развернулась Варшавско-Ивангородская оборонительно-наступательная операция русских войск против германско-австрийских армий в Польше. Противник потерпел сокрушительное поражение.

Между тем сражение союзников с немцами во Фландрии на реках Изер и Ипр привело к тому, что стороны перешли к позиционной обороне. Союзников продолжали преследовать неудачи.

В ноябре германская эскадра адмирала М. Шпее (пять крейсеров) нанесла поражение английской эскадре адмирала К. Крэддока в Коронельском бою.

На русско-германском фронте русские войска были довольно успешны. В ноябре была отбита попытка германских войск окружить русские армии в районе Лодзи.

1915 год начался с ожесточенных усилий германских войск, которые старались окружить 10-ю русскую армию в Августовской операции (по названию города в Восточной Пруссии). Русские войска отошли на линию Ковно – Осовец.

В ходе Карпатской операции в феврале – марте 1915 года

капитулировал осажденный русскими войсками 120-тысячный гарнизон Перемышля (австро-венгерские войска). А в ходе Праснышской операции (Польша) германские войска были отброшены к границам Восточной Пруссии.

Май принес ряд неудач российским войскам. В результате наступления германских войск в Прибалтике русские войска 7 мая оставили Либаву. Германские войска вышли к Шавли и Ковно (взят 9 августа). Затем немцам удалось прорвать русскую оборону севернее Вилькомира, но русские войска нанесли контрудар и отбросили немцев.

В этот же период произошло то, чего никто не ожидал: турки разбили британские войска под Багдадом и осадили их в Кут-эль-Амаре. Британский корпус был преобразован в экспедиционную армию.

В начале мая на Юго-Западном фронте германско-австрийские войска совершили прорыв, и русским войскам пришлось оставить Галицию. Германско-австрийские войска заняли Перемышль, а 22 июня – Львов. Русские войска потеряли 500 тыс. пленными.

После того как турецкий флот обстрелял черноморские порты России, она объявила Турции войну; теперь у нее был и еще один фронт – Кавказский. В июне 1916 года была проведена Эрзерумская операция русской Кавказской армии. Был прорван турецкий фронт и взята крепость Эрзерум (16 февраля). Турецкие войска потеряли около 66 тыс. человек, в том числе 13 тыс. пленными; русские – 17 тыс. убитыми и ранеными.

Затем, в результате Трапезундской операции русскими войсками был занят турецкий город Трапезунд.

Одним из крупнейших сражений 1916 года была Битва при Вердене. В ней потери англо-французских войск составили 750 тыс. человек. Немцы потеряли 450 тыс.



Генерал Алексей Брусилов на станции в Ровно

4 июня началась наступательная операция Юго-Западного фронта Русской армии под командованием генерала Алексея Брусилова, получившая название Брусиловского прорыва. Ей предшествовала массивная артподготовка, утюжившая позиции австро-венгров с ночи 4-го до утра 6 июня; в результате была сильно повреждена первая полоса обороны противника. Перейдя в атаку, русские прорвали вражескую оборону почти одновременно

на 13 участках. К 18 июня был осуществлен прорыв всего южного фланга австрийского фронта.

С июля по ноябрь 1916 года продолжалось сражение английских и французских войск против немцев при Сомме. Потери союзных войск составили 625 тыс. человек, потери немцев – 465 тыс.

В феврале 1917 года в России произошла революция, получившая название «буржуазно-демократической». Последние исследования на основе

и российских, и западноевропейских источников показывают, что то был в сущности государственный переворот, организованный прогерманскими кругами в России и Восточной Европе при финансовой поддержке крупнейших банковских воротил Западной Европы.

Монархия была свергнута, и сформировано Временное правительство.

Как следует из исторических документов, перед значительной

частью его членов была поставлена задача создания в России глубокого политического и экономического кризиса, раздувания антивоенных настроений и вывода России из войны. Российская социал-демократия, следовавшая лозунгу «поражения своего правительства в империалистической войне», объективно оказалась в лагере противников России.

Между тем неудачи союзников продолжались. В апрельском наступлении они потеряли более 200 тыс. человек. А русские войска в их румынские союзники провели летом 1917 года успешное наступление на Румынском фронте.

В июле произошло событие, которое могло привести к страшным последствиям: во время третьей битвы при городе Ипре (Бельгия) Германия применила против англо-французских войск горчичный газ (отсюда и название газа – «иприт»). Это была не первая немецкая химическая атака: во время второй битвы при Ипре немцы применили хлор. Но использование смертоносного отравляющего вещества могло вызвать ответную реакцию союзников, которые были вполне способны затопить Берлин ипритом с самолетов.

Последним сражением России в войне была Моонзундская оборонительная операция русского флота.

В России произошла Октябрьская революция. А в марте 1918 года по настоянию Ленина и Троцкого Советская Россия подписала сепаратный Брестский мир с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Россия отказывалась от суверенитета над Польшей, Литвой, части Белоруссии и Латвии, обязалась вывести войска из Финляндии, Латвии, Эстонии и Украины и провести полную демобилизацию армии и флота.

Наиболее трагические последствия для местного населения



Немецкие пулеметчики в противогазах. Во время Первой мировой войны Германия стала применять боевые газы

имело решение Ленина и Троцкого отказаться от Карса, Ардана и Батума в Закавказье. В армянских районах, в которых уже не раз осуществлялись турками акции геноцида армян, направленные на «окончательное решение армянского вопроса», после ухода российских войск снова развернулись массовые убийства и депортации.

Процесс изгнания и уничтожения армян завершился серией военных кампаний в 1920 году против беженцев, вернувшихся в Киликию, и во время резни в Смирне, когда турецкие войска и полувоенные формирования вырезали армянский квартал в Смирне, а затем, под давлением западных держав, разрешили оставшимся в живых эвакуироваться. С уничтожением армян Смирны, последней уцелевшей компактной общины, армянское население Турции практически прекратило существование на своей исторической родине. Оставшиеся в живых беженцы рассеялись по миру, образовав диаспоры в нескольких десятках стран.

Трудно понять, почему руководство революционной России приняло подобные решения, ведь Германия находилась накануне полного разгрома: уже в сентябре: союзники, к которым присоединились США, начали общее наступление союзных войск на всем фронте, от Вердена до моря. Оборона германских войск рухнула, но из-за свержения монархии и прихода к власти большевиков Россия проиграла войну. Ее западные районы были опустошены, их экономика уничтожена.

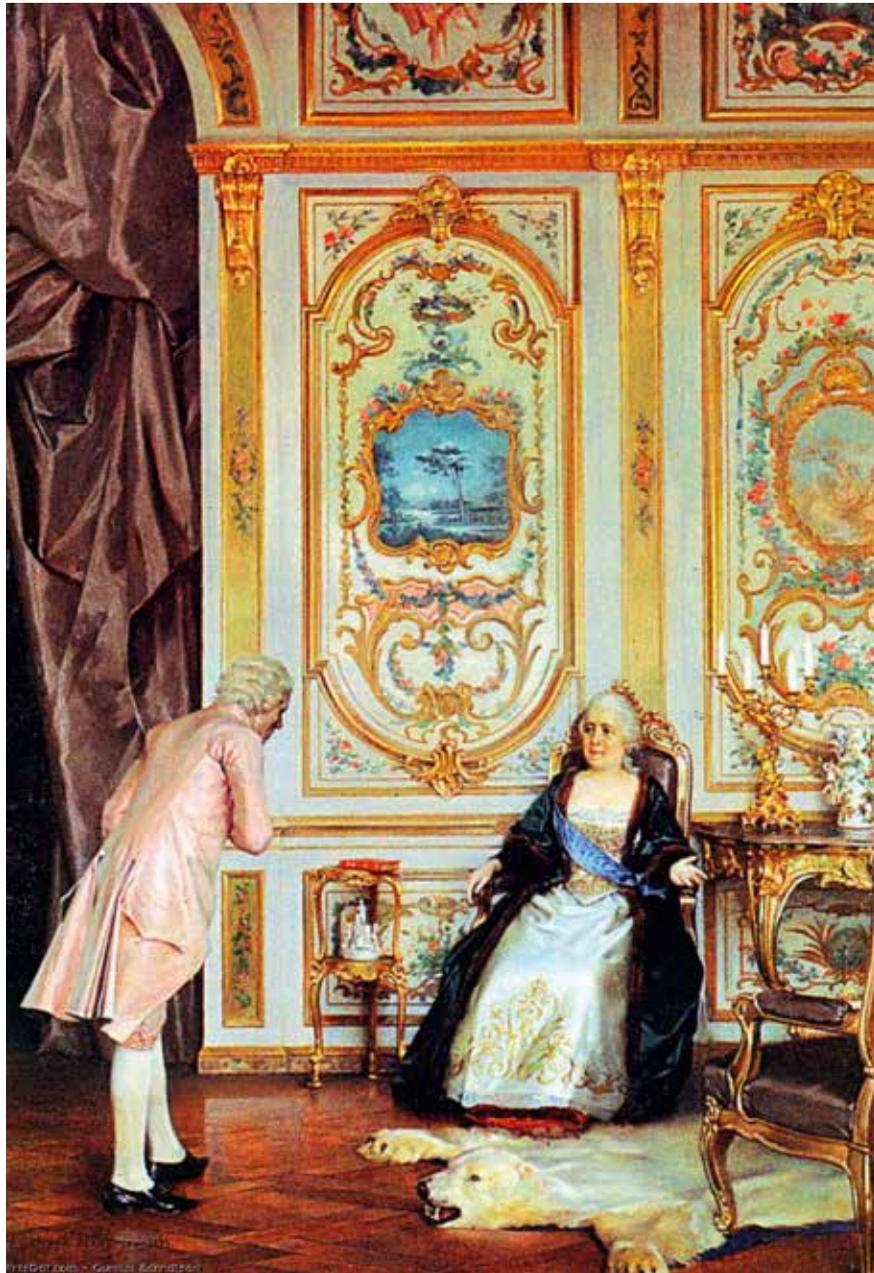
Россия потеряла в Первой мировой войне только погибшими от 900 тысяч до миллиона солдат и офицеров, ранено было больше трех миллионов человек, в плену оказалось до четырех миллионов. А подписав сепаратный мир Россия отказалась от репараций, от участия в Версальском мирном договоре, от возможности установления нормальных отношений со странами-союзницами, от огромного количества территорий, которые стали ее частью благодаря славным победам предков.

Все это невозможно ни понять, ни простить.

МАСОНСТВО И ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Идеи Просвещения стали активно распространяться в России с приходом к власти Екатерины II

РОКСОЛАНА ЖИГОН



Гуннар Фредрик Берндтсон. «Дени Дидро на приеме у Екатерины Великой». 1893

Масонство зародилось в Западной Европе на рубеже XVII-XVIII веков, и его можно смело назвать одним из важных компонентов эпохи Просвещения. Из Англии после «Славной революции» 1688 года масонство выплеснулось на континент вместе с волной якобитов. В XVIII веке масонство стало распространяться в Европе, где был создан целый ряд масонских систем. Членами лож были ярчайшие деятели эпохи Просвещения – Вольтер, Руссо, Дидро, Моцарт, Вашингтон, Франклин, Фридрих II Великий. Последнее имя вошло в ритуалы Древнего и принятого шотландского устава и одновременно стало характерным примером политики просвещенного абсолютизма.

В конце XVIII века в Европе издавались труды, приписывавшие просветителям организацию масонского заговора и Великой французской революции. Ярким примером такой литературы являлись книги французского историка аббата Огюстена Баррюэля «Волтерианцы, или История о якобинцах, открывающая все противохристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющие влияние на все европейские державы» в 12-ти томах и их сокращенный вариант – «Записки о якобинцах, открывающие все противохристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющие влияние на все европейские державы» в шести томах. Они были опубликованы во Франции в 1797–1799 годах и 1805–1809 годах переведены на русский язык

и изданы. Схожее по содержанию сочинение – «Доказательства заговора против всех религий и правительств Европы, осуществляемого в тайных собраниях масонов, иллюминатов и просветительских обществ» – написал в 1797 году англичанин Джон Робинсон.

Баррюэль писал, что с середины XVIII века в Европе существует тайное общество, поставившее своей целью уничтожение монархий и христианских церквей. Два первых тома сочинения были посвящены защите христианской церкви от козней масонов. Автор считал, что основателями общества были Вольтер, Дидро, д'Аламбер и король Пруссии Фридрих II. В качестве подтверждения приводились цитаты из переписки Вольтера. Главы томов соответствовали главным (предполагаемым) задачам масонов: истребление иезуитов, истребление всех монастырей, распространение незаконных книг, злоумышления под видом терпимости вер.

Первым шагом к разрушению религии автор считал деятельность просветителей и издание энциклопедии. Одним из методов разложения монархических государств указывалось создание «Академий», где под видом науки преподавалось бы масонское учение.

Ошибочность утверждений Баррюэля очевидна. Масонские ложи – наследники средневековых цехов – в определенный момент заимствовали компоненты идеологии просветителей, однако затем одна часть масонских систем вернулась к изначальной «простоте» цеховых ритуалов, а другая не только отказалась от идеологии просветителей, но и стала бороться против нее. Таким образом, в XVIII веке масонство прошло путь от пропаганды идей просветителей и рационалистов до крайнего консерватизма.

Изначальная идеология масонских организаций (лож) представляла собой синтез цеховых

традиций профессиональных ремесленников-строителей с идеями европейских, в первую очередь английских, интеллектуалов той эпохи. Эти мыслители, среди которых Дж. Локк, И. Ньютон, Ф. Бэкон и другие, считали необходимым избавление научной мысли от церковной догматики, уменьшение влияния церкви на светскую жизнь, подчеркивали важность личной свободы, человеческого достоинства, воспитания и образования. Каждая масонская ложа имела свой устав и четко структурированную иерархию. Конечной целью масонства являлось создание общества, основанного на свободе, равенстве и братстве без деления по национальному, расовому и религиозному признакам. Данная цель могла быть достигнута путем нравственного, интеллектуального и физического совершенствования человека.

В Россию масонство проникло в первой половине XVIII века, став главным проводником идей Просвещения. В масонских ложах состояли представители русского дворянства и знати, а также многие интеллектуалы, политические и общественные деятели. К их числу относятся И. П. Елагин, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин и др.

Расцвет деятельности русских масонов приходится на вторую половину XVIII века. Идеи Просвещения стали активно распространяться в России с приходом к власти Екатерины II. В период ее царствования внутренняя и внешняя жизнь общества кардинально изменилась. Ключевую роль в этом сыграло масонство с его стремлением к самосовершенствованию, что в свою очередь привело к критике монархии и официальных церквей.

При этом уже во второй половине XVIII века в среде европейских масонов появились направления, требовавшие от своих последователей быть идеальными христианами и подданными. Подобные идеи

практиковались в Ордене золотого и розового креста, а также в системе Исправленного шотландского устава. В то же время в Баварии был создан Орден иллюминатов, члены которого призывали развивать идеи Просветителей и внедрять их в общество. Между этими структурами сразу началась отчаянная борьба, приведшая к ликвидации Ордена иллюминатов. Уже на Вильгельмсбадском конвенте 1782 года лидеры европейских масонов осознали опасность попыток возродить Орден тамплиеров и отказались от этой идеи.

При этом в России неотамплиеры действовали до самого запрета масонских лож в 1822 году. Российские масоны работали в русле европейского масонского движения, а в некоторых случаях сами становились «законодателями мод». В Санкт-Петербурге родился замысел «клериката» И. А. Штарка (основная идея этой масонской системы заключалась в том, что хранителями тайн тамплиеров были священники) и системы П. И. Меллиссино. Обе системы получили распространение в Европе.

Екатерина II была поклонницей идей Просветителей. Ее царствование стало первым крупным этапом в истории русского масонства, хотя в конце его некоторые масоны подверглись гонениям. Главой первой российской Провинциальной ложи стал И. П. Елагин, доверенное лицо императрицы. Членом одной из его лож стал Н. И. Новиков, в биографии которого отразились искания масонов эпохи Просвещения.

Идеи воспитания просвещенной личности в русском масонстве

Николай Иванович Новиков, книгоиздатель и масон, ярчайший общественный деятель XVIII столетия, по словам историка



Портрет Д.И. Фонвизина работы Арман-Шарля Сараффа

В. О. Ключевского, подлинный энтузиаст «гутенбергова станка», причувший Россию читать. Ключевский характеризует «ревниителя российского просвещения» следующими словами: «У него было два заветных предмета, на которых он сосредоточивал свои помыслы, в которых видел свой долг, свое призвание: это служение отечеству и книга как средство служить отечеству... В лице Новикова неслужащий русский дворянин едва ли не впервые выходил на службу отечеству с пером и книгой, как его предки выходили с коном и мечом».

Николай Иванович Новиков родился 27 апреля 1744 года в селе Тихвинское-Авдотьино Коломенского (ныне Бронницкого) уезда Московской губернии в семье небогатого помещика-дворянина. Первое «учение» Новиков получил у деревенского дьячка; образование свое он продолжил в гимназии при Московском университете, но в 1760 году был исключен «за леность и нехождение в классы». Языков он не знал, ибо таковым его не обучили. Все знания, которые дали ему возможность в дальнейшем руководить русским

читающим обществом, Новиков приобрел значительно позже, когда поступил на военную службу. В награду за участие в числе прочих гвардейцев в дворцовом перевороте 1762 года Новиков получил чин унтер-офицера и, имея больше свободного времени, стал много читать и заниматься самообразованием.

Началось и участие Новикова в общественных делах: в 1767 году он был послан в числе прочих гвардейцев для работ «по письменной части» в Комиссию депутатов для составления проекта нового уложения.

Помимо ведения журналов заседаний отделения «о среднем роде людей», Новиков вел журнал общих собраний депутатов и читал их во время докладов императрице. В это время Екатерина II и узнала лично Новикова.

Спустя год Новикова произвели в прапорщики Измайловского полка, но он не пожелал продолжать службу и вышел в отставку с чином поручика армии. Исследователи истории масонства в России отмечают, что Новиков активно интересовался издательской деятельностью, завязывал отношения с типографией Императорской академии наук и в 1769 году стал издателем сатирического журнала «Трутенъ». Одновременно с этим Новиков решает заняться журналистикой, будучи убежденным в том, что это есть наилучший способ «воздействовать на нравы» столь некультурного еще общества.

Вероятно, издаваемый императрицей журнал «Всякая всячина» стал примером для Новикова, желавшего послужить своему Отечеству.

В 1772 году Новиков становится издателем сатирического журнала «Живописец», а в 1774 году – «Кощелька». На страницах журналов Новикова освещались такие общественные пороки, как бескультурье, французмания, казнокрадство, ложь, несправедливость.

Необходимо заметить, что XVIII век был временем сотрясения общественных и религиозно-философских основ бытия русского общества. Пришедшее с Запада «вольтерьянство», познакомившее русское общество с произведениями Вольтера, Руссо и работами других энциклопедистов, обратило освободительную философию в вольнодумство. Деизм был понят как отсутствие Бога.

В религиозном отношении русское общество переживало в тот период трудные времена. Переосмысливалось мирозерцание «по обычаям предков», и все надежды связывались с преобразованием государства.

В начале царствования Екатерины II общественные интересы доминировали над всеми иными, ибо властители дум эпохи, такие как Вольтер, несли мощную по своей противоречивости идею Просвещения: «Бог нужен лишь для общего блага».

Новиков, окруженный вольтерьянцами, чутко откликался на идеи внутреннего преобразования как человека, так и общества. Он не побоялся вступить в полемику с самой императрицей: будучи истинным либералом, он был крайне недоволен крепостничеством. Об этом громогласно заявляло название журнала «Трутенъ», на титульном листе которого Новиков поместил эпиграф из басни А. Сумарокова: «Они работают, а вы их труд ядите».

Запоминающуюся картину, на которой дворянин мучает и обирает своих крепостных, Новиков нарисовал в «Рецепте для г. Безрассуда». Диагноз: «Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне». А рецепт от этой болезни весьма необычен: Безрассуд должен каждый день по два раза рассматривать господские и крестьянские кисти до тех пор, пока не найдет



Портрет Н.И. Новикова работы Г. Левицкого. Ок. 1797

различие между господином и крестьянином.

Помимо статей, направленных против произвола помещиков, Новиков осуждал и политику «многого» просвещения, когда многих юношей, по характеру напоминающих Митрофанушку из «Недоросля» Фонвизина, по принуждению отправляют учиться за границу, откуда они возвращаются еще более глупыми. Например, вот одна из заметок в журнале «Трутенъ»: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума

и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города».

Безусловно, между «Трутнем» и «Всякой всячиной» не могло не возникнуть литературной борьбы, которая впоследствии перешла в борьбу политическую. Журнал Новикова был своеобразной оппозицией, беззастенчиво нападавшей на орган пропаганды правительства. Но и Екатерина II не отказывалась от нападений на своего врага. «Трутенъ», в отличие от «Всякой



Портрет А.П. Сумарокова. Мастерская Федора Рокотова. 1762

всячины», использовал сатиру на лица и гневно критиковал крепостнический режим и конкретных представителей эпохи, в том числе и саму Екатерину II.

Императрица, конечно, ужаснулась такому свободомыслию и в ответ в одном из номеров «Всякой всячины» опубликовала следующее: «1) Никогда не называть слабости пороком. 2) Хранить во всех случаях человеколюбие. 3) Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) Просить бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения...

... P.S. Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы

впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить».

Последние правила можно назвать правительственной угрозой самому Новикову и намеком на то, что если «Трутень» и впредь будет продолжать писать материалы в привычной ему форме, то последствия будут неблагоприятными. То есть, по мнению Екатерины II, крепостничество, произвол помещиков, голод крестьян – это «слабости», а не «пороки» и ни в коем случае нельзя их осуждать – лучше «хранить человеколюбие». Новиков яростно высказался насчет

этого в «Трутне»: «Госпожа Всякая Всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами <... > “Всякая Всячина” так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит».

Ее Императорское Высочество не могло стерпеть подобного. «Трутень» не раз оказывался на грани закрытия, но был сохранен, во многом благодаря частичным уступкам Новикова. Однако в 1770 году издание Новикова закрылось, как, впрочем, и издание «Всякой всячины», тираж которой резко упал к тому времени.

Для Новикова и иных близких по духу ему людей наступило время исканий новых путей служения Отечеству. Ответом на запросы сердца и ума стало масонство.

Так, в конце 1770-х годов Новиков, разочаровавшись в возможностях сатирической журналистики, переезжает в Москву. С этого времени вся его деятельность направляется масонской идеологией. О. Г. Флоровский разъясняет: «Внутренняя дисциплина или аскеза... оказалась всего важнее в общей экономике масонского действия, – тесание “дикого камня” сердца человеческого, как говорили тогда. И в этой “аскезе” воспитывался новый тип человека».

Погруженный в мирские заботы современный человек – всего лишь «дикий камень», который следует нравственно обработать, и это дело самого человека. Масонское «искание истинного света» понималось как путь нравственного совершенствования. «Познание самого себя» становилось целью жизни. В Москве Новиков обрел кружок единомышленников, получивший название «московских розенкрейцеров». Плоды трудов этого кружка были столь значительны, что он фактически заслонил собой все прочие масонские системы и ложи. Неудивительно, что любое

упоминание о русском масонстве, как правило, относится к Новикову и «московским розенкрейцерам».

В журналах Новикова этого периода («Утренний свет», «Вечерняя заря») педагогической проблематике, воспитанию просвещенной личности посвящено большое количество статей. Новикова интересовали не только «причины, относящиеся к приращению художеств и наук», но и какво «действие наук над сердцем и нравом человеческим».

Удивительно точные замечания звучат на страницах «Утреннего света»: «Науки, перенесенные на другое место, уподобляются полевым скоро иссыхающим цветам. Они не иначе процветают, как усиленным старанием садовника, не привыкают к новому климату и не сообразуются со свойствами той земли. Они удобно прозябают, и сильный ветер их не беспокоит. Народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых; к знатным же они приходят весьма поздно. Не должно думать, чтоб оные вдруг процвели в каком-либо народе или чтобы для сего довольно было только ученых людей из других государств. Они могут украсить царский дом; но весьма редко бывает, чтоб они могли и все государство сделать ученым. Художества и науки столь медленно шествуют, что государство, в котором оные начинают произрастать или которое их принимает, необходимо должно пребыть долгое время без всякой перемены в управлении. Долговременность государства подает наукам случай приходить в совершенство; вольностью же они процветают». («О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук», «Московское ежемесячное издание», апрель 1781 года).

«Порядочным и прилежным изучением свободных наук приобретается известный добрый вкус, т.е. нежное, скоро постигающее

и верное чувствование всего того, что в произведениях духовных, как в единственных мыслях, так и вообще в целом здании какого-либо сочинения, есть правильно, прекрасно, благородно, согласно; и, с другой стороны, всего того, что порочно, несносно, незрело, неосновательно и нестройно. Тонкое сие чувство, сопровождаемое в первом случае тайным удовольствием, а в последнем сокровенным негодованием; добрый сей вкус от употребления становится нам столь природным, что мы ему не токмо в наших сочинениях, но и в разговорах и поступках наших последуем. Действие его не токмо на образ мыслей наших простирается, но и на целое свойство души нашей. Бдит он, подобно верному надзирателю, над всеми должностями нашей жизни, показывая нам не приметным образом те драгоценные средства, по которым обязаны мы исполнять оные. Не делает он нас добродетельными, но придает добродетелям нашим цену и уважение, которого бы оные без него лишились. Посвящение наукам умягчает нравы наши и научает нас человеколюбию. Тако воспевает Овидий: распространяйте науки, и вы увидите истину слов сих». («О действии наук над сердцем и нравом человеческим», «Московское ежемесячное издание», август, 1781 г.).

Так, Николай Иванович Новиков, следуя постулатам Овидия, распространял высокий дух просвещения, неустанно утверждая, что добронравие является естественным плодом наук и художеств и добрые нравы следует пестовать с ранних лет.

Было бы великим упущением не отметить, что Новиков был издателем первого русского журнала для юных читателей «Детское чтение для сердца и разума». Он поручил редактировать журнал молодому Н. М. Карамзину. Этот журнал оставался предметом любви подростков чуть ли не всю первую половину XIX века.

Квинтэссенция педагогических идей вольных каменщиков заключалась в убеждении, что воспитание должно опираться на «христианское мироощущение». Другими словами, приобретение знаний не может быть самоцелью, оно должно способствовать «устройству души». Становясь образованнее, человек должен делаться нравственнее; этот процесс един и неразрывен. Таковы взгляды, которые Новиков и его окружение неустанно внедряли в русское общество своего времени.

Наиболее значительным педагогическим сочинением Новикова стала большая статья «О воспитании и наставлении детей», напечатанная в «Прибавлениях к Московским ведомостям за 1783 г.». В этой статье он подробно излагает свое просветительское кредо. Для Новикова главный предмет воспитания «... ни в чем ином состоит, как в образовании детей благополучными людьми и полезными гражданами». Он стремится разъяснить собственные мысли как можно подробнее: «Обязанность родителей воспитывать детей своих как возможно лучше основывается на должностях их детям, государству и самим себе. Из сего следует, что достижение подлинной главной цели воспитания должно заключать в себе купно исполнение должностей. А как, наконец, все должности родителей детям состоят в том, чтоб сколько возможно споспешествовать благополучию детей, должность же государству в отношении к детям их есть та, чтоб в оных доставить ему полезных граждан, – то явствует, что благополучие детей и польза их государству составляют существенные части предмета воспитания».

Надо отметить, что этот отрывок производит двоякое впечатление. С одной стороны, Новиков показывает себя верным последователем петровских заветов, требовавших от каждого россиянина быть



Императорский Царскосельский лицей на литографии 1820-х годов

полезным государству гражданином. С другой – он упорно употребляет слово «должность» в ином, подчас даже в специфически масонском значении, а именно как четкое разграничение обязанностей в определенном сообществе (даже семейном). Ведь ранее говорить о «должности родителей» по отношению к детям было бы просто нелепо. «Должности» существовали только на иерархической государственной пирамиде. Новиков отчетливо выделяет аспекты своей педагогической системы: «Воспитание имеет три главные части: воспитание физическое, касающееся до одного тела; нравственное, имеющее предметом образование сердца, то есть образование и управление натурального чувствования и воли детей; и разумное воспитание, занимающееся просвещением или образованием разума».

Нисколько не умаляя первый аспект (физическое воспитание), Новиков пальму первенства отдает второму и третьему: «... воспитание состоит наипаче в том, чтоб стараться образовать разум

и сердце дитяти и чрез то самолучшим образом приводить его к добродетели, религии и христианству». Не отступая ни на шаг от своего просветительского кредо, он ставит «образование сердца» выше «образования разума»

«Образование сердца» означает открытость всем человеческим проявлениям. На это Новиков делает особый упор. Он требует от воспитателей: «Старайтесь вселить в них (воспитанников – Н.Н.) искреннюю любовь и благоволение ко всем человекам, без различия состояния, религии, народа или внешнего счастья». Особое внимание уделяется отношению к людям низшего класса собственной страны: «Не позволяйте им говорить о черни, подлом народе, сопроводая речи сии презрительным видом и ужимками». В сноске Новиков поясняет: «Ибо чернь, подлый народ суть не низкого состояния человеки, но подло мыслящие и порочные люди, знатны ли они или нищие». В условиях крепостнической России подобные слова звучали в высшей степени актуально и прогрессивно.

Христианство понималось Новиковым отнюдь не как слепая приверженность духовному наследию прошлого, но как программа жизни современного человека. Именно поэтому он пишет: «Тот любит Господа, кто содержит заповеди Его; по Иисусе Христе подобает только вера, чрез любовь действительную творимая <... > любовь без дела мертва есть». Следовательно, целью усилий воспитателей должны быть не только свободно и благородно мыслящие люди, но и деятельные граждане.

Сам Новиков был живым олицетворением своих слов; он был прежде всего человеком дела. Свою цель он видел в деятельном творении добра.

Придерживаясь масонской фразеологии, мы можем очертить основные нравственные критерии вольных каменщиков эпохи Просвещения в России.

«Обтесывание дикого камня» означает непрерывные поиски истины. Они не должны прекращаться ни на минуту. Подъем по иерархии масонских степеней есть обретение новых граней истины. Жизнь человеческая – вечное духовное странствование. Конечно, обретут истину только немногие – самые просвещенные, самые деятельные. Но идти по этому пути надлежит всему человечеству. Применительно к российской почве можно сказать, что официальную табель о рангах масоны перенесли в область духа. Их педагогические теории базировались на приведенных выше исходных предпосылках.

Самым крупным литератором-масоном был М. М. Херасков. Современники чтили его как первейшего поэта своего времени; не менее привлекательным был и его нравственный облик. По всеобщему мнению, он за всю жизнь не произнес ни одного ядовитого слова в адрес ближнего. В течение многих лет Херасков был

куратором Московского университета. Именно он пригласил Новикова в Москву и отдал ему в аренду университетскую типографию. В течение многих лет Херасков был деятельнейшим сотрудником Новикова, трудясь рука об руку с ним над претворением в жизнь многочисленных предприятий неутомимого «ревнителя российского просвещения».

Воззрения Новикова и Хераскова были претворены в жизнь педагогической практикой Московского университета. Успех был столь внушительным, что Ключевский назвал «новиковское десятилетие» одной из лучших эпох в его истории. Сам Новиков постоянно повторял свою любимую поговорку: «Ученик без книги как солдат без ружья». Собственную издательскую деятельность он считал «деланием человека».

Педагогические идеи русских масонов быстро приобрели признание на высоком государственном уровне. Дело не ограничивалось только Московским университетом. Несмотря на свое подозрительное отношение к вольным каменщикам, Екатерина II не усомнилась пригласить воспитателем великих князей Александра и Константина видного масона М. И. Муравьева (отца декабриста Н. М. Муравьева), который был попечителем Московского университета, а также преподавал царственным отрокам нравственную философию, русскую словесность и русскую историю. У современников Муравьев почитался лучшим после Карамзина русским литератором.

Масонский камень просвещения и воспитания свободной личности, заложенный Новиковым во второй половине XVIII века, лег в основу одного из самых значительных педагогических экспериментов первой половины XIX века – открытие Царскосельского лицея. Он был задуман графом М. М. Сперанским

как привилегированное учебное заведение, своего рода колыбель русской интеллектуальной элиты.

Сам вольный каменщик Сперанский был убежден (совсем в духе Новикова), что хорошие законы «без добрых нравов» в конечном итоге будут бессильны. Реформатор нового времени стремился развить педагогический опыт, накопленный «московскими розенкрейцерами». Начинание оказалось в высшей степени удачным. Ведь первый выпуск лицейстов гордился не только А. С. Пушкиным и А. М. Горчаковым, но и пусть менее яркими, но значимыми именами И. И. Пущина, В. К. Кюхельбекера, А. А. Дельвига, М. А. Корфа.

Недаром в напаках на Царскосельский лицей, особенно участившихся после восстания декабристов, постоянно всплывало имя Новикова, образовавшего «секту мартинистов», оказавшуюся, как писал Ф. В. Булгарин, началом «либерализма и всех вольных идей». По его словам, вся система воспитания в лицее была основана «на мартинизме». Дружескую спаянность лицейстов, воспетый Пушкиным «лицейский союз», ставший явлением русской культуры, он, ничтоже сумняшеся, сравнивал с масонской ложей.

Разумеется, не мог пройти мимо столь богатого идейного наследия и Л. Н. Толстой при устройстве своей яснополянской школы. Опыт казенных учебных заведений наводил писателя на мрачные мысли. Из их стен выходили подчас чрезвычайно образованные люди, но тем не менее духовно ущербные. Все это привело Толстого к убеждению, что воспитание и образование – отнюдь не одно и то же. Основной тезис Толстого педагога звучит следующим образом: «Религия есть единственное, законное и разумное основание воспитания». Очевидно, он имел в виду не официальное православие (на этих же страницах

он пишет об уродливости семинарий и монастырских школ), а своего рода естественную религию, единственно на основе которой возможно внутреннее переустройство души. Легко увидеть здесь прямое продолжение исканий неутомимых «ревнителей просвещения» предшествующего столетия, непосредственно духовное наследие Новикова.

В начале 1820-х годов русское масонство окончательно исчерпало свой духовный потенциал. Его историческая роль была сыграна. Закрывшие масонские ложи в 1822 году только подтвердили существующее положение. Но труды Новикова и его ближайшего окружения не пропали втуне.

Обратившись к оценкам большинства историков, практически у каждого из них мы найдем созвучные утверждения о том, что от масонов идет прямая линия преемственности к так называемой передовой интеллигенции и XIX, и начала XX веков.

Историк русской философии В. В. Зеньковский справедливо отметил: «В русском масонстве формировались все основные черты будущей “передовой” интеллигенции – на первом месте здесь стоял примат морали и сознание долга служить обществу, вообще практический идеализм».

Блестящий пример данному служению был дан Николаем Ивановичем Новиковым. По-настоящему он обрел себя лишь в масонстве, как и целая эпоха, последовавшая за ним. Масонство запрещали, передовых людей своего времени подвергали остракизму и всевозможным унижениям и лишениям, но идеи Просвещения продолжали возрождаться и воспламенять умы новых поколений, открывавших и продолжающих открывать для себя на заре XXI века нравственные основы масонства и общественно-го служения.

ЧЕЛОВЕК В ОТКРЫТОМ КОСМОСЕ

18 марта 1965 года, в 11 часов 34 минуты по московскому времени, второй пилот космического корабля «Восход-2» Алексей Леонов совершил первый в мире выход в открытый космос

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ



Алексей Леонов

Много лет назад автору этих строк довелось побывать на казахстанском космодроме Байконур и руководить съемкой запусков двух советских космических ракет. До сих пор вспоминаю магическое зрелище, разворачивавшееся в ночном небе: оранжево-красный шар на пусковом столе, а потом устремленный ввысь длинный ствол ракеты с огненным хвостом истекающих газов...

Но самыми захватывающими были беседы с учеными и космонавтами. Истории, которые они нам рассказывали в те дни, навсегда остались в памяти. Вот одна из них.

Советские ученые, создавая обитаемые космические корабли, сознавали, что когда-нибудь космонавтам неизбежно придется выходить в открытый космос. На космических кораблях многие приборы, устройства и механизмы расположены снаружи, и рано или поздно они могут быть подвержены воздействию так называемого «космического мусора», то есть обломков спутниковых систем или ракет, или испытают удары астероидов, пусть даже небольших, но способных двигаться с такой скоростью, что в иных случаях они могут пробить корпус корабля.

Так возникла необходимость провести эксперимент с выходом человека в открытый космос. Он был осуществлен 18–19 марта 1965 года в ходе полета советского космического корабля.



Выход Алексея Леонова в открытое космическое пространство

Фото: РИА Новости

18 марта с космодрома Байконур успешно стартовал корабль «Восход-2» с двумя космонавтами на борту. Для осуществления выхода человека в открытый космос корабль был снабжен шлюзовой камерой. Для космонавта, которому предстояло выйти в открытый космос, был разработан специальный скафандр с многослойной герметичной оболочкой, с помощью которой внутри скафандра поддерживалось избыточное давление, обеспечивающее нормальную жизнедеятельность космонавта. Снаружи скафандр имел специальное покрытие для предохранения космонавта от теплового воздействия солнечных лучей. На всякий случай такими скафандрами были

снабжены оба члена экипажа, — и командир, и второй пилот, чтобы командир корабля мог при необходимости оказать помощь космонавту, вышедшему в космическое пространство.

18 марта 1965 года, в 11 часов 34 минуты по московскому времени, второй пилот космического корабля «Восход-2» Алексей Леонов совершил первый в мире выход в открытый космос. Время его пребывания вне космического корабля (с момента выхода из шлюзовой камеры до входа в нее) составило 12 минут 9 секунд. Отход от корабля производился на расстоянии до 5,35 метров, на полную длину фала. Свободное плавание в космосе выполнялось в течение

нескольких отходов и подходов к кораблю, что позволяло космонавту производить наблюдения и видеосъемку.

Во время полета «Восхода-2» неоднократно возникали нештатные ситуации и на борту корабля, и во время нахождения Леонова в открытом космическом пространстве. Его скафандр начал вдруг раздуваться, что существенно стесняло движения и мешало возвращению в корабль. Более того, это грозило привести к потере герметичности скафандра и в итоге к гибели космонавта. Но Леонов не потерял хладнокровия, сумел снизить давление кислорода в скафандре и таким образом уменьшить его объем, чтобы вернуться в корабль.



Почтовый блок СССР с рисунком А. Леонова и факсимиле его подписи

На этом приключения космонавтов на корабле «Восход-2» не закончились. Когда они начали готовиться к посадке, неожиданно вышла из строя система автоматического управления, и посадку пришлось осуществлять вручную. Но космонавты справились и с этой задачей. 19 марта корабль приземлился в Пермском крае.

За этот полет и выход в космос Алексей Леонов был удостоен звания Героя Советского Союза.

20 октября 1965 года ФАИ (Международная авиационная федерация) утвердила мировой рекорд продолжительности пребывания человека в космическом пространстве вне космического корабля и абсолютный рекорд максимальной высоты полета над поверхностью Земли космического корабля «Восход-2» (497,7 км).

Международная авиационная федерация присудила Алексею Леонову высшую награду – Золотую медаль «Космос» за первый в истории человечества выход в открытое космическое пространство. Командиру корабля летчику-космонавту

СССР Павлу Беляеву были вручены диплом и медаль ФАИ.

Со временем Алексей Леонов стал одним из самых знаменитых людей в стране. Дважды Герой Советского Союза (1965 и 1975 гг.), генерал-майор авиации (1975 г.), лауреат Государственной премии СССР (1981 г.), кандидат технических наук, видный общественный деятель и художник – таким знал Советский Союз этого легендарного космонавта.

Алексей Архипович Леонов родился 30 мая 1934 года в селе Листвянка Тисульского района Кемеровской области. В семье было девять детей. Отец работал председателем сельсовета. В 1948 году семья переехала в Калининград.

В 1955 году Леонов окончил 10-ю Военную авиационную школу первоначального обучения летчиков в Кременчуге, а в 1957-м – Чугуевское военное авиационное училище летчиков; после чего стал летчиком 113-го авиационного полка 10-й истребительной авиационной дивизии Киевского военного округа. А спустя два года начал служить

старшим летчиком 294-го отдельного разведывательного авиационного полка 24-й воздушной армии Группы советских войск в Германии.

В марте 1960 года Леонов был зачислен в качестве слушателя-космонавта в отряд космонавтов Центра подготовки космонавтов (ЦПК) ВВС (первый набор). В 1967–1970 годах готовился к полету по программе облета Луны. Однако после высадки американцев на Луне программа потеряла актуальность и была закрыта.

В 1968 году, уже после полета на корабле «Восход-2», Леонов поступил в Военно-воздушную инженерную академию (ВВИА) им. Н. Е. Жуковского, где осваивал специальность «Конструкция и эксплуатация воздушно-космических аппаратов и двигателей к ним» (квалификация «летчик-космонавт-инженер»).

Второй космический полет Леонов совершил с 15 по 21 июля 1975 года в качестве командира космического корабля «Союз-19» по программе «Союз – Аполлон» (бортинженер Валерий Кубасов). В ходе полета была впервые выполнена стыковка советского космического корабля с американским кораблем «Аполлон». За успешное выполнение этого полета Леонов был удостоен второй Звезды Героя с вручением ордена Ленина.

В 1981 году он завершил образование в адъюнктуре той же академии и защитил кандидатскую диссертацию. Был автором четырех изобретений и более 10 научных трудов.



Советские космонавты и американские астронавты – экипаж корабля «Союз – Аполлон»

В феврале 1970 года Леонов был назначен заместителем начальника, а с января 1982 по сентябрь 1991 года – первым заместителем начальника Центра подготовки космонавтов по летной и космической подготовке. С марта 1976 по январь 1982 года был командиром отряда космонавтов. С марта 1992 года – в запасе.

Алексей Архипович участвовал во множестве научных конференций и международных конгрессов. Был большим другом Международного Центра Рерихов. Будучи вице-президентом международной ассоциации участников космических полетов, возглавил в 1997 году Международный научно-просветительский космический проект «Знамя Мира». Среди инициаторов проекта были

Международная лига защиты культуры, Международный центр-музей Рерихов, Евразийское физическое общество и другие. Проект поддерживали Российское космическое агентство и Ракетно-космическая корпорация «Энергия». Проект работал до 23 марта 2001 года, когда международная космическая станция «Мир» была сведена с орбиты и затоплена в Тихом океане.

В 1965 году Леонов стал членом Союза художников СССР. Совместно с художником Андреем Соколовым он создал ряд картин и почтовых марок по космической тематике, став таким образом одним из основоположников космического искусства. Произведения Алексея Леонова хранятся не только в Музее космонавтики, но и в Третьяковской галерее, в Музее

изобразительных искусств Альбертинум в Дрездене и в других собраниях живописи по всему миру.

Символично, что имя Леонова присвоено кратеру на обратной стороне Луны и астероиду (9533 «Алексейлеонов»).

Космонавт ушел из жизни в 2019 году в возрасте 85 лет. Памятники ему установлены в Москве, Калининграде, Кемерове и Мытищах. Именем Леонова названы улицы в десятках городов России и в республиках бывшего Советского Союза. В декабре 2012 года именем Алексея Архиповича Леонова назван аэропорт в городе Кемерово. В различных странах по всему миру были выпущены десятки почтовых марок, посвященных Алексею Леонову, и они до сих пор привлекают филателистов.

ЮБИЛЕЙ ПАСХАЛЬНОГО ПРАЗДНОВАНИЯ

В этом году, в год юбилея Первого Никейского собора, христиане всего мира празднуют Пасху 20 апреля

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

В воскресенье, 20 апреля 2025 года, Церковь Христова празднует Пасху. В богослужбном календаре этот день называется Светлое Христово Воскресение.

Это самый главный, самый первоначальный и самый торжественный православный церковный праздник. Равного ему среди прочих торжеств, празднований и воспоминаний нет.

Празднование Пасхи продолжается ровно сорок дней. Но и после этого пасхальное торжество не заканчивается. Оно переходит в Вознесение Христово. Спустя ровно десять дней Пасха находит свое завершение в День Пятидесятницы.

Пятидесятница – это Сошествие Святого Духа на Апостолов. Сошествие Святого Духа сделало Воскрешеного Христа зримым и присутствующим во всей Вселенной. В истории это совершилось сначала через Апостолов, а после через Церковь. Поэтому Пятидесятница – это кульминация Пасхи.

В Русской Православной Церкви праздник Пятидесятницы чаще всего именуется днем Святой Троицы. Тем самым церковная наука придает новое осмысление празднику, превращая его в идейное или теологическое торжество. В Православии это довольно редкое явление, в то время как в западном христианстве подобных идейных праздников немало.

Празднованию Пасхи предшествует Великий пост. Это

единственный полностью обязательный, самый древний и важнейший пост в Православии. В том или ином виде его соблюдают все христиане: православные, католики и протестанты.

В Православии главное внимание во время Поста уделяется воздержанию от пищи и аскетическим подвигам, а в Католичестве и Протестантизме – помощи бедным и отказу от вредных привычек и увлечений.

Православная святость – это прежде всего аскетическая праведность, а в западном христианстве всегда была сильна этическая и миссионерская направленность.

В православной традиции Великий пост продолжается на несколько дней дольше, чем в западных христианских исповеданиях. Поэтому с последнего воскресного дня перед Постом, именуемого Прощеным Воскресеньем, до дня Святой Пасхи проходит ровно 50 дней.

50 дней в Библии – это особенное, священное, символическое число. Пятьдесят дней – знак полноты. В Ветхом Завете это воспоминание дарования божественного закона, а также обозначение священного юбилея.

Идет год 2025-й. День – это часть года, а год – это собрание дней. В нашей церковной традиции прохождение половины пути пасхального периода называется «Преполовением». Так, Преполовение Пятидесятницы, то есть половина пути от Пасхи до Сошествия

Святого Духа на Апостолов, это тоже особенный праздник. Существуют даже храмы, посвященные Преполовению Пятидесятницы.

Прошло 25 лет с начала XXI века. Пройдет еще 25 лет, еще одна четверть века, еще одно «Преполовение Пятидесятницы», и многих из нас уже не будет на земле.

Великий пост, который в этом году начался 3 марта, был временем покаяния. Покаянию весьма помогает память о смерти. Великий пост состоит из двух частей. Первая часть – это скорбная память о себе, это аскеза. Вторая часть – Страстная Седмица – это память о смерти Господа на Кресте.

Великий пост также именуется пасхальным, поскольку время покаяния и воспоминания завершается торжеством Воскресения Христова. Достойная подготовка к Пасхе – это цель Поста.

Этот год особенный. Ведь ровно 1700 лет назад состоялся Первый Вселенский Собор в Никее. Тогда Церковь раз и навсегда провозгласила, что на Кресте был распят Единородный Сын Бога. Сын Божий умер за нас на Кресте. Поэтому Сам Бог простил нас во Иисусе Христе.

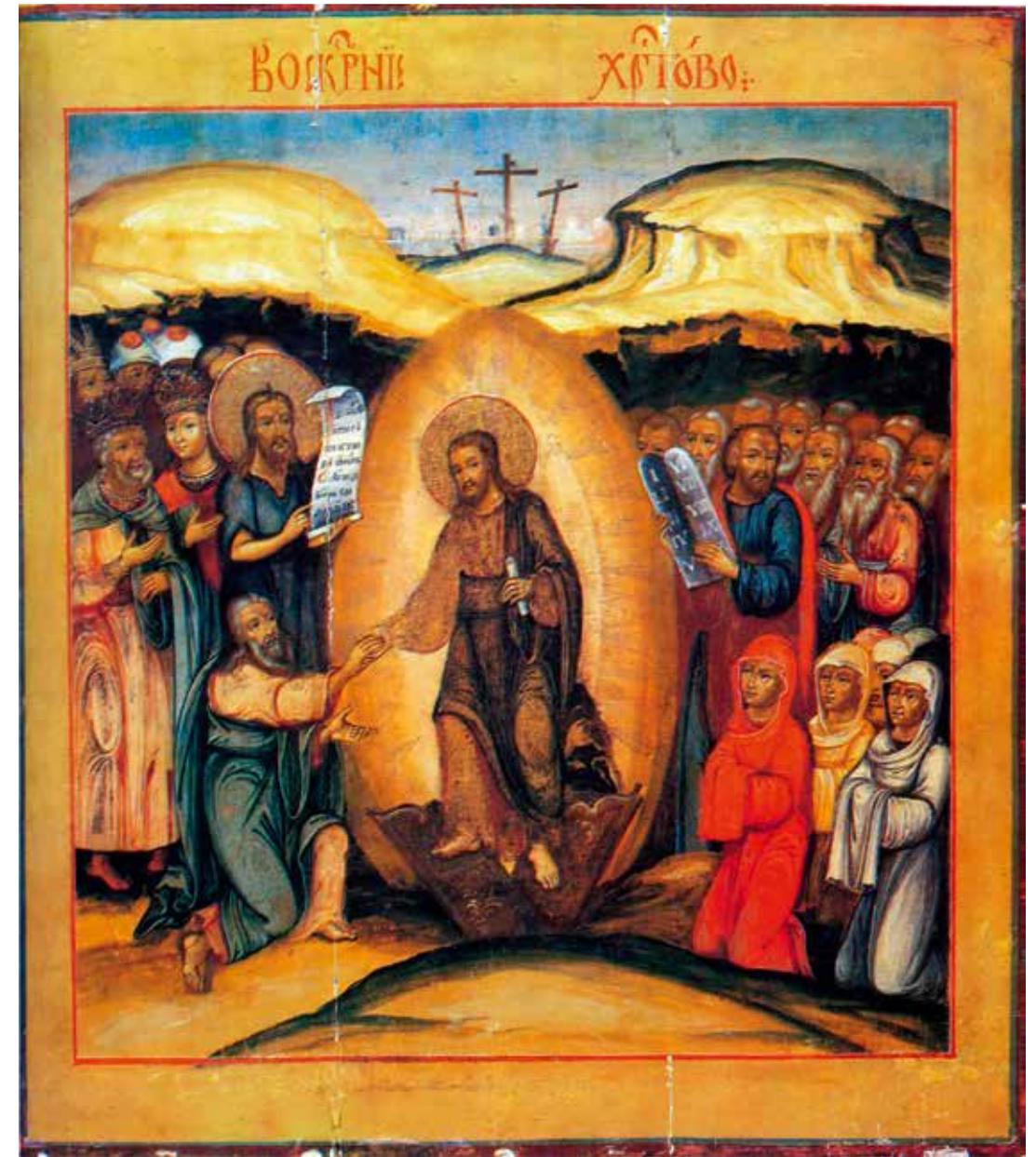
Подобно нам, живущим в XXI веке, Отцы Никейского Собора осознавали в далеком 325 году, как быстротечно время. Ведь всего за четверть века до Собора Церковь переживала время жестоких преследований.

Эпоха правления римского императора Диоклетiana (284–305) вошла в историю как Великое гонение (303–313) против христиан, но Церковь устояла.

Святые Георгий Победоносец, Екатерина Александрийская, Целитель Пантелеимон стали мучениками Великого гонения. Святые Николай Чудотворец и Спиридон Тримифунтский были его исповедниками – так Церковь называла святых, которые претерпели мучения за веру, но остались в живых.

В 313 году император Константин Великий (272–337) подписал документ, вошедший в историю под названием Миланского эдикта. В нем Христианство признавалось дозволенным вероисповеданием. Гонения против христиан были официально прекращены. Спустя всего 12 лет, и это также священное, библейское число, по воле Константина был созван Вселенский Собор.

После Никейского Собора Церковь вступила в период благополучия и догматических определений. Языческие правители, казалось, навсегда ушли в прошлое, эпоха мученичества закончилась, но стал



Воскресение Христово. Икона XVII века

закрывать путь к святости. Поэтому современники и ученики Собора в Никее положили начало монашеству. Первое подлинное монашество было тягой к добровольному мученичеству в аскезе самоограничения. Затем на христианском Западе монашество стало ученым и миссионерским.

Православная святость – это прежде всего святость аскетическая. Ведь именно от них, первых

монахов, этих сыновей Собора в Никее, мы унаследовали практику Великого Поста в том виде, как мы ее знаем в Православии.

Предание гласит, что в древности перед началом Поста монахи отправлялись в пустыню, где жили 40 дней без еды и воды. За день до этого они примирялись с другими и просили прощения за все грехи. Ведь каждый из них понимал, что не все смогут пережить



Александр Иванов. «Явление Христа Марии Магдалене после Воскресения». 1835

последующие голод, жажду и другие опасности.

Такое взаимное прощение напоминало о последних днях и потому носило эсхатологический характер. Эсхатологией богословие называет науку о последних временах. Из этого прощального прощения монахов перед началом Великого поста получил начало чин взаимного прощения в Прощеное Воскресенье, которым Церковь начинала Пост. В Православии этот обряд до сих пор торжественно совершается после богослужения.

Взаимное прощение таинственным образом вводит верующих в атмосферу апостольских времен,

когда каждое мгновение было уверенным ожиданием, что Господь Иисус вернется вскоре. Прощание и прощение – родственные слова.

Но вернемся к Собору в Никее. Вселенский Собор – это собрание епископата Римской империи, а также иногда и некоторых епископов за ее пределами. Об этом говорит само название. Ведь «Вселенной», по-гречески «эйкуменой», назывались как все населенные людьми земли, так и земли Римской империи. К слову, именно поэтому епископ Константинополя, главного города Византии, со временем стал носить титул «Вселенский Патриарх».

Поскольку до вступления на престол императора Константина и подписания Миланского эдикта христианство в Римской империи считалось недозволенной религией и подвергалось преследованиям, проведение Вселенских Соборов в первые времена существования христианской Церкви было невозможным.

Город Никея находится в Малой Азии, исторической области Вифинии. Греческое название этого города дословно переводится, как «победная» или «победа». В наши дни этот город находится в Турции и называется Изник. Это то же самое слово, что и Никея, просто

произносимое на турецкий манер, так же как и французская Ницца на Лазурном Берегу. У всего повседневного есть теологические или священные контексты.

Поводом к созыву церковного Собора послужило учение Ария (250–336). Это был священник из Александрии, или, на языке древних церковных терминов, пресвитер Александрийской Церкви. Мы чрезвычайно мало знаем об обстоятельствах его жизни. Нет у нас данных и о его биографии. Предполагается, что он родился в середине III века в Ливии или Александрии.

Очевидно, что Арий обладал значительным авторитетом среди верующих. С прекращением гонений на христиан распространяемое им учение вышло далеко за пределы египетской столицы. Следует отметить, что Египет был не только житницей Римской империи, но и территорией, где иудейская библейская вера, а затем и христианство нашли наибольшее распространение.

Согласно православному учению, Сын Божий стал человеком во Христе Иисусе. Будучи христианином и священником Православной Церкви в Александрии, Арий конечно же принимал это учение. Но он придавал ему собственное толкование и утверждал, что оно единственно правильное. Именно это делало его еретиком. Ведь ересь – это не ошибка и не неправильное мнение, но упорство в том, чтобы выдавать за правду то, что было признано ложным.

Арий учил, что Сын Божий был сотворен. Это означало, что Бог Слово, Логос, о котором говорится в первых словах Евангелия от Иоанна (Ин. 1:1), был некогда создан Богом Отцом. Если бы это действительно было так, Откровение, Которое возвещал Христос, не было бы полноценным. В таком случае исходило бы от человека, и, как всякое человеческое знание, было бы всего

лишь интерпретацией. Кроме того, если бы Сын Божий был творением Бога, то Он просто не мог бы спасти людей через Свою крестную смерть и Воскресение. Так раскрывалась связь между догматом и пасхальным празднованием.

Существуют разные версии происхождения учения Ария. Первая версия гласит, что он изначально находился под влиянием александрийской философии, поэтому свою доктрину он будто бы заимствовал у философов.

Другая версия полагает, что Арий был учеником антиохийского богословия. В этом случае он становился противником философии. Так, будучи последовательным антиохийцем, свое учение он основывал исключительно на буквальном понимании текста Священного Писания.

Начало IV века было временем самых жестоких гонений в древней истории христианства. Уже упомянутое Великое гонение было настолько значимым, что некоторые древние восточные Церкви начинали с этого исторического момента новую эру, то есть новое летоисчисление.

Реформы Диоклетиана, который считал христиан врагами государства, позволили Римской империи в ее восточной части – Византии, – просуществовать еще 1150 лет. Ведь Константинополь был взят османами в 1453 году. При этом сами османы не считали себя завершителями истории Нового Рима на Босфоре, но ее продолжателями.

Пожалуй, самой важной из всех реформ было разделение Империи на две части: Восточную и Западную. Во главе этих огромных частей были поставлены два императора. Этим двум императорам подчинялись два других правителя с титулами августов – на Востоке и на Западе соответственно.

Удивительно, но разделение Церквей на православную

и католическую впоследствии произошло по тем же границам, которые когда-то установил Диоклетиан. Была ли это своего рода бомба замедленного действия, коварная усмешка гонителя? Однако благодаря этой реформе Империя сумела выжить и существовать еще невероятно долгое время. Христианству удалось распространиться и на Востоке, и на Западе, становясь при этом неповторимо единым в многообразии. Быть может, хотя бы отчасти Диоклетиан так искупал свой грех?

Но вернемся к Арию. Возможно, сознательно или вовсе не осознавая этого, Арий создавал своего рода богословское подражание политической реформы Диоклетиана. В его схеме Сын становился своего рода соправителем Небесного Отца.

Диоклетиан действительно видел в христианстве непримиримого врага государства. Арий же «реформировал» Святую Троицу, чтобы показать, что христиане вовсе не враги. Более того, в рамках такой логики богословие христиан не только бы не противоречило, но легитимировало бы реформы императора. Так это или не так, мы никогда не узнаем.

Примечательно, что сам император Константин, который на Первом Вселенском Соборе первоначально отвергал арианство, в конце жизни встал на сторону ариан. К нему приближалась старость, и он все больше и больше превращался в диктатора.

Исследователи говорят нам, что арианство, в котором Бог Отец был создателем Сына, в итоге стало представлять более подходящей моделью для подражания, чем «демократическая» Святая Троица Православной Церкви, в которой Отец, Сын и Святой Дух совершенно равны.

Очень важно, что Отцы Церкви, если и уподобляли Святой Троице



Первый Никейский собор

земным реальностям, то прибегали не к аналогии управления государством, но к человеческой душе. Именно, по подобию единства разума, слова и памяти учил о единстве Отца, Сына и Святого Духа в Троице святой Августин. Более того, в своем эпохальном произведении «О Граде Божьем» Августин утверждал, что Царство Божие – Республика, во главе которой Сам Христос.

Вселенский Собор в Никее сформулировал Символ Веры. Главным элементом этого документа стало

утверждение, что Иисус Христос – это воплотившийся Сын Бога, Единсущный Богу Отцу. Никейский Символ также говорит о вере в Святого Духа.

Отметим, что в ту эпоху каждая местная Церковь, а часто и каждая епархия имела свой Символ Веры. Но с момента проведения Вселенского Собора все они должны были соответствовать содержанию того, что было провозглашено в Никее.

Вот текст Символа. В наше время он не употребляется за богослужением. Однако православным

христианам следовало бы знать его содержание:

«Веруем во Единого Бога, Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого.

Веруем во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, рожденного от Отца, Единородного, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога Истинного от Бога Истинного, рожденного, не сотворенного, Единосущного Отцу, через Которого, все произошло как на небе, так и на земле. Нас ради человек и нашего ради спасения сошедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, взошедшего на Небеса и Грядущего судить живых и мертвых.

Веруем и в Святого Духа.

Говорящих же, что было время, когда не было Сына, или что Он не был прежде рождения и произошел из не сущего, или утверждающих, что Сын Божия из иной ипостаси или сущности, или создан, или изменяем, таковых анафематствует Единая Кафолическая и Апостольская Церковь».

Последняя часть Никейского Символа – это анафематизм, то есть отлучение еретиков от Церкви. При этом это именно единая Кафолическая и Апостольская Церковь. В следующих Символах Веры (в частности, в употребляемом нами Символе Никео-Константинопольского Собора) анафематизм будет выведен за скобки. Единая Кафолическая и Апостольская Церковь станет отдельной частью Символа. К двум первоначальным свойствам Церкви в Символе будут добавлены еще два. Исповедание веры в Церковь звучит так: *«Веруем в Единую, Святую, Кафолическую и Апостольскую Церковь».*

Арий был осужден и отлучен от церковного общения. После этого решения Собора он более не мог причащаться или служить литургию в Церкви. Об обстоятельствах его

последующей биографии известно немного. Умер Арий в Константинополе. По свидетельству очевидцев, смерть настигла его в тот момент, когда он спешно направлялся в церковь, чтобы получить примирение в вере и быть возвращенным в евхаристическое общение.

Первый Вселенский Собор положил начало новой эпохе. Христианство делалось мощнейшей теологической и философской силой. Становилось очевидным, что ему предстояло быть не просто нравственным учением или системой правил и постановлений, но догматом, то есть способом высказывания о Боге, которому суждено было постоянно преобразовывать этот мир.

История Никейского Собора достаточно хорошо документирована. Нам известны имена участников, обстоятельства проведения и принятые решения. При этом очевидно, что все прошедшее родственно забвению, а потому отнюдь не все удалось сохранить. Упущенное восполняется в народном благочестии.

Так, согласно церковному преданию, среди участников Собора был святой Николай (270–343). Более того, согласно тому же преданию, Николай не просто присутствовал в Никее, но активно противостоял Арию. Когда же Арий продолжал защищать свои убеждения, Николай будто бы ударил его. Последующая традиция, жития, проповеди и даже богослужебные тексты повторили это сказание.

Более того, в Средние века этот рассказ воспринимали в качестве аргумента, что именно по примеру святого Николая христианам следует преследовать еретиков. При этом мы знаем, что Христос в Евангелии насилие не благословлял. «Спрячь меч, ибо взявший меч от меча и погибнет», – сказал Он в последние минуты Своей земной жизни Апостолу Петру (Мф. 26:52).

Что же на самом деле сделал на Никейском Соборе святой Николай? Известно, что в античной риторической традиции учитель, который слушал выступление своего ученика и оставался недовольным качеством его аргументации, должен был дружелюбно и по-отечески похлопать его по щеке. Именно это и сделал святой Николай. Но поскольку Арий не был клириком, то есть действующим священником епархии Николая, города Миры в Ликии, то сторонники Ария, очевидно, протестовали. За формальное нарушение канонического порядка Николая подвергли наказанию. Но вскоре, по внушению Духа Святого, оно было отменено.

Все это еще раз подтверждает образ святого Николая как милостивого пастыря. Ораторский жест святого говорит о его высокой образованности. Николай был не только пастырем своего народа, но и принадлежал к культурной элите общества. Можно не сомневаться в том, что он не только прекрасно проповедовал, но и великолепно писал. Приходится только скорбеть о том, что его писания не дошли до нас.

История – это не просто память и воспоминание, но и сестра забвения. По слову святого Августина, Господь, будучи вне времени, воплотился и Сам стал временным, чтобы освободить от времени нас.

Наконец, именно в Никее было определено правило празднования Пасхи для всех Церквей. В первые века существования Церкви было по меньшей мере три основных традиций празднования Пасхи.

1. Ссылаясь на Апостола Иоанна Богослова, который, согласно преданию, был основателем Церкви Эфеса, христиане Малой Азии праздновали Пасху в 14-й день весеннего месяца нисана, примерно так, как это праздновал в Ветхом Завете народ библейский.

2. Главные Церкви, Римская и Александрийская и многие другие вслед за ними праздновали Пасху в первый день недели, то есть в воскресенье после первого весеннего полнолуния после равноденствия.

3. Третий способ празднования Пасхи, каждое воскресенье, был повсеместно распространен по всем церквам. Никейский Собор постановил объединить две последние традиции.

Принцип определения даты Пасхи отныне звучал так: «Единойды в год в первое воскресенье после первого полнолуния после весеннего равноденствия».

А потому вслед за Отцами Собора Церковь празднует Пасху в первое весеннее воскресенье единойды в году, а малая пасха празднуется нами каждый воскресный день еженедельно. Разница же в праздновании Пасхи между православными христианами с одной стороны и римскими католиками и протестантами с другой объясняется тем, что в определении даты Пасхи Православие придерживается юлианского календаря. Этот календарь в настоящее время опаздывает по отношению к современному григорианскому календарю на 13 дней. Поэтому в Православии весеннее равноденствие вместе 21 марта выпадает на 3 апреля, так что обычно даты Пасхи на Востоке и Западе расходятся, а Православная Пасха почти всегда бывает более поздней.

Удивительное совпадение от Бога заключается в том, что именно в 2025 году, в год юбилея Собора в Никее, христиане всего мира празднуют Пасху в один и тот же день. Это поистине библейское знамение. Для Церкви как Сообщества Толкователей это великий вдохновляющий призыв к размышлению и благодарности.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

Путь дипломата, политика и церковного деятеля в России и русском зарубежье
(окончание, начало в № 159/01–02, 160/03–04, 161/05–06,
162/07–08, 163/09–10 и 165/01–02)

ЕВГЕНИЙ ЕФРЕМОВ

По-видимому, именно А. В. Карташев предложил перенести за границу созданное в России Братство святой Софии; это было тем более уместно, что как раз среди участников собрания большая часть уже принадлежала к нему. Мысль эта была принята, решено было пригласить всех русских религиозных мыслителей и писателей, не включили только И. А. Ильина и Л. П. Карсавина.

О настроении Трубецкого можно судить по его письму от 23 декабря: «И то, что происходит, заставляет отречься от личных и национальных соображений и побуждает искать единение в глубинах веры. „Да будут едино, как и Мы едино.“ – Эта молитва Христа звучит бесконечно близко»¹.

Протоиерей С. Булгаков записал в дневнике:

«Вчера, 26-го [сентября], в день апостола Иоанна Богослова, собравшиеся у меня А. В. Карташев, П. И. Новгородцев, П. Б. Струве, В. В. Зеньковский, С. С. Безобразов и Г. В. Флоровский постановили



Герб князей Трубецких

учредить православное братство имени Божественной Софии и признать это собрание учредительным (при условии утверждения церковной властью), на мою долю выпадает быть главою этого братства»².

Членами-учредителями на заседании 31 января 1924 года явились: о. С. Булгаков (Прага), Н. С. Арсеньев (Кенигсберг), Н. А. Бердяев

(Берлин), С. С. Безобразов (Белград), Г. В. Вернадский (Прага), А. В. Ельчанинов (Ницца), В. В. Зеньковский (Прага), А. В. Карташев (Париж), П. И. Новгородцев (Прага), П. Б. Струве (Прага), кн. Г. Н. Трубецкой (Париж), С. Л. Франк (Берлин), Г. В. Флоровский (Прага). Тогда же был принят устав, разработанный А. В. Карташевым совместно с Трубецким. Он надеялся, что Братство станет продолжением того духовного переворота, который он связывал с Поместным Собором Православной российской церкви (1917–1918) и Патриархом Тихоном, который в России утверждал Устав Братства святой Софии. Но надежды князя не сбылись. Неудачная попытка расширить это сообщество (1924) за счет деятелей евразийства, а затем и ожесточенная полемика между Струве и Бердяевым в 1925–1926 гг. фактически раскололи Братство. Это с одной стороны. С другой – дела в своих руках сосредоточил Булгаков – автор учения о Софии Премудрости

Божией. В письме к последнему князь констатирует это в письме от 19 ноября 1925 года и предлагает Братство закрыть.

«Я высказал Н. А. Бердяеву искреннее сожаление по поводу его заявления об уходе из Братства. Братство по существу такое учреждение, в котором не может иметь обычного значения вопрос о большинстве и меньшинстве и которое требует установления внутреннего единогласия по самым коренным источкам веры и убеждения, что, в свою очередь, вполне согласно с различием и разнообразием взглядов в области приложения этих начал <... >

Ведь не было случая, чтобы один из братьев в вопросах церковного и религиозного сознания ощутил потребность предварительно поделиться и проверить свои взгляды в общей среде. Никто же ведь не накладывает дисциплины подчинения своих взглядов, но если и самая предварительная проверка ни одному из братьев не нужна, то для чего же существует Братство? Еще хуже, когда разногласия между членами Братства выносятся на публичное суждение без малейшей попытки предварительно в своей среде их обсудить.

По всем этим причинам, кратко мною здесь излагаемым, я считаю возможным один из двух выходов: или чистосердечное признание, что все мы без исключения погрешили против идеи Братства и всячески дорожим формой общения людей, которых связывает православная вера, общность уклада известного поколения, потребность дорожить связующими нитями, когда кругом столько разложения, наконец, взаимное уважение и симпатия. Если на это будет дан положительный ответ,

то он обязывает к общению более деятельному и действительному. Если же констатируем, что честно не в состоянии осуществлять Братство, то лучше честно же его закрыть. Выход отдельных лиц не решает вопроса прямо, но наносит удар идее Братства, и я предпочитаю общее решение»³.

³ Там же. С. 228–230.

⁴ Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. СПб.: Вестник, 2013. С. 175.

⁵ Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия. С. 431.

⁶ Франк С. Л. В сб.: Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. С. 35.

⁷ Архив Марии Константиновны Бутеневой-Трубецкой. С. 74.

Такой жесткой критике Братство еще не подвергалось. Трубецкой язвой русской религиозности считал Раскол, возможно, поэтому он явится одним из членов-учредителей общества «Икона» (L'Association «l'Icone»), основанного в 1927 году в Париже по инициативе старообрядца В. П. Рябушинского. Однако Братство явилось живым и активным церковно-идеологическим центром русского Зарубежья. Арсеньев, один из членов Братства, оставил такой портрет Трубецкого: «Огромная доброта, живое пылание духа и чувство культурно-общественной ответственности кн. Григория Николаевича питали духовную энергию многих и сыграли большую роль в жизни Парижской русской эмиграции»⁴.

В католическом Кламаре, недалеко от столицы, рядом с Трубецкими поселились родители его жены. Они жили в старом доме постройки еще XVIII века. В 1924 году по инициативе К. А. Хрептович-Бутенева – тестя Г. Н. Трубецкого – общими силами семей они сделали у себя на участке из капитальной беседки в саду православный храм, освященный в честь Святых Константина и Елены и прозванный тамошними русскими «трубецкой церковью». Настоятелем храма был о. А. Калашников – лидер русской христианской молодежи в Лютеции»⁵.

«В парижском предместье Кламаре, у самой опушки леса, на улице, которая так и называется „Лесной“ <... > некое миниатюрное воскрешение за рубежом русской помещичьей усадьбы. Беседка в саду была оборудована под домовую церковь, в которую сходятся русские обитатели Кламара, а гостеприимный дом его (Г. Н. Трубецкого. – Авт.) был местом, куда стекалось множество представителей русской мысли и русской общественности в Париже, каким-то зарубежным оазисом русской культуры и лучших традиций русского быта»⁶.

У себя в Кламаре в 1924 году князь помог найти жилье переезжавшему из Берлина Н. А. Бердяеву. Приходящие к Трубецкому письма полны вопросов, как получить визу из Совдепии и на переезды из одной страны Европы в другую, а также как отослать посылку помощи в СССР. Из письма Г. Н. Трубецкого, откомментированного его сыном Сергеем: «В России идут аресты. Сначала арестовали Владимира [Сергеевича] Труб.[ецкого] – брата Мани. Теперь его выпустили, но арестовали Георгия [Михайловича] Осоргина. Ужасно там жить, чем может кончиться, а семья остается без средств. Тетю Ольгу [Николаевну Трубецкую] не выпускают, она надеется, что к лету поездка окажется более возможной». Папа прибавляет, что не очень хорошо себя чувствует: «Доктор нашел расширение сердца, велел сидеть дома»⁷.

В начале 1924 года племяннику князя М. М. Осоргину после бесед с митрополитом Евлогием запала мысль послужить делу Божиию: найти место для организации второго православного храма

в начале 1924 года племяннику князя М. М. Осоргину после бесед с митрополитом Евлогием запала мысль послужить делу Божиию: найти место для организации второго православного храма

в начале 1924 года племяннику князя М. М. Осоргину после бесед с митрополитом Евлогием запала мысль послужить делу Божиию: найти место для организации второго православного храма

в начале 1924 года племяннику князя М. М. Осоргину после бесед с митрополитом Евлогием запала мысль послужить делу Божиию: найти место для организации второго православного храма

¹ Письмо Г. Н. Трубецкого М. Э. Здоховскому. 23 декабря 1923 г. // Балтийский архив...

² Братство Святой Софии. Материалы и документы 1923–1939. Москва – Париж. Русский путь, УМСА-Press, 2000. С. 2.



Григорий Николаевич Трубецкой с женой Марией Константиновной Бутеневой-Трубецкой и сыновьями Петром, Сергеем, Михаилом и Николаем. Кларма. 1926

в Париже, так как единственный на *rue Dari* не вмещал всех молящихся. Впоследствии он обратился за помощью к Трубецкому, его тестю графу К. А. Хрептович-Бутеневу и С. Д. Сазонову, бывшему главе МИДа.

«Все трое с полным сочувствием отнеслись к задуманному мною делу и оказали мне содействие своими связями и знакомствами среди иностранцев. Так все вышеупомянутые прошения были подписаны нами

четырьмя, в качестве прихожан *rue Dari*»⁸.

18 июля на торгах Осоргин приобрел усадьбу на *rue de Crimée*, 93. При этом он отмечает, что рискнул выйти за рамки 300 000 франков, предоставленных митрополитом Евлогием. Разница была вскорости покрыта переводом из фонда Д. Мотта – главы Всемирной ассоциации христианских студентов (WCCF). Необходимо отметить, что эти средства были

выделены на учреждение Богословского института, по следам инициативы П. Б. Струве в 1922 году, и составили 8000 долларов (100 000 франков).

«К 14 августа секретарем Епархиального управления Т. А. Аметистовым было выработано «Положение о Комитете по сооружению Сергиевского Подворья в Париже». Первоначальный состав этого комитета был таков: архимандрит Иоанн (Леончук), протоиерей Георгий Спасский, князь Г. Н. Трубецкой, Г. Г. Кульман (как представитель доктора Мотта), А. В. Карташев, князь Б. А. Васильчиков, граф⁹ А. К. Бутенев, Л. Н. Липеровский и я. Комитет этот состоял из трех комиссий: строительной, финансовой и учебно-богословской»¹⁰.

Освящение храма Сергиевского подворья состоялось 1 марта в Прощеное воскресенье, а учебные занятия первых десяти студентов начались после Пасхи – 30 апреля 1925 года. Это дата стала официальным началом работы Богословского института, созданного как средство передачи православного знания другим поколениям и ставшего одним из центров русской культуры.

«Париж все более и более притягивает к себе беженство, Берлин и Балканы пустеют, и в 1925 году это уже «вся Россия», это деловой, рабочий, финансовый, политический, культурный и церковный центр, это зарубежная русская столица. Теперь переполнение еще более, но церковная жизнь сосредоточивается не только на улице Дарю, «Христос Воскресе» раздаётся и в маленьких церквочках в пригородах Парижа, близ заводов, на которых работают беженцы. И их обходят маленькие, но торжественные крестные ходы с мерцающими огоньками. И в самом Париже пасхальная служба совершается

в недавно учрежденном Сергиевском подворье, в его величественном, стильном, древнерусском по росписи храме. Против церкви на улице Дарю во время заутрени бойко торгуют предметами разговения русские гастрономические магазины и рестораны. Ближайшие улицы *de la Neva* и *Pierre le Grand* полны автомобилей и автобусов»¹¹.

Осенью 1925 года на съезде РСХД (Русское студенческое христианское движение. – Прим. ред.) в Аржероне во Франции, где присутствовал и Трубецкой, учредительный комитет был расширен, в состав вошли многие известные деятели русского зарубежья¹². В это время Григорий Николаевич был членом приходского совета Сергиевского подворья. Оказавшись под Парижем, он стал признанным главой и покровителем огромного числа родственников¹³.

«В эту пору многие материально стесненные оздоровлением немецкой марки русские переселились в инфляционную Францию. В Клармае же, до того слывшем парижской «подмосковной» князей Трубецких, кроме Карсавиных, осела, вернее сказать «водворилась», семья Бердяева, и их обиталища стали своего рода очагами русской культуры, центрами притяжения для идеологически разно настроенных «мыслящих» соотечественников. Одни находили духовную пищу в вещаниях Николая Александровича, другие же ориентировались на дом Льва Платоновича, скоро возведенного в достоинство «евразийца»»¹⁴.

Князь в 1924 году явился одним из инициаторов открытия Парижского отделения Русской религиозно-философской академии. Тогда же он потерял младшую сестру М. Н. Гагарину. На следующий год умерла в Клармае его сестра А. Н. Черткова. Может быть, и поэтому он в тот год взялся за написание воспоминаний «Облики прошлого», которые воскрешали его семью и охватили детство и молодые годы. Воспоминания о прошлом поддерживали встречи с двоюродным братом, скульптором Паоло Трубецким, который с 1921 по 1932 год в зимние сезоны жил и работал в Париже.

В том же году начал выходить основанный Н. А. Бердяевым журнал «Путь» (издавался в Париже при Религиозно-философской академии с августа 1925 по март 1940 г.; вышел 61 номер). Он оказался замечательным явлением не только русской, но и общеевропейской культуры XX века. Авторы, публиковавшиеся в «Пути», – гордость русской философской и богословской мысли. На обложке первого номера журнала среди ближайших сотрудников россыпь имен: Н. С. Арсеньев, С. Н. Булгаков, Б. К. Зайцев, В. В. Зеньковский, В. Н. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, А. М. Ремизов, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, кн. Г. Н. Трубецкой, кн. Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский, С. Л. Франк и др. На его страницах произошла полемика князя с евразийцами¹⁵.

Год 1925-й ознаменовался выходом еще одного издания – редактируемой Струве газеты «Возрождение», имевшей патриотическое направление. 15 января 1925 он сообщает жене из Парижа: «Из значимых видел пока только <... > Трубецких, Бернацких и Бунинных, так как всех их мне нужно было видеть по делу»¹⁶.

Проект газеты являлся составной частью политического плана великого князя и Кутепова. Струве отмечал: «Мое согласие взять на себя редакторство «Возрождения» в свое время было не просто единоличным решением с моей стороны, а результатом настоящего политического уговора между мною и А. П. Кутеповым и Г. Н. Трубецким, как лицами, пользовавшимися особым доверием великого князя Николая Николаевича, – так же точно и решение мое принять активное участие в организационной работе по созыву и направлению Зарубежного Съезда было плодом такого же уговора между мною и названными лицами»¹⁷.

В начале марта 1926 года Трубецкой опубликовал обращение к предстоящему зарубежному съезду «Блюдите культуру», в котором поднял вопрос о необходимости дать эмиграции «живые действенные задачи, доступные для всех и нравственно для всех обязательные, требующие усилий не только в будущем, но и в настоящем, здесь на чужбине. Это поможет сотням тысяч беженцев пережить тягостное время ожидания в сознании, что

⁸ Михаил [М.] Осоргин. Воспоминания о приобретении Сергиевского Подворья. // Вестник РХД. 1987. № 151. С. 251.

⁹ Титул графа был у его отца К. А. Хрептович-Бутенева.

¹⁰ Там же. С. 265.

¹¹ Долгоруков П. Д. Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916–1926. М.: Центрполиграф, 2007. URL: charaev.ru/books/Pavel-Dolgorukov_Velikaya-razrukha-Vospominaniya-osnovatelya-partii-kadetov-1916-1926/20 (дата обращения: 08.04.2018)

¹² Карташев А. В. Как создавался православный Богословский институт в Париже. // Вестник РХД. 1964–1965. № 75–76. С. 9.

¹³ Голицын С. М. Записки уцелевшего. Публ. Г. С. и М. С. Голицыных. // Наше наследие. – 2000. – № 54. – URL: http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5406.php?begin=51 (дата обращения: 27.10.2017)

¹⁴ Лосский Б. Н. В русском Париже (1927–1935). // Минувшее. Исторический альманах. № 21. М.: Atheneum; СПб.: Феникс, 1997. С. 9.

¹⁵ Трубецкой Г. Н. Ответ на письмо евразийцев. // Путь. 1926. № 2. С. 135–136.

¹⁶ Колеров М. А. Русские писатели и «Русская мысль» (1921–1923). Новые материалы. // Минувшее. Исторический альманах. № 19. М.: Atheneum; СПб.: Феникс, 1996. С. 245

¹⁷ Струве П. Б. А. П. Кутепов и Зарубежный Съезд 1926 г. (Из воспоминаний об А. П. Кутеполе). // Генерал Кутепов. Сб. ст. Париж. 1934. С. 297.



Собор Святого Александра Невского в Париже получил статус кафедрального собора в 1922 году, когда архиепископ Евлогий (Георгиевский) открыл здесь кафедру епархии приходов русских эмигрантов

они не влачат бесполезного существования». Такую задачу Трубецкой видел в сохранении национальной культуры. Борьба за нее была осмыслена князем как «борьба за то, что должно быть всего дороже для

человека в его народе – это борьба за народную душу, за народный лик». «И если здесь за рубежом, – писал он, – нам удастся сохранить нашу родную культуру – то мы одержим самую важную победу над

большевиками, ибо все их усилия направлены на то, чтобы разрушить народную культуру, убить народную душу»¹⁸.

Российский зарубежный съезд состоялся в апреле 1926 году и ставил

своей задачей объединение разрозненных групп и лиц русского Зарубежья. Формулировки заявлений великого князя перед этим форумом первое время почти исключительно принадлежали Трубецкому¹⁹. Съезд прошел в Париже с 4 апреля по 11 апреля, но он достиг только одномоментного объединения непримиримых частей русской диаспоры.

Как уже упоминалось, в июне 1927 году князь стал одним из членов-учредителей общества «Икона» (*L'Association «l'Icone»*), основанного в Париже по инициативе В. П. Рябушинского. Совместно с товарищами Трубецкой посредством печати обратился к русскому Зарубежью по поводу старинных икон и бережного с ними обращения. Учредительное собрание нового общества состоялось под председательством Трубецкого. Местом пребывания общества стала казенная квартира представителя «Русской торговой палаты» И. В. Шнейдера на *rue Tronchet, 27*. Своею целью общество, как прописано в уставе, поставило изучение и охрану древней иконы и искусства восточной церкви. С самого начала его открытия определилось три главных направления:

1) изучение икон как памятников национального русского творчества и понимание красоты их;

2) богословское и каноническое изучение икон с точки зрения их церковного и литургического содержания;

3) продолжение искусства иконы для церковных целей и для молитвенных надобностей.

Общество объединило под своей эгидой многих

художников-иконописцев, архитекторов, ученых и писателей во Франции, Англии, Чехии, Германии, Бельгии, Швейцарии, Финляндии, оказавшихся за пределами России после захвата власти большевиками. В его бюро вошли: художник И. Я. Билибин, общественный деятель С. К. Маковский, В. П. Рябушинский, а в первый состав совета – Г. Н. Трубецкой, художник Д. С. Стеллецкий, член совета «Российского торгово-промышленного и финансового союза» Н. Т. Каштанов²⁰. Почетными попечителями были избраны великая княгиня Ксения Александровна и митрополит Евлогий, почетными членами – французские академики Милле и Брейе, русские профессора А. Н. Грабар и Н. Л. Окунев. Вскоре после основания Общества в него вступили Н. И. Исцеленнов, Н. П. Рябушинский, М. Д. Рябушинская, П. П. Муратов²¹, Н. В. Глоба, Н. Л. Лихачев, А. А. Бенуа, Ф. И. Бокач, Н. Н. Шебеко, Л. И. Савич, А. П. Калитинский, А. С. Мерзлюкин, иконописцы Е. С. Львова, В. В. Сергеев, П. А. Федоров, Г. В. Морозов, гр. О. Б. Орлова-Денисова, Ю. Н. Рейтлингер, Т. В. Ельчанинова, о. Григорий Круг, Л. А. Успенский, писатель Б. К. Зайцев. Первая выставка прошла в ноябре 1928 году в Париже в помещении «Российского торгово-промышленного и финансового союза», было представлено около 100 икон. Вторая состоялась с 27 декабря 1929 года по январь 1930 года в «Русской школе живописи Т. А. Сухотиной» снова в Париже. Деятельность общества широко освещала газета «Возрождение».

В отличие от многих российских зарубежных обществ оно функционирует и поныне.

Трубецкой публиковался на страницах зарубежной русской печати, сначала в 1923 году в издаваемом Струве журнале «Русская мысль». Печатное слово князя приходило к читателям и с парижской газетой «Вечернее время» (выходила в 1924–1925 гг. под редакцией Б. А. Суворина), но в основном с изданиями, возглавляемыми Струве, например газетой «Возрождение» (1925–1927). Ему даже пришлось в конце ноября 1926 года посредничать совместно с юристом Б. Э. Нольде, адвокатом и общественным деятелем Н. Б. Глазбергом и главой «Торгово-промышленного союза» С. Г. Лианозовым перед издателем газеты «Возрождение» А. О. Гукасовым, противодействуя, вытеснению из газеты редактора, его друга П. Б. Струве²². Усилия Трубецкого и посредников не привели к успеху, но их дело не пропало: князь продолжил сотрудничать в еженедельниках своего давнего товарища: «Россия» (1927–1928) и «Россия и славянство» (1928–1934). В последнем летом и осенью 1929 года он опубликовал ряд фельетонов о гонении на церковь в СССР²³. Но его участие в газетах Струве являлось не просто фактом публикаций, о чем свидетельствовал этот редактор: «Те издания, которые я основал после моего вытеснения из «Возрождения», «Россия» и «Россия и славянство» неизменно пользовались не только сочувствием, но и поддержкой... [Трубецкого]. Она была так существенна, что без нее газета «Россия» вообще не могла бы возникнуть»²⁴.

¹⁹ Там же. С. 298.

²⁰ Вздорнов Г. И., Залеская З. Е., Лелекова О. В. Общество «Икона» в Париже. Москва – Париж: Прогресс-Традиция. 2002. С. 74.

²¹ Там же. С. 132–138.

²² Письмо Г. П. Струве матери Н. А. Струве от 29.11.1926 г. // Вестник РХД. 1985. №145. С. 212.

²³ Франк С. Л. В сб. ст.: Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. С. 35.

²⁴ Петр Струве. В сб. ст.: Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. С. 31.

¹⁸ Трубецкой Г. Н. Блюдите культуру. // Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. Сб. ст. С. 98–99.

С проблемы раскола Церкви за рубежом, вызванного в 1921 году решением Карловацкого Собора, начинались в печати заметки князя в Зарубежье, он продолжал его волновать и весь заграничный период. К Трубецкому обращался за советом глава Западно-европейской епархии митрополит Евлогий в 1926 году, к нему же в составе группы приглашенных обращался он и летом следующего года²⁵ по поводу линии отношений с заместителем Патриаршего Местоблюстителя Сергием – главой Патриархии в Москве, находящимся под давлением большевистского правительства. В письме митрополиту Евлогию от 22 октября 1927 года он твердо выступал против подчинения Сергиевской церкви, подпавшей под контроль большевиков.

«Мое убеждение, повторяю, что это единственный выход из тупика, в который мы зашли, – скорейший созыв епархиального собрания и предложение на его рассмотрение основных положений о возможных для нас взаимоотношениях с Рус[ской] Церковью на основе сохранения с ней канонической связи и фактической автономии. Одновременно, предусматривая возможность неприятия этого проекта м[итрополитом] Сергием, – общий выход пастырей и паствы из состава Московской Патриархии и образование самостоятельной Церкви наподобие Американской.

Дорогой Владыко, каждый час дорог. Не упускайте времени, иначе распад и разложение неотвратимы. Кончаю это затянувшееся

письмо и вновь прошу Ваших святых молитв. Г. Т.»²⁶.

Эта проблема продолжалась еще несколько лет, и митрополия Евлогия 17 февраля 1931 года в резиденции Константинопольского Патриарха в Фанаре была принята в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Еще для русского Зарубежья и Белград, и Париж были как два полюса, и князь остро переживал все это. Есть серия очень интересных писем к нему по этому поводу от митрополитов Антония, Анастасия, Евлогия и Платона, ответы на них, а также длинейший его доклад к великому князю Николаю Николаевичу, письма Струве, Булгакова и других. Написанные Трубецким к жене – это крик его души, переживания за Церковь. Мария Константиновна в одном из писем старается его утешить и пишет: «... не изводишь церковными делами, все это преходяще в сравнении с величием и исключительностью самой церкви, это одно должно служить утешением. К тому же скоро Россия освободится и все смоеется. Лечись, не думай и не пиши, все образуется...»²⁷.

Григорий Николаевич отвечает на одно из таких писем:

«Ты, бедная, хлопочешь о живых и мертвых, но и о чужих покойниках. И что дальше! Нельзя закрывать ни живым, ни мертвым, но я пишу Оло [О. Н. Трубецкой], что наш дом надо окрестить “Машино подворье”. Я на одно надеюсь, что Ты открыла на небесах joint account²⁸ и что по мере того, как убавляется со дня на день наш joint account в Банке, тот прибавляется, и я буду на том

свете жить на Твой счет и Твоими заботами как на этом»²⁹.

Когда в 1928 году на VI съезде РСХД, проходившем 10–16 сентября в замке Савез во Франции, Г. П. Федотов предложил сделать выбор в распре между Карловацким Синодом и митрополитом Евлогием, юрисдикцию которого и признать всем движением, то председательствующий В. В. Зеньковский резко выступил против такого предложения. По его мнению, РСХД должно иметь один прямой, всецерковный путь, то есть соединять, а не разъединять. Выбор одной юрисдикции привел бы к расколу, поскольку местные группы РСХД принадлежали как к разным юрисдикциям, так и к разным автономным Церквам (в Польше, Финляндии, прибалтийских республиках). Получив горячую поддержку Трубецкого, Зеньковский провел на съезде свою резолюцию об общецерковном пути движения. Последний вспоминал, что с осени 1929 года князь вместе с Г. В. Флоровским и о. С. Четвериковым начали устраивать публичные лекции при РСХД о Церкви³⁰.

Князь выступал не только против раскола среди русских в православии, но и вел созидательную работу по сближению с католиками и протестантами, в письме выражая свое убеждение так: «Я верю, что хотя по грехам нашим порвалось единение между Западной и Восточной Церквами, но между ними сохраняется в глубине онтологическое единство и по существу остается единая Церковь, ибо двух быть не может, а эта единая Церковь обнимает и Восток

и Запад. Вот почему обе Церкви благодатны»³¹.

По инициативе русской стороны с января 1926 года в Париже возникли собрания для дискуссий их представителей с французскими католиками и протестантами. Она исходила из кругов Религиозно-философской академии. Среди участников с одной стороны были Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславец, А. В. Карташев, Г. Н. Трубецкой, с другой – Л. Лабертоньер, М. Жилле, наиболее влиятельный представитель католицизма XX в. Ж. Маритэн и др.³² Как писал об этих собраниях Г. Н. Трубецкой, собирались «представители разных религиозных течений – католиков, православных и протестантов», при обсуждении ими православной и католической веры и «Символа веры» «обнаружилось гораздо больше расхождения у представителей неотолизма с Laberthonniere, чем между последним и православными»³³.

Часть высказанных князем мыслей нашла свое отражение во французских журналах: «La Revue française», «Revue catholique des idées et des faits», «Le Monde slave», «Bulletin catholique international»³⁴. В зарубежье возобновилась переписка князя с профессором на кафедре сравнительных литератур, впоследствии ректором Университета Стефана Батория в Вильно М. Э. Здоховским³⁵. Из других имен необходимо отметить его личное знакомство с главой церкви в Бельгии кардиналом Д. Мерсье,

стоявшим у истоков экуменизма³⁶. Традицию же встреч с интеллектуальным кругом русской диаспоры князь поддерживал в стенах своего дома.

«Особенно же уютна и привлекательна была атмосфера собраний – на темы церковно-философские и общественно-исторические – в радушием и патриархальном доме князя Григория Николаевича Трубецкого... Здесь бывали и парижские “религиозные философы” и богословы: Булгаков, Бердяев, А. В. Карташев, В. В. Зеньковский, Вышеславец и знаток иконы В. П. Рябушинский, и Н. Н. Львов, и П. Б. Струве и ряд других национально-мыслящих политических деятелей разных оттенков, но объединенных любовью к России, к ее духовному лицу, к ее народным традициям, равно как и сознанием ответственности перед ней и борьбой против большевизма, от бывших видных дипломатов Императорской России до членов редакции “Современных записок”. И здесь объединяющим центром была – как мы уже раз указывали – личность самого хозяина, кристально-благородная и открытая для всего доброго, горящая благодушным радушием и вместе с тем глубоко укорененная в подлинных духовных глубинах, в мире религиозных и нравственных ценностей»³⁷.

Подготовка к встрече Рождества 1930 года в этом доме оказалась отодвинута скоростной смертью его хозяина. Григорий Николаевич Трубецкой умер 6 января того года. На похоронах

его память почтили 400–500 лиц из разных кругов. В вышедшем в том же году сборнике его памяти, задуманном его тестем графом К. А. Хрептович-Бутеневым и вдовой княгиней М. К. Трубецкой, опубликована статья участника РСХД, профессора Богословского института Г. П. Федотова: «Вся русская колония Парижа, без различия направлений, объединилась вокруг его гроба в безмолвной скорби. Наше движение потеряло в нем верного друга и покровителя, бывшего членом Совета движения, участником наших съездов, гостем кружков и праздничных собраний молодежи, согревавшего их исходившими от него лучами ясной и тихой мудрости <... > Стойкий, совестливый, справедливый – он воплощал в себе те добродетели старой России, которые, кажется, уходят из нашей жизни. С ними он умел соединить редкую скромность, тот христианский и национальный дар Трубецких, о которых “внешние”, не подозревая его источника, не знали, как сказать: истинный аристократизм, или демократизм. Патриарх русского православного Парижа, князь Григорий всегда любил держаться в тени, избегал общественных выступлений, редко полемизировал, был простым среди простых, среди юношей – не учителем, а другом»³⁸.

В 1945 году православный приход Кламара учредил стипендию имени князя Г. Н. Трубецкого для студентов Богословского института в Париже³⁹.

²⁵ Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия... С. 562, 566.

²⁶ Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М.: РАГС. 1999. С. 258–262.

²⁷ Князь С. Г. Трубецкой. Семейные хроники. С. 128.

²⁸ Совместный счет (пер. с англ.).

²⁹ Архив Марии Константиновны Бутеневой-Трубецкой. С. 76.

³⁰ Зеньковский В. В. Из моей жизни: Воспоминания. М.: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына / Книжница. 2014. С. 148.

³¹ Письмо Г. Н. Трубецкого М. Э. Здоховскому. 15 мая 1928 г. // Балтийский архив...

³² Собрания православных, католиков и протестантов в Париже. // Путь. 1926. № 3. С. 150.

³³ Письмо Г. Н. Трубецкого М. Э. Здоховскому. 14 февраля 1926 г. // Балтийский архив...

³⁴ Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. В 3-х т. Наука: Дом-музей Марины Цветаевой. 2008–2010. Т. 3. С. 347.

³⁵ Из переписки кн. Гр. Н. Трубецкого с профессором М. Э. Здоховским (1907–1928). // Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. Сб. ст. С. 158–163.

³⁶ Памяти кардинала Мерсье. // Путь. 1926. № 3. С. 125–126.

³⁷ Арсеньев. Из русской культурной и творческой традиции. С. 107.

³⁸ [Статья] Г. [П.] Федотова. // Памяти кн. Гр. Н. Трубецкого. Сборник статей. С. 39–41.

³⁹ Российское зарубежье во Франции 1919–2000. С. 347.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Свыше 60 лет верой и правдой Александр Чучалин служит медицине и людям

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ



Александр Григорьевич Чучалин

Александр Григорьевич Чучалин... Крупнейший ученый с мировым именем в области пульмонологии, заведующий кафедрой госпитальной терапии Института материнства и детства Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н. И. Пирогова, президент Общества православных врачей России им. святителя Луки (Войно-Ясенецкого), член Синодальной

комиссии по биоэтике РПЦ, заслуженный деятель науки РФ... Всех его регалий не перечислить. Свыше 60 лет верой и правдой этот поистине «универсальный человек» – обычно эту формулировку применяют к Леонардо да Винчи – служит медицине и людям. Спасал и генеральных секретарей, и рядовых граждан. Сам живет насыщенной, содержательной жизнью, исполненной душевного и духовного

здоровья, дышит полной грудью и своим пациентам дарит чистое, легкое, свободное дыхание.

В лабиринтах «ПУЛЬМЫ»

Еще на студенческой скамье он каким-то шестым чувством ощутил, что пульмонология, изучение болезней органов дыхания, незаслуженно находятся у медиков в положении «золушки», в то время как осуществляется множество разработок в кардиологии, онкологии, эндокринологии...

Остро почувствовав вызов, Чучалин именно это направление выбрал делом своей жизни. Вскоре убедился, что легочные пациенты – особый тип людей. Не зря в древности существовало представление, будто в легких находится душа человека.

Позже Чучалин обнаружил, что Николай Бердяев в лекциях, которые он читал в Московском университете в начале 1920-х годов, использовал слово «пульмо» (от лат.

pulmonis – «легкое») в качестве синонима к слову «душа». Кстати, этот русский мыслитель, оказавший огромное влияние на философию XX века, заставил европейцев признать русскую философию, хотя до этого к ней относились пренебрежительно, как к чему-то провинциальному, ориентированному на религию и мистицизм.

Впоследствии судьба неоднократно возвращала Чучалина к философу, среди центральных тем творчества которого были мораль, свобода, будущее России. Занявшись вплотную проблемами биоэтики, Чучалин прочитал в трудах Бердяева, что врач постоянно решает вопросы добра и зла, – именно в этом задача этики, науки о человеке. «Проблема этики связана с загадкой о человеке. Этика и должна быть учением о назначении и призвании человека, и она прежде всего должна познать, что есть человек, откуда он пришел и куда идет», – подчеркивал философ.

Огромный интерес вызывала у Чучалина и концепция ноосферы, разработанная академиком Владимиром Вернадским. Он исходил из того, что живые организмы на Земле неразрывно и непрерывно связаны, прежде всего питанием и дыханием с окружающей их материально-энергетической средой. В геологической истории биосферы перед человечеством открывается огромное будущее, если оно поймет это и не будет употреблять разум и труд на самоистребление. Формируя концепцию ноосферы, Вернадский прозорливо выделил 12 основных положений, среди которых: расширение границ биосферы и выход человека в космос; новые источники энергии; равенство людей всех рас и религий; свобода научной мысли... Что-то пророчески сбылось, однако некоторые положения оказались невыполнимы. Например, положение о войне, гласящее: «Исключение

войн из жизни человеческого общества».

Ныне в обиходе современного языка редко используют слово «ноосфера», чаще прибегают к выражению «четвертая технологическая революция»...

Все это обогащало Чучалина, образно говоря, «пульмой». Сегодня в результате его заслуг отечественная пульмонология стала самостоятельной медицинской дисциплиной, произошло становление научной и практической специальности «Пульмонология».

Порой кажется, что академик во все не ставит перед собой определенных целей, не пытается во всем рассмотреть глубинные смыслы, он просто неравнодушен, зорким сердцем отзывается на любую боль, и неважно при этом, касается она конкретного человека или целого государства. Врачевание для него столь же естественно, как собственное чистое, незамутненное дыхание. Как дышит, так и живет. Чехов тоже полагал: «Медицина – это так же просто и так же сложно, как и жизнь».

Этика и деонтология

Одним из краеугольных камней при подготовке современных кадров Александр Чучалин считает следование традициям отечественной медицины. Благодаря его усилиям городской клинической больницы № 57 Москвы присвоено имя Дмитрия Плетнева, который был осужден на 25 лет по делу правотроцкистского блока и расстрелян. Долгом Александра Григорьевича стало возвращение этого имени обществу, и в итоге реабилитация Плетнева состоялась. На личные средства Чучалин создал при больнице единственный в стране музей этого выдающегося врача. Добился он и общецерковного прославления расстрелянного вместе

с императором Николаем II лейб-медика царской семьи Евгения Боткина, сына знаменитого доктора Сергея Боткина.

Традиционно много внимания ученый уделяет популяризации медицинской этики и деонтологии, установлению доверительных отношений между врачом и пациентом, основанных на принципах уважения к личности каждого человека. Весомым вкладом ученого в медицину стало создание 10-томной «Библиотеки биоэтики». Это собрание философских, литературных, научных трудов, в которых отражены вопросы отношения к пациентам, общения с больными, проблемы врачебной ошибки и т.д. По словам академика, эта библиотека – возможность для врачей и студентов медицинских вузов найти ответы на возникающие в процессе работы этические вопросы. А само этическое образование врача – это не только лекции на первых курсах, но неустанная работа в течение всей жизни в профессии.

Дитя войны

Сколь бы банально ни звучала фраза «все мы родом из детства», по большому счету, она справедлива. Самые ранние воспоминания Чучалина совсем не радостные. Детские мытарства неизгладимы, как зарубки на душе, но обид он не копит, не держит камня за пазухой, хотя родился перед Великой Отечественной войной и прошел жесткую, порой жестокую школу жизни. Свои первые годы провел на оккупированной территории у родственников на юге Украины. Людей расстреливали тогда прямо у стен домов, возле заборов, вешали на деревьях, фонарных столбах, угоняли в Германию и концентрационные лагеря. Его маму, жену красного командира, поместили в лагерь

в Одесской области. Когда за него пришли, каким-то детским чутьем Саша осознал, что маму уводят, их разлучают. Это была трагедия. Кричал так, что, как рассказывает, по сей день в ушах стоит тот детский рев. И вдруг этот крик резко оборвался: его «успокоили» ударом приклада. Когда пришел в себя, мамы рядом не было. Он стал брошенным, а ранние его годы – сиротскими, голодными.

Узники трудились на сельскохозяйственных угодьях за заградительной проволокой. Каждый день, не теряя надежды, он искал маму, прибегал к «колючке» и ждал, ждал... В детской памяти сохранился момент, когда ей разрешили подойти к нему. Это было непередаваемое ощущение безграничной радости, счастья, когда через колючую проволоку можно было дотронуться до нее, ощутить тепло родного тела. И затем жить ожиданием – наступит ли еще такой же счастливый момент. Через два года ее освободили...

У мамы был некий дар: кого-то лечила, кому-то заговаривала боль... Время было трудное, поэтому к ней постоянно тянулись женщины, на нее надеялись. В благодарность приносили яйца, картошку, молоко... Так, худо-бедно перетерпели оккупацию, выжили, остались целы.

Опыт военной поры не озлобил его, но научил бороться. По природе своей Чучалин устроен так, что, когда человек поступает плохо, ему становится его жаль. Будучи православным, знает, что противник непременно получит наказание, в чем не раз убеждался. Поэтому и сам старается не причинять никому боли.

Борец с «кривыми идеями»

Ученый открыто отстаивает свои взгляды, смело задает острые,

болезненные, неудобные вопросы, если видит недостатки. Так, на старте «вакцинной» гонки Чучалин высказал обеспокоенность бравурными заявлениями российских ученых об уже якобы готовых вакцинах. Исповедуя этический подход и соблюдение прав человека, возвысил голос против массового применения вакцины от коронавирусной инфекции до прохождения всех стадий клинических испытаний. Он был убежден, что безопасная и эффективная вакцина против коронавируса нужна и массовая иммунизация необходима, однако разработка вакцин – научная задача, требующая ответственного подхода, где нет места прессингу на ученых, политической ангажированности, ведь мир ждет новые лекарства, а не новые проблемы. Тогда он совершил мужественный шаг – отказался от членства в комитете Минздрава России по биоэтике, так как с сожалением отмечал случаи протаскивания документов с грубыми этическими нарушениями. А ведь любое клиническое исследование обязано проходить этическую экспертизу, которая не менее важна, чем технологическая. Не случайно в 1946 году был принят специальный кодекс, основанный на Декларации прав человека и предусматривающий обязательное использование добровольного информированного согласия.

Размышляя о природе пандемии COVID-19, Чучалин в своих воззрениях опирается на продолжительнейшей идей Владимира Вернадского о ноосфере, выдающегося ученого Александра Чижевского, который выстроил теорию о том, что человечество неизбежно настигают биокосмические эпидемии. Новые вызовы и потрясения – следствие того, что человек вмешался в окружающий мир, резко изменил его, но при этом не адаптировался

к собственноручно порушенному в природе. Современный человек, как никогда прежде, сверхчувствителен к воздействию вирусов, микроорганизмов, грибковых инфекций.

В период пандемии COVID-19 Александр Григорьевич был одним из главных просветителей и учителей российского общества. Выступал в СМИ, каждый день находился на «передовой» борьбы с инфекцией. Консультировал, проводил научные изыскания, перелопатил тома новейших исследований, блестяще владея английским языком, прослушал Гарвардский онлайн-курс по вирусологии и иммунологии применительно к этой проблеме, анализировал, сопоставлял, делал выводы, дистанционно читал лекции о тайнах коронавируса, давал коллегам профессиональные рекомендации. А еще он с сожалением отмечает, что ныне от искусства в медицине, которая, как известно, являет собой синтез науки, ремесла и искусства, мало что остается: преобладают стандарты, протоколы, клинические рекомендации, дистанционный подход к пациенту, фантомы, симуляторы...

В непрерывном поиске

По инициативе Александра Чучалина были приняты многие государственные программы, позволившие снизить заболеваемость и смертность от болезней органов дыхания в стране, в том числе научно-техническая программа «Здоровье населения России», программы по вакцинопрофилактике, лечению социально значимых (бронхиальная астма, хроническая обструктивная болезнь легких, пневмония и т.д.) и редких заболеваний легких (муковисцидоз, первичная легочная гипертензия и т.д.), организации помощи беременным женщинам с патологией

органов дыхания. Также благодаря ему разработана и ежегодно обновляется отечественная формулярная система (Федеральное руководство по использованию лекарственных средств) – информационно-методическая доктрина по рациональному использованию лекарственных препаратов на принципах доказательной медицины.

Академик стоял у истоков разработки оригинальных отечественных импортозамещающих лекарственных препаратов (сальбутамол, гемисукцинат, будесонид, тровентол, илметропия йодид, ингавирин) для лечения обструктивных заболеваний дыхательных путей; был инициатором бесплатного обеспечения лекарственными препаратами пациентов с бронхиальной астмой, муковисцидозом взрослых... Его заслугой является введение в практику передовых методов диагностики и лечения заболеваний легких.

Судьба не раз проверяла его на прочность. И это несмотря на высочайший авторитет в мире, ведь именно он организовал и провел первую в России успешную операцию по билатеральной трансплантации легких, признанную во всех странах вершиной современных медицинских технологий.

Казалось бы, в медицине давно упрочилась практика пересадки органов. Но она долгое время вызывала, да и сейчас вызывает множество вопросов, в том числе и непосредственно у докторов. Очевидно, что благодаря трансплантации облегчаются страдания, удается вернуть человеку великий дар – жизнь. Однако при этом допустимо ли нарушать целостность человеческого организма, переносить донорские органы реципиенту?

Трансплантология – очень чувствительная сфера в области этики. В связи с этим некоторые ученые вспоминают «Собачье сердце» Михаила Булгакова и считают, что с органом донора в человека

вселяется чужая жизнь, поди знай какая. «Мне представляется, это мистический взгляд. Ради сбережения жизни пересадка возможна, необходима, оправдана. В каждом конкретном случае такое решение принимает, как правило, консилиум, основываясь на научном подходе и медицине, основанной на доказательствах», – считает ученый.

И сегодня благодаря отработанной им тактике ведения больных в пред- и послеоперационном периодах трансплантация легких стала проводиться уже в нескольких центрах страны, что позволяет продлить жизнь многим тяжелым пациентам. Своими достижениями врачи во главе с Чучалиным способствовали возвышению отечественной медицины до уровня ведущих мировых держав. А накануне той первой, прорывной операции заместитель министра здравоохранения РФ пригрозил: «Александр Григорьевич, в случае неудачи вы должны прийти ко мне и положить на стол свой диплом». Тогда реноме, да и вся судьба ученого висели на волоске. Но он не отступился.

В общей сложности сформированная Чучалиным гибридная междисциплинарная команда насчитывала 45 специалистов. Ведущую роль сыграл эксперт Университетского госпиталя Страсбурга, президент Европейского общества торакальных хирургов, ведущий хирург Франции, профессор Жильбер Массард, который сердцем любил Россию, часто выступал здесь с лекциями, мастер-классами, показательными операциями.

У Массарда интересная судьба. Он родился в Люксембурге. В период Второй мировой войны его дед находился в лагере для военнопленных, который освободили советские войска. Когда Жильбер подрос, дедушка рассказал ему о замечательных русских людях, воинах-освободителях, подаривших ему вторую жизнь, и попросил

внука в знак благодарности им выучить русский язык. В детстве Россия представлялась мальчишке загадочной страной, *terra incognita*, может, поэтому он прекрасно овладел русским языком, всерьез увлекся русской литературой, историей, культурой, с большой теплотой и любовью относится к россиянам.

Массард выполнил в России хирургическое вмешательство по трансплантации, продемонстрировав высочайший уровень, работал мастерски, выверенно. Операция прошла успешно, пациентка восстановилась, продолжила трудиться, радоваться жизни. После трансплантации прожила еще почти 10 лет, что с учетом тяжести ее патологии срок немалый...

На сегодня бригадой под руководством академика Чучалина выполнено около 90 успешных трансплантаций. Врачебная практика Чучалина связана с современными методами диагностики и лечения заболеваний дыхательной системы. На базе Городской клинической больницы им. Д. Д. Плетнева академик создал уникальный респираторный салон, где врачи используют новые методы дыхательной терапии с применением медицинских газов: водорода, кислорода, оксида азота, гелия. По его инициативе разработан не имеющий мировых аналогов генератор медицинских газов, способный производить из воздуха чистейшую фракцию оксида азота непосредственно у постели больного. С помощью этого аппарата можно эффективно лечить множество легочных заболеваний.

Таков академик Чучалин... Редкая в наши дни личность, прямо скажем – «краснокнижная». Именно такие люди противостоят агрессии и злу, своими жертвенными трудами делают нашу жизнь чище, здоровее, добрее. В свои 85 он активен, продолжает вести отечественную науку к новым вершинам и останавливаться не собирается...

ЧТО ТАКОЕ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Артур Кларк: «Любая достаточно развитая технология неотличима от магии»

ГАЛИНА ЧЕРНИКОВА

Технологии шагнули так далеко, что наша жизнь стала напоминать сказку. Правда, скорее, не диснеевскую про принцесс, а русскую народную, где все немного более практично.

Современные навигаторы – это почти волшебный клубок Ивана-царевича. Они быстро рассчитывают маршрут, предупреждают о пробках и даже помогают избежать препятствий на дороге. Конечно, сказочный клубок обладал магией, но и наши GPS не уступают – благодаря спутникам, они работают где угодно, от густых лесов до городских джунглей.

В сказках скатерть-самобранка накрывала стол в мгновение ока, но современные технологии превращают этот процесс в удовольствие – ведь что может быть волшебнее доставки вашего любимого блюда прямо к порогу?

Технологии окружают нас повсюду, и пусть они не совсем волшебные, однако их возможности напоминают, что сказка может быть ближе, чем кажется.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) радикально изменило сложившийся порядок вещей и стиль жизни. Понятие ИИ появилось в 50-е вместе с первыми компьютерами. Термин был предложен американским ученым Джоном Маккарти на конференции в Дартмутском колледже для обозначения исследований, направленных на создание машин, которые будут решать задачи, требующие интеллекта. Основная идея заключалась в том, что интеллект – это набор вычислимых процессов,

которые можно воспроизвести с помощью компьютеров.

Многих пугает слово «интеллект», потому что создается впечатление, что внутри компьютера происходят мыслительные процессы, как в голове у человека, а ведь это не совсем так.

Для начала давайте разберемся, что включает в себя понятие ИИ. Существуют различные методы, которые можно условно разделить на два типа: методы традиционные и машинное обучение.

Традиционные методы искусственного интеллекта основаны на решении компьютерами задач с помощью заранее заданных правил и логических принципов. Например, если компьютер должен помочь в диагностике заболеваний, он может использовать набор правил, чтобы на основе симптомов определить возможную болезнь, подобно тому, как врач использует свои знания и опыт.

Или, когда вам нужно выбрать самый быстрый маршрут для путешествия, компьютер может найти оптимальный вариант. А если нужно принимать решения в игре (например, в шахматах), программа может анализировать возможные ходы, чтобы выбрать лучший.

Также существуют методы, которые помогают компьютерам «думать» по строгим логическим правилам. Такие методы могут использоваться, например, для обработки языка или при планировании действий. Иногда задачи решаются неидеально, но быстро, с помощью простых правил, которые дают хорошее приближенное решение.

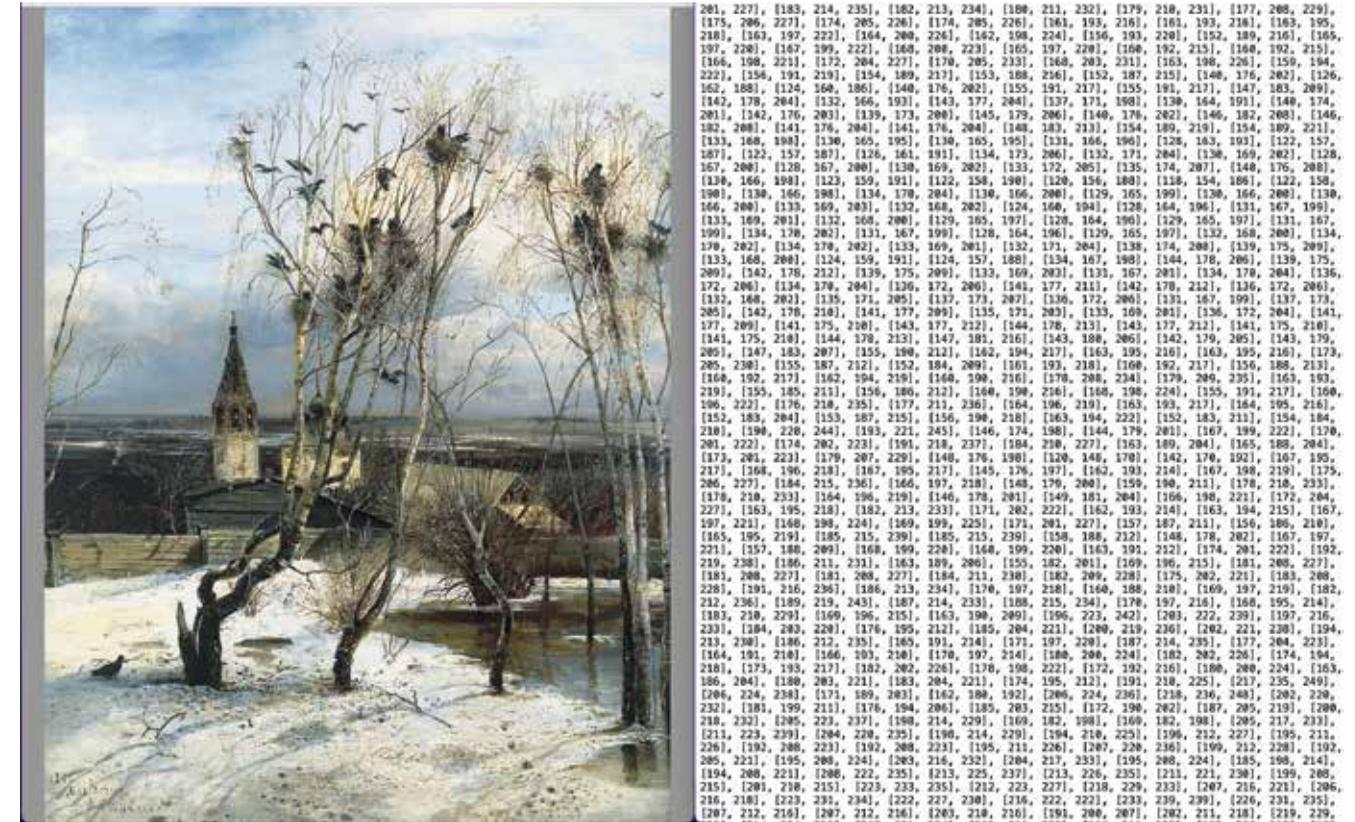
Эти методы полагаются на четкие инструкции и логику, что делает их полезными для решения задач в разных областях.

Машинное обучение – это метод, при котором компьютеры учатся решать задачи, анализируя примеры данных, а не следуя заранее заданным правилам. Вместо того чтобы указывать компьютеру точные инструкции, мы даем ему множество примеров, и он сам находит закономерности или связи в этих данных, чтобы сделать выводы или предсказания.

Представьте, что мы хотим научить компьютер распознавать картины, написанные в разных стилях. Для этого мы покажем ему много примеров картин разных художников, и компьютер будет анализировать, чем они отличаются, например, какие цвета использует каждый художник или как он рисует формы. После этого, увидев новую картину, он сможет сказать, к какому стилю она относится, потому что он научился распознавать эти особенности.

Однако важно понимать, что компьютер будет видеть не совсем картины, а набор чисел, которые для любого человека не будут нести никакой смысловой нагрузки. Любая картинка состоит из пикселей, и каждый пиксель представлен тремя значениями – интенсивностью красного (R), зеленого (G) и синего (B) цветов. Например, полностью белый пиксель имеет значения 255, 255, 255, а черный – 0, 0, 0.

Когда мы обучаем компьютер распознавать картины, мы даем ему изображения в виде числовых данных



Алексей Саврасов «Грачи прилетели» и цифровая интерпретация картины в формате RGB

и указываем, к какому художнику они относятся. Например, одно изображение подписываем как Саврасов, другое – как Рембрандт. Машина анализирует эти данные, выявляет закономерности и учится различать стили художников. Процесс основан на сложных методах математического анализа и линейной алгебры.

Здесь все понятно, скажите вы, но как же ИИ рисует новые картины, он что, научился придумывать что-то новое сам и скоро человек совсем не будет нужен? Генеративный искусственный интеллект, такой как модели для создания изображений и текста, работает, изучая огромные объемы данных и выявляя в них закономерности. Когда он рисует картинку, он не копирует существующие изображения, а создает новые, комбинируя цвета, формы и текстуры на основе полученных примеров. Когда он пишет текст, он не размышляет, а просто предсказывает, какое слово или

фраза наиболее вероятны в данном контексте, используя знания из миллионов прочитанных текстов.

Моя работа в фармацевтической компании связана с машинным обучением и анализом данных. Наша команда работает над задачами, охватывающими весь бизнес. Мы анализируем эффективность рекламы, разрабатываем модели, которые помогают отвечать на вопросы потребителей. Мы также прогнозируем вспышки гриппа, чтобы заранее обеспечить аптеки нужными препаратами. В производстве мы работаем с потоками данных с заводов, помогая автоматизировать контроль качества и оптимизировать производство. И это не просто анализ цифр, а поиск решений, которые делают здравоохранение доступнее и эффективнее. Технологии меняют медицину, и быть частью этих изменений действительно увлекательно.

Не стоит бояться, что искусственный интеллект отнимет у вас работу. Да, он меняет нашу жизнь, и пока сложно предсказать, куда нас приведет технический прогресс, но важно помнить, что технологии расширяют наши возможности, а не отнимают их. Когда-то ткацкий станок заменил ручное плетение, но это не уничтожило профессию, связанную с производством ткани, а наоборот, дало толчок развитию моды как искусства. Освободившись от рутинного труда, люди смогли сосредоточиться на творчестве и поиске новых материалов и смыслов.

Так и с искусственным интеллектом: он берет на себя скучную, монотонную работу, оставляя людям то, что требует воображения, критического мышления и эмоционального интеллекта. Вместо того чтобы бояться перемен, стоит научиться использовать новые инструменты себе во благо.

«КРЕПОСТНАЯ БАЛЕРИНА»: ВОССТАНИЕ АМУРА И ПСИХЕИ

Этот балет сошел со сцены, но достоин того, чтобы вспомнить хотя бы его либретто, потому что в нем отражено балетное самосознание

СЕРГЕЙ МАКИН



Скульптурная группа Антонио Кановы «Психея, оживленная поцелуем Амура». 1787

После революции 1917 года драматические и оперные театры, в отличие от дворянских гнезд, не грабили и не жгли: в театре появились новый зритель и новая тематика. В 1927 году на сцене бывшего Мариинского театра, еще не ставшего Кировским, состоялась премьера балета «Крепостная балерина», героиню которого, с не меньшим основанием, чем Ольгу Спесивцеву, можно было назвать «Красной Жизелью».

Содержание балета, рассказавшего о трагедии крестьянки в феодальном мире, не сводилось к характерной для того времени социальной проблематике. Автор либретто Дмитрий Смолин, композитор Климентий Корчмарев и хореограф Федор Лопухов развили в своем творении балетное самосознание. До этого наиболее ярко оно проявилось в «Баядерке», где отражена судьба балерины в обществе.

В России XVIII–XIX веков артистов набирали из «низких» сословий. Это обыгрывается и в советском фильме «Крепостная актриса» (по мотивам оперетты Н. Стрельникова «Холопка»), и в балете «Крепостная балерина».

«В деревню въезжает [императрица] Екатерина, окруженная пышной свитой. Она благосклонно осматривает мнимо зажиточную деревню, наблюдает за хороводом костюмированных крестьян. Но вот

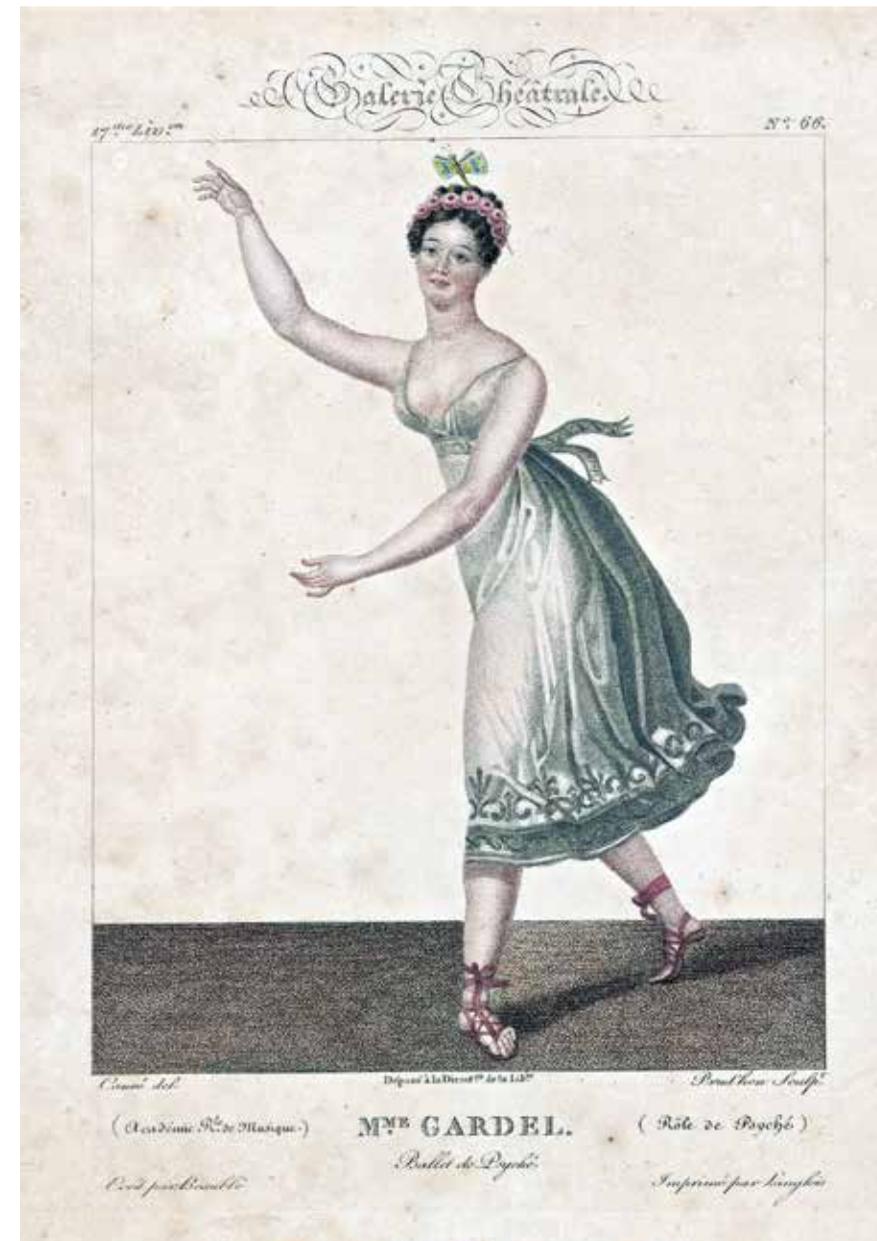
вперед выходит Душенька и начинает старинную хороводную пляску «Бычок». С величавым спокойствием, свободно раскинув руки, проплывает она в танце перед императрицей и стремительно нарастающим темпом пляски вовлекает молодежь в хоровод.

Екатерина обращает внимание на врожденный артистизм молодой крестьянки и ее брата и решает послать их в числе других крепостных на обучение танцам в Италию».

Главную героиню зовут Авдотья – как балерину Истомину. Но чаще ее называют Душенькой, и это неспроста. «Душенька» – поэма Ипполита Богдановича, поэта XVIII столетия. Это переложение истории Амура и Психеи, которую поведал древнеримский писатель Апулей. «Психея» (*ψυχή*) по-гречески – «душа». Бог любви пленился земной девушкой и ввел ее в семью небожителей. Человеческая душа стремится соединиться с Эротом, Амуром – любовью. На этот сюжет Антонио Канова создал скульптурную группу, Франсуа Жерар – картину, Жан-Батист Люлли – оперу, а Жан-Жорж Новерр, Пьер-Габриэль Гардель и Шарль Дидло – балеты. Но имя Психея вызывает ассоциации и с душевной болезнью.

Шуты высшей пробы

Балет появился в России как барская забава. Дворяне любили его смотреть, однако, при всей храбрости на полях сражений, не отваживались в нем выступать. Граф Федор Петрович Толстой, создавший среди прочего прекрасные иллюстрации к «Душеньке» Богдановича, писал: «Имея большую способность ко всем гимнастическим упражнениям, я скоро пристрастился к балетным танцам и учился у Дидло очень прилежно. Он всем тогда говорил, что если бы я совсем посвятил себя этому искусству,



Мари Гардель – Психея в одноименном балете своего мужа Пьера-Габриэля Гарделя. Гравюра Пьера Поля Прюдона. 1817–1820

то мог бы быть замечательным артистом. Я изучил основательно хореографию».

Однако как потомок древнего рода Толстой не решился стать профессиональным танцором и посвятил себя искусствам, которые считались если и не вполне достойными аристократа, то, во всяком случае, более уважаемыми в обществе – живописи и ваянию.

Даже сегодня для юноши считается не слишком-то мужественно идти в артисты балета. Что уж говорить о XIX, тем более о XVIII веке. И что говорить о России, если юный Петипа даже в артистичной Франции не желал становиться танцовщиком: «Семи лет начал я обучаться и танцевальному искусству в классе отца моего, переломившего о мои руки не один смычок для

ознакомления меня с тайнами хореографии. Необходимость такого педагогического приема вытекала, между прочим, из того, что не чувствовал я в детстве ни малейшего влечения к этой отрасли искусства. Юному мыслителю казалось, что недостойно мужчины кривляться перед публикой во всевозможных грациозных позах... Как мало ни лежало сердце мое к деятельности танцовщика, но я уступил внушениям и увещаниям матери, которую обожал и которая сумела убедить меня, что я обязан повиноваться воле отца».

Однако вернемся к «Крепостной балерине».

«В танцевальном классе итальянской балетной школы идут занятия. Под руководством седовласого танцмейстера начинающие балерины прилежно исполняют экзерсисы, овладевая техникой классического танца. Девушки старательно повторяют за учителем сложные па, которые он показывает с завидной легкостью. Неожиданное появление курьера русской императрицы и итальянского вельможи, сопровождающих Душеньку и Романа (брата героини. – С. М.), прерывает занятия. Маэстро любезно встречает гостей и специально для русского посланника демонстрирует свое танцевальное мастерство, исполняя дуэт с лучшей воспитанницей... В класс робко входят уже переодетые для занятий взволнованные брат с сестрой. Их появление, первые неуклюжие движения, неловкие попытки повторить за учителем па вызывают смех учеников. Но в неуверенных движениях новичков угадывается скрытая грация, предвещающая успех».

Классический танец отличается от народного прежде всего выворотностью – способностью ноги разворачиваться от бедра до стопы. Для людей, привыкших к невыворотным движениям, это может даже показать уродством.

В романе «Человек, который смеется» Виктор Гюго рассказал о компрачи́ках – изуверах, уродовавших детей и потом продававших их монархам и знати, чтобы при дворе эти несчастные становились шутами. Артисты балета тоже должны были развлекать «почтеннейшую публику» и являлись своего рода шутами – хоть и высшей пробы. Может, балетные педагоги – своего рода компрачи́косы?

Вышли мы все из природы

Похоронив любимого мужа-позы, Любовь Дмитриевна Блок стала искать новую любовь. И «вышла замуж» за балет: стала его историком и теоретиком. Не только помогла Агриппине Яковлевне Вагановой писать книгу «Основы классического танца», но и сама создала фундаментальное исследование «Возникновение и развитие техники классического танца». Там она показала, что балет происходит не от придворного, а от профессионального танца. Только люди, сделавшие танец профессией, могли добиться в нем выдающихся успехов.

Любовь Блок, дочь великого хореографа Дмитрия Ивановича Менделеева, использовала при изучении балета научный подход: она связала танец с биологией и доказывала, что балет уходит корнями в мир природы. Мы восхищаемся грацией кошек и красотой лошадей. Кошачьи, в отличие от медведей, которые опираются на всю стопу, двигаются на полупальцах, а лошади и вовсе на пальцах, как балерины на пуантах.

Любовь Дмитриевна писала: «Человеческая стойка на двух ногах уже и в нормальном своем положении богаче возможностями разнообразных движений, чем у любого другого зоологического вида. Классический танец исчерпывает все эти

возможности до конца, применяя выворотное положение ноги».

В балетных школах учат на первый взгляд неестественным, а на самом деле даже не человеческим, а сверхчеловеческим движениям.

«Прошло несколько лет. Душенька и Роман успешно закончили танцевальное образование. На выпускной экзамен в балетной школе приехали именитые гости, среди которых итальянский вельможа, богатый меценат, известный антрепренер, художник, репортер. Маэстро открывает экзамен выступлением русских танцовщиков. Душенька и Роман демонстрируют свое блестящее мастерство, виртуозно исполняя сложные пируэты. При этом в их танцах присутствует истинно русская широта и плавность жеста, искренность чувств. Учитель и гости в восторге от русских воспитанников. Неожиданно на экзамене появляется прибывший из России курьер Екатерины... Посланник передает приказ императрицы вернуться на родину, и Душенька с братом навсегда покидают балетную школу и Италию».

Души живые и мертвые

Но обретенное хореографическое богатство не приносит героям балета счастья. Роман и Душенька должны были являться на сцене в виде мифологических персонажей: он – Амура, Зефира, Париса, она – Психеи, Флоры, Галатеи. Крепостные артисты оказывались всего-навсего изящными марионетками. Балетную «дворню» можно было отправить на конюшню или продать, как породистых собак, о чем возмущенно писал Грибоедов: «Амуры и Зефиры все // Распроданы поодиночке!!!»

«Вернувшись из Италии Душеньку и Романа в ожидании распоряжений об их дальнейшей судьбе водворяют в каретный сарай.

Бурмистр, как и прежде, унижает крепостных актеров. Он заставляет Душеньку поднимать на коромысле тяжелые ведра, насмехаясь над ее безуспешными усилиями. Издевательства бурмистра прерывает появление курьера с повелением крепостным танцовщикам выступить на празднестве, которое устраивает фаворит Екатерины».

Привнесенный извне, балет попал в России на благодатную почву.

Анна Павлова справедливо заметила: «Танец в природе русских, мы – прирожденные танцоры, как итальянцы – прирожденные певцы».

Беда только в том, что танцоры нередко оказывались в зависимости у прирожденных эксплуататоров. В «Крепостной балерине» не показали еще большее унижение, которое могло ждать Душеньку. Его описал Лесков в «Тупейном художнике»: «Отдавалось приказание Аркадию убрать обреченную девушку после театра “в невинном виде святою Цецилией”, и во всем в белом, в венке и с лилией в руках символизированную *innocence* (франц. “невинность”. – С. М.) доставляли на графскую половину».

«Наконец наступает апофеоз праздника. По замыслу фаворита Душенька должна преподнести Екатерине хрустальное светящееся “верноподданническое сердце крепостных”. Держа на вытянутых руках “сердце”, девушка медленно, словно помимо воли, приближается к Екатерине, и их взгляды встречаются. В одно мгновение перед Душенькой проносятся картины ее сломанной жизни, бесправного унижительного



Пляска русских крестьян. Гравюра из книги Роберта Лайалла «Русские нравы и подробная история Москвы». 1823

положения крепостных, их нищенского существования и безмерной роскоши царского двора. В порыве гнева и отчаяния девушка бросает “сердце” к подножию трона. От пережитого душевного потрясения Душенька теряет рассудок».

В советском балете нередко звучала тема революции – как в «Пламени Парижа», восстания – как в «Спартаке», борьбы с эксплуататорами – как в «Красном маке». В «Крепостной балерине» на сцене появлялись участники крестьянской войны Емельяна Пугачева: в имение врывались восставшие крестьяне во главе с Егором – женихом Душеньки. К ним присоединился и Роман. Но правда жизни нашла выражение и в том, что противостояние с сильными мира сего оказалось гибельным для тонкой души балерины.

«Ночью в разгромленном имении фаворита Екатерины одинокой тенью мечется лишившаяся рассудка

Душенька. В помутненном сознании девушки вновь и вновь возникают разные эпизоды ее недолгой жизни, в которых переплетение действительности и порожденных больным воображением образов вызывает фантастические видения. То она видит дразнящих ее кикимор, то ей грезится добрый учитель танцев и мелькают фигуры учениц... Доведенная до изнеможения, Душенька падает замертво среди развалин дворца».

Балеринам приходилось несладко и после революции: при загадочных обстоятельствах погибла Лидия Иванова; по доносу была арестована и осуждена Екатерина Гейденрейх...

Но несмотря на все унижения и потери, в обществе продолжали расти и эволюционировать цивилизация и балет. Хочется верить, что люди будущего будут похожи на античных богов – Флору, Психею, Зефира, Амура.

ГЕНИЙ, УКРОТИВШИЙ МРАМОР И КРАСКИ

550 лет назад, 6 марта 1475 года, родился великий Микеланджело

КАРИНА ЭНФЕНДЖЯН



Портрет Микеланджело работы Даниэле да Вольтерра. Деталь. Ок. 1545.

Микеланджело Буонарроти... Величайший мастер эпохи Возрождения, скульптор, художник, архитектор, поэт и философ. Его творчество стало воплощением духовной силы, совершенства и гармонии. Микеланджело не просто

создавал шедевры – он расширял границы человеческих возможностей. В искусстве для него не было компромиссов, он стремился к абсолютному совершенству, и успех давался ценой невероятных физических и душевных страданий. Он

создавал шедевры, но считал свои работы несовершенными...

Родина Микеланджело – деревушка Капрезе в итальянской Тоскане. Благословленная гением Микеланджело, добавила она его имя к своему древнему названию и с 1913 года зовется Капрезе-Микеланджело. Здесь ранним утром 6 марта 1475 года в многодетной семье обедневшего флорентийского дворянина Людвига Леонардо Буонарроти родился будущий гений Высокого Возрождения Микеланджело ди Лодовико ди Леонардо ди Буонарроти Симони.

Овдовев, отец отдал шестилетнего сына в семью кормилицы и ее мужа каменотеса, и мальчик постепенно начал познавать секреты будущего мастерства.

В 1488 году Микеланджело становится учеником ведущего флорентийского художника Доменико Гирландайо, а через год поступает во Флоренцию в школу рисунка, которой руководит Бертольдо ди Джованни, ученик Донателло. Школа была основана Лоренцо Медичи Великолепным – именно он распознал необыкновенную одаренность юного Микеланджело.

О жизни и творчестве Микеланджело написаны целые тома исследований, все его произведения изучены в мельчайших подробностях. И конечно, в рамках одной статьи невозможно охватить все творения Микеланджело. Мы остановимся лишь на трех шедеврах, созданных этим гением Высокого Возрождения.



Скульптурная группа «Пьета» (Оплакивание Христа) в Ватикане. 1499

«Пьета»: воплощение скорби и божественной красоты

Собор Святого Петра в Риме хранит одно из самых выдающихся творений Микеланджело – мраморную скульптурную группу «Пьета», изображающую скорбящую Деву Марию, держащую на коленях безжизненное тело снятого с креста Христа.

Созданная в 1499 году, «Пьета» поражает высоким уровнем мастерства и духовной зрелости автора. А ведь ему было в то время всего 24 года. Редкий по чистоте каррарский мрамор, выбранный мастером для работы, кажется мягким, как ткань. Анатомическая точность изображенных фигур безупречна. Эмоциональная глубина работы

завораживает – это не только воплощение скорби, но и символ святости, смирения и безграничной любви.

«Пьета» – единственная работа, подписанная Микеланджело. Услышав как-то, что его работу приписывают другому мастеру, он выбил на ленте, пересекающей грудь Марии, надпись на латыни: «Микеланджело Буонарроти флорентинец исполнил».

В 1972 году скульптура подверглась акту вандализма, в результате чего были повреждены лицо и рука Марии. После долгой и тщательной реставрации, в процессе которой использовались лишь отбитые фрагменты (их было около пятидесяти), шедевр Микеланджело установили за пуленепробиваемым стеклом.

«Давид»: символ свободы

В 1501 году Микеланджело передали огромный кусок мрамора, который до него безуспешно пытались обработать другие мастера. После почти трех лет упорной работы скульптор явил миру творение, ошеломившее современников: четырехметровую статую, изображавшую совершенную фигуру юноши Давида в момент напряженного ожидания перед битвой с великаном Голиафом.

Как известно, Микеланджело изучал строение тела по трупам, лично препарировав их, чтобы понять, как работают мышцы, как держится скелет. Благодаря этому «Давид» не выглядит статичным: еще минута, и он вступит в бой. Дополняет образ выразительное лицо



Статуя «Давид» в Галерее Академии во Флоренции. 1501–1504

героя – в его взгляде читаются решимость, вызов и скрытая энергия. «Давид», победивший Голиафа, сразу стал символом борьбы за независимость Флоренции.

Статуя поначалу была установлена перед дворцом Синьории, но позже ее заменили копией, а оригинал перенесли в Галерею Академии изящных искусств.

**Роспись
Сикстинской капеллы:
подвиг мастера**

В 1508 году папа Юлий II поручил Микеланджело расписать свод Сикстинской капеллы. Микеланджело не хотел браться за эту работу, считая себя скульптором, а не живописцем. К тому же ходили слухи, что заказ этот ему подстроили завистники в надежде, что он не справится с такой непосильной задачей.

Работа длилась с 1508 по 1512 год. Микеланджело трудился в одиночку, чаще всего лежа на спине. Краска стекала по лицу, мучили боли в спине – он страдал физически и духовно, писал друзьям, что ненавидит эту работу, называя ее мучением. Но результат превзошел все ожидания: Микеланджело создал еще одно бессмертное творение.

Роспись включает девять сцен из Книги Бытия – от Сотворения мира до Потопа. Центральная сцена – «Сотворение Адама», где руки Бога и человека тянутся друг к другу, но не соприкасаются; Микеланджело подчеркнул этим невозможность соединения божественного и человеческого.

Через 25 лет Микеланджело получил заказ папы Климента VII расписать стену за алтарем Сикстинской капеллы на тему «Страшного суда». Великий мастер завершил эту титаническую работу в 1541 году.

Долгое время считалось, что Микеланджело рисовал фрески в темных приглушенных тонах, однако проведенная в XX веке реставрация выявила, что слой копоти и старых лаков скрывал оригинальные яркие краски – лазурь, алое, золото.

Роспись Сикстинской капеллы – высшая точка духовных и художественных поисков человека эпохи Высокого Возрождения.



Роспись потолка и алтарной стены Сикстинской капеллы, выполненная Микеланджело в 1508–1512 и 1537–1541 годах

**Ударом мощным властно
правит гений...**

Жизнь Микеланджело была постоянным поиском истины, стремлением уловить, понять смысл бытия, что нашло отражение не только в созданных им скульптурных и живописных работах, но и в стихах. Его поэтическое наследие – это около трехсот дошедших до нас сонетов и мадригалов, отражающих духовные искания автора, муки и радости творчества, размышления о жизни и смерти, искусстве и любви, Боге и человеке.

*Очам моим открылась благодать,
Когда они узрели огонь нетленный*

*И лик божественный и вдохновенный
Того, с кем горд в родстве я состоять.
Не будь мы Господу душой под стать,
Погрязли бы в ничемности презренной,
А нас пленяет красота Вселенной
И тищимся тайну вечности познать.*

*Когда во власти смелых
устремлений
Берусь я в камне воплотить черты
и молотом осуществить мечты,
Ударом мощным властно
правит гений...
Чем выше я вздымаю к небесам
тяжелый молот ловкою рукой,
Тем больше в изваянии вдохновения.
Но замечаю, как моим делам
Недостает величия порой:
Знать, высшего лишен я разуменья...*

*Сколь смел бы ни был замысел творца,
Он в грубом камне заключен в избытке,
И мысль в нем отразится без ошибки,
Коль движет ум работою резца,
Но не из камня сделаны сердца,
И хлад для них, о донна, хуже пытки.
Тепла лишенный в жизни и улыбки,
В искусстве я далек от образца.
За беды, коими живу поныне,
Я не виню тебя иль красоту.
Жестокий жребий тоже не в ответе.
Хоть я не злу внимаю – благостыне,
Мой гений видит тлен и суету,
Воспринимая мир лишь в
мрачном свете.*

Прожив почти 89 лет, Микеланджело оставил миру непревзойденные шедевры, которые прославили его еще при жизни.

ДЕНИС ФОНВИЗИН: 280 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Из книги Валентины Скляренко «100 знаменитых москвичей»



Денис Иванович Фонвизин в 1893 году

Русский писатель, просветитель, публицист. Выходец из богатой дворянской семьи, Денис Иванович Фонвизин получил прекрасное домашнее образование. Закончил философский факультет Московского университета. Будучи секретарем руководителя Коллегии иностранных дел и воспитателя наследника престола Н. Панина, Фонвизин разрабатывал проекты конституционных реформ в России. Крупнейший русский драматург XVIII в., создатель русской социальной комедии. Автор знаменитой пьесы «Недоросль».

«Сатиры смелый властелин», как сказал о Фонвизине Пушкин, родился 3 (14) апреля 1745 года в Москве. Род Фонвизиных происходил от барона фон Визина, взятого в плен русскими войсками во время Ливонской войны. Он остался в России и, постепенно обрусев, стал именоваться Петром Фон Визинным, а в XIX веке фамилия начала писаться одним словом.

Отец Дениса, Иван Андреевич Фонвизин, служил

в ревизион-коллегии. Он, по словам Дениса, вопреки распространенной практике, никогда не принимал подарков от просителей и воспитывал сына в тех же традициях честности и добросовестного исполнения долга. Начиная с четырех лет отец учил Дениса грамоте, что тоже было редкостью в то время.

В 1755 году, сразу после основания Московского университета, Денис поступил в университетскую гимназию, где учился вместе с Григорием Потемкиным и другими будущими соратниками Екатерины II. В программу обучения входили Закон Божий, история, география, арифметика, геометрия и фортификация, латинский, французский и немецкий языки, рисование, музыка и фехтование. Целью гимназии было готовить образованных людей для службы Отечеству, согласно заветам Петра I. Причем в гимназии учились как дворяне, так и разночинцы, хотя и в параллельных классах. Четкой грани, отделяющей гимназию от университета, тогда не было, так же как и учебников и подготовленных преподавателей. Уровень полученного образования был невысок, но главным был заложенный в процессе обучения интерес к наукам.

В 1758 году директор Московского университета И. И. Мелиссино организовал поездку лучших учеников в Петербург, с целью продемонстрировать результаты работы университета его основателю И. И. Шувалову. В число лучших попал и Денис. На приеме у Шувалова Фонвизин был представлен Ломоносову, который произвел на подростка незабываемое впечатление.

В университете Фонвизину очень хорошо давались языки, и уже в 1761 году были изданы басни Хольберга в его переводе. За ними последовали «Метаморфозы» Овидия.

В 1762 году Фонвизин как дворянин получил чин сержанта гвардии,

но военная служба не привлекала его. Поэтому он подал прошение в иностранную коллегию, куда и был принят по решению вице-канцлера князя А. М. Голицына.

С 1763 года начинается служба Фонвизина в Петербурге, где он быстро стал известен как хороший переводчик. В доме дяди он познакомился с известными актерами того времени – Дмитревским, Волковым и другими. Театр произвел на него огромное впечатление, и Денис сам начал пробовать свои силы в создании комедий.

Работая под руководством статского советника дворцовой канцелярии И. П. Елагина, который покровительствовал начинающим литераторам, Фонвизин вошел в «елагинский кружок», участники которого занимались созданием русских комедий, переделывая иностранные пьесы, в которых менялись имена действующих лиц и бытовые реалии. Такая работа мыслилась необходимой, так как «многие зрители от комедий в чужих нравах не получают никакого поправления. Они мыслят, что не их, а чужестранцев осмеивают». Также в кружке создавались произведения в стиле «серьезной комедии», в которой допускалось смешение «смешного» и «трогательного».

В этом духе и сочинил в 1764 году Фонвизин свою первую стихотворную комедию «Корион». За основу была взята драма французского автора Жана Батиста Луи Грессе. Страдания героев, разлученных судьбой, и их счастливое воссоединение в конце были непременным атрибутом подобных произведений. Но подражание иностранным образцам стало лишь пробой пера.

Талант драматурга в полной мере проявился у Фонвизина в комедии «Бригадир», поставленной на сцене в 1772 году. В русской литературе это была первая «комедия нравов». Успех ее был полным

Афоризмы Фонвизина

В том государстве, где писатели наслаждаются дарованною им свободой, имеют они долг возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих отечеству.

В нашем отечестве, как ни плохо иногда в нем бывает, можно, однако, быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой земле, если совесть спокойна и разум правит воображением, а не воображение разумом.

Не тот богат, который отсчитывает деньги, чтоб прятать их в сундук, а тот, который отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного.

Наука в развращенном человеке есть лютое орудие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу.

Зла никогда не желают тем, кого презирают; а обыкновенно желают зла тем, кто имеет право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуют: и добродетель также своих завистников имеет.

Беспорочность поставляет себе правилом не делать того другому, чего бы не пожелала себе. Добродетель распространяет сие правило гораздо далее и велит делать то другим, чего пожелал бы себе.



Лист в честь столетия постановки комедии Фонвизина «Недоросль» (типография Императорских Санкт-Петербургских театров). 1882

как у критики, так и у зрителей. Сама Екатерина II выразила писателю свое удовольствие. Комедию часто ставили театры Петербурга и Москвы. Современники даже сравнивали Фонвизина с Мольером. В «Бригадире» Фонвизин благодаря своей наблюдательности и таланту смог ярко показать нравы разных общественных слоев, а также выразить волновавшую его проблему воспитания дворянина.

Фонвизин также интересуется социальными проблемами. Он переводит трактат Г.-Ф. Куайе «Торгующее дворянство», в котором автор обосновывал право дворянина заниматься торговлей и промышленностью.

В 1769 году Фонвизин становится секретарем канцлера графа Н. И. Панина, окунувшись в атмосферу политических проектов и интриг. Панин в это время выступал как сторонник ограничения

самодержавия с повышением влияния дворянства на государственные дела.

По поручению Панина Фонвизин написал «Слово на выздоровление Павла Петровича», так как с великим князем Павлом, который тяготился своим положением и стремился к власти, были связаны многие планы канцлера.

В 1774 году Фонвизин женился на Катерине Ивановне Хлоповой, недавно овдовевшей дочери купца, несмотря на то что родные с неудовольствием приняли неравный брак. Вместе с женой он в 1777–1778 гг. совершил поездку за границу, во Францию и Германию. Оттуда он написал ряд писем, адресованных брату канцлера П. И. Панину, в которых талантливо описал нравы французского общества накануне революции. Более подробно свои впечатления от поездки Фонвизин изложил в «Записках первого путешественника», которые поражают резкостью высказываний и агрессивным неприятием иноземных нравов и обычаев.

Всеобщее признание и славу принесла Фонвизину комедия «Недоросль», написанная в 1779–1781 гг. и поставленная в сентябре 1782 года на придворной сцене. Пьеса имела необыкновенный успех. Фаворит Екатерины II и выдающийся русский государственный деятель Григорий Потемкин после представления обратился к Фонвизину с такими словами: «Умри теперь, Денис, или хоть больше ничего уже не пиши! Имя твое бессмертно будет по этой одной пьесе».

«Недоросль» создавался как «комедия нравов», рисующая домашний быт провинциальных помещиков. В ее центре – образ госпожи Простаковой, грубой и деспотичной помещицы, жестокой в обращении с собственной семьей и крестьянами. При этом она проникнута большой нежностью

к сыну Митрофанушке, который растет невежественным и совершенно непригодным к какому-либо делу. Простакова считает, что указ императрицы «О вольности дворянской» позволяет ей делать все, что угодно. Ей противопоставлены другие, просвещенные дворяне, которые считают, что «вольность» дворянина в первую очередь заключается в праве учиться, а затем служить обществу своими знаниями.

В пьесе Фонвизин с присущей ему прямоотой указал основу всех бед России своего времени – крепостное право и общественное невежество, которые, по мнению автора, могут быть преодолены реформами в духе Просвещения.

Попытка противостоять императрице, не желавшей уступить престол сыну, дорого обошлась всем участникам. В марте 1782 года покровитель Фонвизина граф Н. И. Панин вышел в отставку. Вслед за ним оставляет службу и Фонвизин. Но даже вне государственной службы он не перестает интересоваться политикой и в 1782–1783 гг. пишет труд «Рассуждение о неперемennых государственных законах», опираясь на идеи, продиктованные Н. И. Паниным.

«Рассуждение» являлось предисловием к готовившемуся братьями Паниными проекту конституционной монархии в России. В адресованном великому князю Павлу Петровичу сочинении Фонвизин обличал «злонравие власть имущих», «от которого многие беды России происходят».

«Рассуждение» настолько изобиловало выпадами против самодержавия, что позже его использовали в пропагандистских целях декабристы.

В 1783 году княгиня Е. Р. Дашкова предложила Фонвизину участвовать в издании журнала «Собеседник русского слова». В первом номере появилась его статья «Опыт

русского сословника». «Опыт...» являлся откровенной политической сатирой, изобличающей придворные порядки.

Последующие работы, такие как «Повествование мнимого глухого и немого», «Челобитная российской Минерве от российских писателей» и особенно «Вопросы автору Былей и Небылиц», адресованные персонально Екатерине II, вызвали резкое неудовольствие императрицы своим «свободолюбием». Это сильно осложнило Фонвизину возможность дальнейшего творчества.

Из-за затруднений с публикацией своих трудов он печатал некоторые работы анонимно. Так, например, анонимно была издана на французском языке «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина», в которой автор создал образ просвещенного вельможи.

В связи с болезнью Фонвизин в 1784–1785 гг. выезжал на лечение за границу, в Германию и Италию, где создал интересные записки о путешествиях.

«Полное собрание сочинений и переводов в пяти томах» было подготовлено Фонвизиним к печати уже в 1788 году, но издание было запрещено. Также власти запретили издание журнала «Друг честных людей, или Стародум». Отдельные входившие в него произведения распространялись в списках, пользуясь большой популярностью.

Резкое ухудшение здоровья привело Фонвизина к религиозным настроениям, отразившимся в автобиографическом сочинении «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», начатом в 1791 году, но не оконченном.

Несмотря на паралич, он продолжал творить до последних дней. Замечательный русский сатирик Денис Иванович Фонвизин скончался 1 (12) декабря 1792 года в Петербурге. Он похоронен в Александро-Невской лавре.

Гораздо честнее быть без вины обойденну, нежели без заслуг пожалованну.

*Ты должен посвятить
Отечеству свой век,
Коль хочешь навсегда быть
честный человек.*

А разве счастлив тот, кто счастлив один? Счастлив ли тот, кому нечего желать, а есть лишь чего бояться?

Нельзя не любить правил добродетели. Они – способны к счастью.

Имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время.

Как не быть довольну сердцу, когда спокойна совесть.

Честь есть душа супружеского согласия.

Ум, коль он только что ум, самая безделица. С пребеглыми умами видим мы худых мужей, худых отцов, худых граждан. Прямую цену уму дает блонравие. Без него умный человек – чудовище.

И посреди изобилия можно умереть с голоду.

ВОЛШЕБСТВО СКАЗКИ «КОНЕК-ГОРБУНОК»

К 210-летию со дня рождения русского поэта, прозаика и драматурга Петра Павловича Ершова

ЕКАТЕРИНА ГРИГ



Портрет Петра Павловича Ершова работы художника Николая Маджи. Конец 1850-х

Петр Ершов вошел в историю литературы прежде всего как автор замечательной сказки

в стихах «Конек-Горбунок», созданной им в 19-летнем возрасте.

Родился будущий писатель 22 февраля (6 марта) 1815 года в сибирском селе Безруково, в семье чиновника. Детство Петра прошло в Тобольске, где он получил начальное образование. Позже он стал студентом философско-юридического факультета Петербургского университета.

Интерес к народному творчеству зародился у Ершова с ранних лет. Восхищение русскими народными сказками, прекрасное знание фольклора и увлечение литературой подтолкнули его к тому, чтобы попробовать свои силы в создании собственного произведения. Так родилась сказка о чудесном коньке «ростом только в три вершка, на спине с двумя горбами да с аршинными ушами».

Сказка полна ярких персонажей – это и популярнейший герой русских сказок Иванушка-дурачок, и злой царь, и красавица-царевна, и морской царь, и, конечно, сам умный и преданный Конек-Горбунок, который помог Ивану преодолеть множество испытаний: достать перо жар-птицы, спасти царевну и даже побывать на дне морском.

Ершов представил свою сказку в университете, и она сразу привлекла внимание преподавателей. Во время одной из своих лекций профессор русской словесности Петр Плетнев прочитал отрывок из «Конька-Горбунка» и, к удивлению студентов, объявил, что автором сказки является их сокурсник Петр Ершов.



А. Ф. Афанасьев. Иллюстрация к сказке Петра Ершова «Конек-Горбунок». 1898

Именно Плетнев показал сказку Александру Пушкину. «Теперь этот род сочинений можно мне и оставить», – сказал Пушкин, высоко оценив талант начинающего поэта.

«Конек-Горбунок» отличается легким и живым народным языком, меткими шутками и яркой фантазией. Ершов мастерски использует элементы русских народных сказок – чудесные превращения, волшебных помощников, испытания для героя; немало в сказке и социальной сатиры.

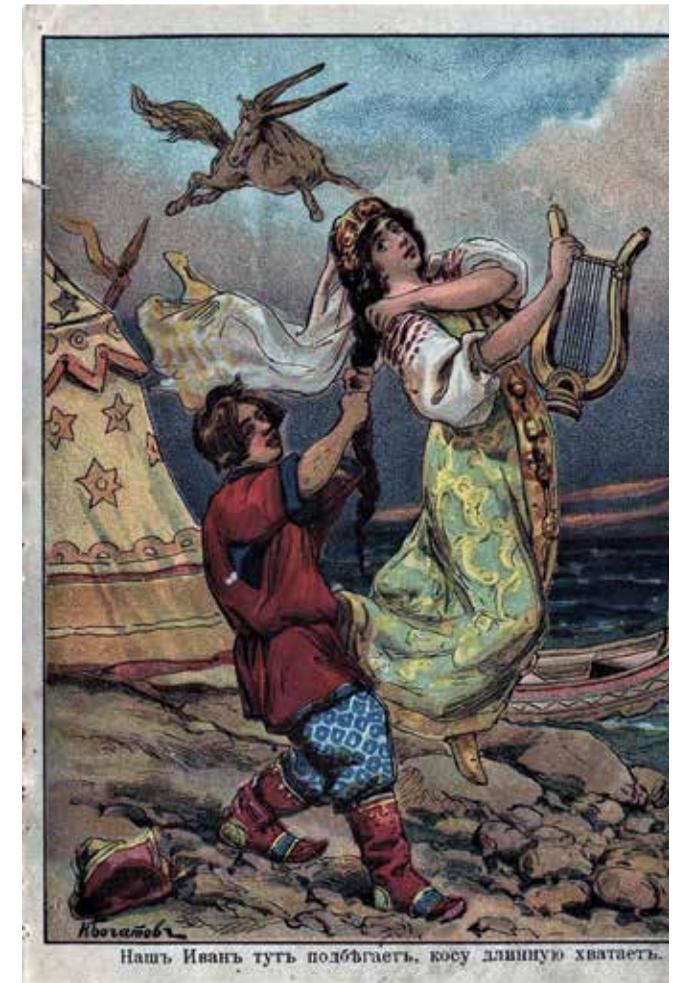
Сочинение Ершова имело огромный успех. Привлекло оно внимание и царской цензуры, в результате чего в 1834 году журнал «Библиотека для чтения» опубликовал лишь

первую часть и несколько стихов из второй части сказки, а первое издание «Конька-Горбунка» вышло в Санкт-Петербурге со значительными цензурными сокращениями.

Вспоминается высказывание Владимира Набокова о Николае I: «Какие бы качества он ни выказывал в своей монаршей профессии, нужно признать, что в обращении с Русской Музой он вел себя как наемный убийца...»

Лишь в 1856 и 1861 годах Ершову удалось подготовить новые издания сказки уже без цензурных сокращений.

«Конек-Горбунок» и сегодня остается одной из самых любимых русских сказок. Она переведена



Н. А. Богатов. Иллюстрация к сказке Петра Ершова «Конек-Горбунок». 1914

на английский, французский, японский и другие иностранные языки.

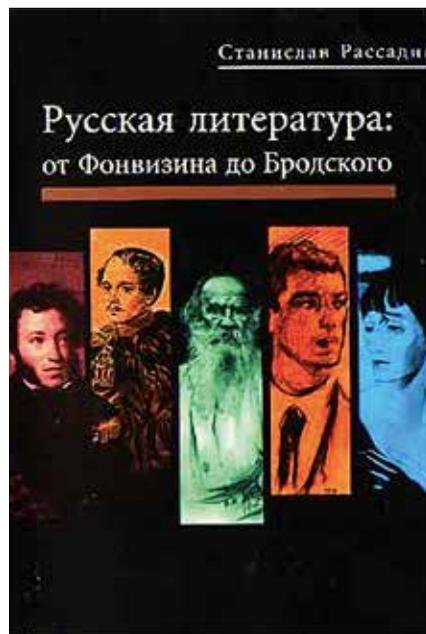
В 1856 году итальянский композитор Цезарь Пуни и французский балетмейстер Артур Сен-Леон создали на основе сочинения Ершова балет «Конек-Горбунок, или Царь-девица». В 1947 и 1975 годах на сюжет «Конька-Горбунка» были сняты мультфильмы, а в 1941 и 2021 годах – художественные фильмы.

Перу Ершова принадлежат и другие произведения – стихи, пьесы, рассказы, – однако в историю литературы он вошел как автор одной-единственной, но поистине бессмертной сказки «Конек-Горбунок», настоящей жемчужины русской литературы.

«ГДЕ МОЙ РАССАДИН?»

К 90-летию со дня рождения настоящего критика

ВЛАДИМИР НОВИКОВ



СТАНИСЛАВ РАССАДИН



САМОУБИЙЦЫ

Повесть о том, как мы жили и что читали

В ноябре 1967 года Корней Чуковский (литературный критик по первой профессии) предложил молодому коллеге Станиславу Рассадину написать что-нибудь на страницах легендарного альманаха «Чукоккала». Представьте: там, где прежде отметились Блок, Пастернак, Маяковский, Тынянов... Рассадин, однако, не растерялся и выдал каллиграфический экспромт, эффектный по форме (сплошь дактилические рифмы) и смиренный по содержанию (подлинный интеллигент скромн и самокритичен):

*Корней Иваныч! Не жестоко ли
Мне место предлагать
в «Чукоккале»?
В реестре, славой громыхающим,
Мне быть печальным замыкающим?..*

В ту пору традиционной версификацией владели все культурные

критики, но при этом на титул поэта они обычно не претендовали. Хлопотали за других, за тех, кого они считали истинными поэтами.

«Где мой Рассадин?» – громко вопрошал Корней Иванович, заходя в Дом творчества, чтобы выгащить молодого друга на прогулку. Что сблизало двух литераторов, несмотря на более чем полувековую разницу в возрасте? Не только гражданские и эстетические позиции, но и принадлежность к одному, так сказать, психотипу. Парадоксальное сочетание гордости (порой доходящей до обидчивости) и отважной общительности. И у старшего, и у младшего был такой дружеский круг, что просто обзавидуешься. Именно подобный склад личности более всего располагает к занятию литературной критикой, ибо настоящий критик у нас на Руси – это нерв, это запальчивость

и страстность, а не молчалинская умеренность и аккуратность.

В 1960 году в журнале «Юность» вышла статья Рассадина «Шестидесятники». Автор не придавал особого значения этому заголовку, а русский язык и вольнодумная культура – придали и превратили его в исторический термин. Патфос шестидесятничества Рассадин пронес через всю жизнь, при этом честно критикуя иллюзии своего поколения, корректируя их мудростью русской классики. Ближе всего ему в понимании отечественной истории был романист Юрий Давыдов. А еще друзьями и единомышленниками были Булат Окуджава (он Рассадину и стихотворение посвятил – «Джазисты»), Семен Липкин, Давид Самойлов, Фазиль Искандер, Олег Чухонцев...

И дружбы-то у него все не бытовые, а творческие. С Лазарем

Лазаревым и Бенедиктом Сарновым они сочиняли пародии на современных прозаиков и поэтов, повторив в XX веке опыт творцов Козьмы Пруtkова. В 1966 году вышел сборник «Липовые аллеи» (в 2007 году, к счастью, он был переиздан). Пародии там есть ехидные, есть дружелюбные, нет только грубых. В своей «Книге о пародии» (где, естественно, есть глава о «Липовых аллеях») я отстаиваю тезис о том, что пародия может быть утверждающе-положительной, может быть признанием в любви. И пример – пародия из «Аллей» на Корнея Чуковского «Неопубликованное письмо Пушкина» – апофеоз доброго и умного смеха (найдите, прочтите, повеселитесь!). Талант истинного критика всегда пронизан остроумием и содержит пародийную жилку.

Уже в молодые годы Рассадин начинает писать свои книги о русских классиках. Это не был уход от современности, это было стремление постигнуть общие законы русской истории – и социально-политической, и литературно-эстетической. Его героями становятся Фонвизин, Пушкин, Сухово-Кобылин. Книга «Спутники» объединила очерки о Дельвиге, Языкове, Бенедиктове, Денисе Давыдове, Вяземском.

В литературоведении в то время постепенно устанавливался культ текста и культ факта. Оба культа были по-своему закономерны и необходимы. Раскопать новый текст или новый факт, уточнить, прокомментировать – в этом доблесть академической науки. А Рассадин позволял себе о писателях минувших веков писать как критик, то есть предлагать собственные прочтения и истолкования, сверяясь с жизнью, со здравым смыслом и с собственным эстетическим чувством. С классиком он говорит как личность с личностью. Но ведь то же самое делает и всякий читатель,

в том числе и филолог, когда он «не при исполнении».

Поэтому Рассадина читали и перечитывают сейчас. Хорошо, что он написал и напечатал так много: есть из чего выбирать. Лично мне особенно импонируют «Драматург Пушкин» и «Фонвизин»: великий комедиограф был настолько лично близок Рассадину, что из его текста он взял себе медийный «ник» – Стародум. Это точно передавало сочетание некоторого эстетического консерватизма и гражданской совести.

«Часто новая литература притворяется детской литературой», – сказал однажды Шкловский. А новая наука о литературе часто притворяется популярным, а то и детским чтением. Для детей надо писать честно и ясно, тут подходит именно критический дискурс, без всяких там «архетипов», «хронотопов» и «лирических субъектов». Удачей считаю написанные Рассадиным в соавторстве с Бенедиктом Сарновым «Рассказы о литературе». Был у этого дуэта, пока он не распался, и увлекательный цикл детских радиопередач о словесности. Пустует эта культурная ниша сегодня, никто не дерзает продолжить просветительскую традицию.

XXI век Рассадин встретил целым каскадом книг о литературе советского периода и о закономерностях двух веков: «Русские, или Из дворян в интеллигенты», «Русская литература: от Фонвизина до Бродского», «Самоубийцы. Повесть о том, как мы жили и что читали». Как это все живо! Читаю книгу Рассадина «Советская литература. Побежденные победители», снабженную лукавым подзаголовком «Почти учебник», – и то и дело захожусь. С чем-то живо соглашаюсь, с чем-то хочется решительно спорить. Например, считаю, что автор не оценил философскую глубину песен Высоцкого,

отнеся их к «поп-искусству». Но на то мы и критики, чтобы всю жизнь полемизировать, да и на том свете еще будем уточнять позиции и аргументы.

Рассадин не тщился подняться в более высокие жанры, он оставался критиком в каждом своем сочинении, в каждой своей строке. И именно в этом пространстве он состоялся как подлинный писатель.

Помнится, в 1997 году мне пришла в голову фантазия – организовать Академию критики. Чтобы поднять престиж профессии и создать объединение не кабинетных литературоведов, не литературных журналистов, а именно критиков в классическом смысле этого слова. Рассадин как никто подходил для такого академического статуса: человек без научной степени, без начальной должности, без какого-либо внелитературного достатка. Что называется, голый критик, всю жизнь посвятивший нашему летучему ремеслу.

Набралось нас в итоге сорок душ. Одни были критиками без оговорок, другие с оговорками. Но тут на моих коллег нашло какое-то наваждение. Возжелали они назваться аж Академией русской современной словесности (хотя похожие названия уже были). И я, зачинщик и инициатор, малодушно пошел на поводу у большинства. Проект наш, увы, канул в Лету. А все потому, что не хватило участникам верности своему изначальному призванию, веры в Критику как таковую.

Надеюсь все же на грядущее возрождение критики как общественного института. Будет он называться академией или еще как-то – неважно. Важно, чтобы родились в России новые реальные критики, достойные именоваться этим именем. Люди с талантом, душой и характером. Похожие на Станислава Борисовича Рассадина.

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ ГАНС КРИСТИАН

2 апреля 1805 года родился великий датский сказочник Ганс Кристиан Андерсен

НАДЯ КНУДСЕН,
Международный пресс-центр, Дания



Портрет Ганса Кристиана Андерсена работы Кристиана Альбрехта Йенсена. 1836

Своим появлением на свет Ганс Кристиан Андерсен, вопреки расхожей легенде, обязан королевской интрижке, роману или мезальянсу, назовите это как хотите. В датском Королевском архиве есть на этот счет документы, которые подтверждают, что знаменитый сказочник – незаконнорожденный сын кронпринца Кристиана (будущего короля Дании) и юной комтессы, 16-летней дочери графа с острова Фюн Элизы Алефельдт-Лаурвиг.

18-летний кронпринц гостил в охотничьих имениях графа в 1804 году и, по некоторым данным, обвенчался с его дочерью. Однако по настоянию короля Фредерика VI брак был расторгнут.

Плодом запретной любви стал появившийся на свет 2 апреля 1805 года младенец, которого нарекли именем Ханс Кристиан и которому судьбой было предназначено стать поэтом и всемирно известным сказочником. Чтобы избежать огласки и сплетен света, его тайно отдали в бедную семью прачки и сапожника по фамилии Андерсен, живших неподалеку от графской усадьбы в городе Оденсе.

Интересная деталь, которая подтверждает эту версию: младенца крестили 15 апреля 1805 года в церкви Святого Ганса в Оденсе, и на этой церемонии присутствовали трое влиятельных вельмож из свиты короля Фредерика VI. И сразу же возник вопрос: к чему бы это, если младенец был простолюдином? Это стало

отправной точкой расследования историка Йенса Йоргенсена, который нашел в монастырских архивах того времени имена всех трех аристократов, которые присутствовали во время крестин.

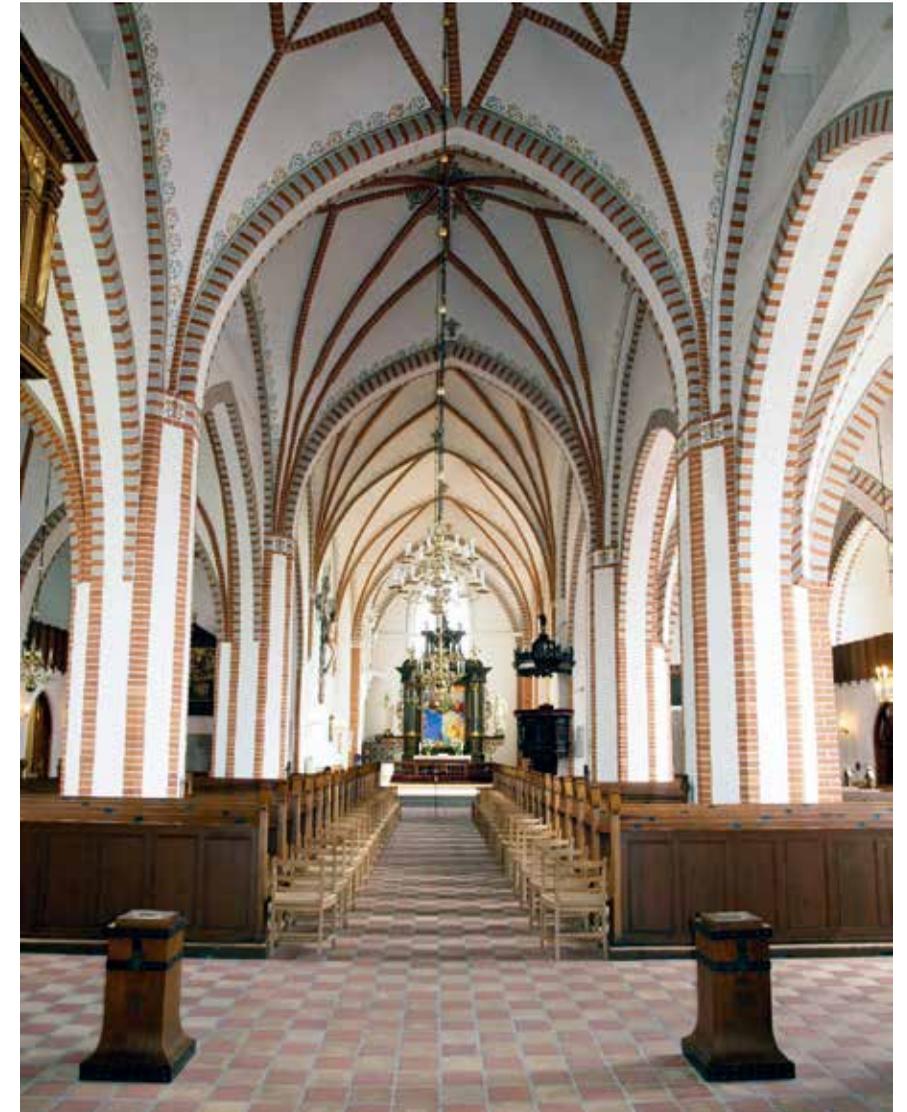
Кронпринц Кристиан через год женился на своей кузине Шарлотте Фридерике Мекленбургской, которая вскоре подарила ему наследника. Но в 1810 году супруги развелись, потому как красавец-принц, который часто увлекался прелестными дамами, измену жены прощать не стал.

Ганс Кристиан часто сравнивал себя с тем самым «гадким утенком», который неожиданно для всех и к собственному великому удивлению и счастью превратился однажды в прекрасного лебедя! К слову сказать, в Дании с недавнего времени появилась международная премия под тем же названием, которой награждают талантливых писателей. Приз в виде бронзового утенка весом в 5 кг и 500 000 датских крон победителю по традиции вручает датская принцесса.

Скорее всего, Андерсен знал, что в его жилах течет королевская кровь. Иначе чем объяснить особое расположение к нему в светских кругах, где с ним обращались как с равным?!

В пользу теории о его «голубой крови» свидетельствуют и воспоминания самого Андерсена под названием «Сказка моей жизни», подтверждающие многие факты, связанные с тем, что в отрочестве его связывали довольно близкие отношения с членами королевской семьи и многими аристократическими семьями, где он часто и подолгу гостил.

Лет десять назад я брала интервью у графа Адама Кнута, владельца родового поместья на юге Дании, в 220 км от Копенгагена. В конце нашей беседы граф обронил фразу о том, что есть у него в архивах оригинал наброска сказки «Психея



Церковь Святого Ганса в Оденсе, где крестили Андерсена

и Амур» самого Ганса Кристиана Андерсена с его автографом. Рукопись была подарена пращуру Адама Кнута за добрый прием, оказанный сказочнику в замке.

Все это оказалось абсолютной правдой, потому что после ухода графа Адама Кнута из жизни, его сын Кристофер Кнут, разбирая архивы отца, обнаружил рукопись Андерсена и передал ее в дар Национальному музею Датского королевства.

Интересно также, что два великолепных портрета сказочника в молодости, что находятся во дворце

Фредериксборг в 35 км от Копенгагена, соседствуют с портретом короля Кристиана VIII. Да и само имя Кристиан, скорее всего, было выбрано неслучайно.

Принятый на равных всеми аристократами королевства, Андерсен странным образом богатством не обладал, равно как и собственностью или титулами. В музее великого сказочника в Оденсе среди множества экспонатов есть огромный дорожный чемодан, с которым Андерсен путешествовал по миру. Не обзаведясь ни домом, ни семьей, пережив две неудачные влюбленности,

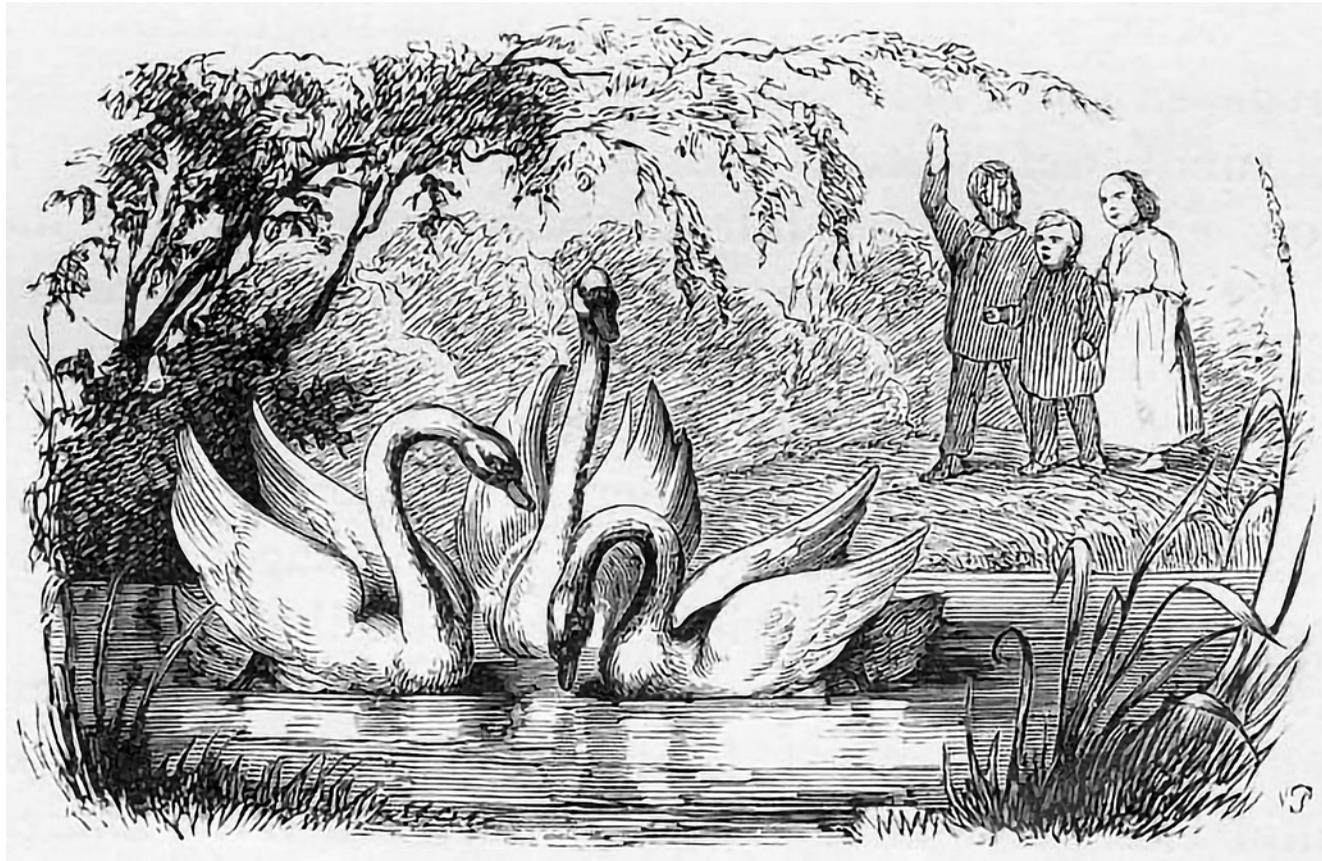


Иллюстрация Вильгельма Педерсена к сказке «Гадкий утенок»

он много ездил по свету. *At rejse – at live!* («Путешествовать – значит жить!») – говорил сказочник, и слова эти выбиты золотом на стене городской ратуши в Копенгагене.

Согласно архивным документам, весной 1807 году кронпринц Кристиан возобновил свою любовную связь с графской дочерью Элизой Алефельдт-Лаурвиг. Не зря говорят, что старая любовь не забывается... 21 ноября 1807 года у них родилась дочь. Малышку при крещении назвали Адолфиной и сразу же определили в семью дедушки-графа и, когда пришло время, выдали удачно замуж за молодого и богатого прусского офицера.

А сам кронпринц Кристиан в 1815 году обвенчался с датской принцессой Каролиной Амалией Шлезвиг-Гольштейн, с которой прожил в счастливом, но бездетном браке до конца своих дней.

Его не стало в 1848 году и правил он всего девять лет, приняв корону в 1839 году.

Историк Йенс Йоргенсен так описывает отрочество и юные годы Андерсена, ссылаясь при этом на архивные документы исторического музея города Оденсе: «Всем известен тот факт, что в 14 лет Г. К. Андерсен подростком покидает свой дом в Оденсе и едет в столичный Копенгаген в поисках счастья. Но в том же самом дилижансе, как свидетельствуют архивные документы, с ним ехала пожилая дама, его спутница по имени госпожа Германсен, служившая раньше кормилицей при королевском дворе. Так вот в ее обязанности на этот раз входило сопровождение подростка Андерсена в столицу. Она заботилась о нем в пути, должна была найти ему кров в городе и постепенно ввести во все благородные

аристократические семьи, представив тайно королевскому двору и влиятельным особам высшего света! А стала бы она вот так опекать юного Андерсена, если бы тот не был “королевской крови”?!»

Юного Андерсена устроили в латинскую школу, причем не в Копенгагене, а в городе Хельсингер, что на северо-востоке Дании. Латинскими в то время назывались обычные школы (общеобразовательные, как бы мы сейчас сказали) для простого народа. Там учили не только латыни, но и грамматике, чистописанию и арифметике с геометрией. Возникли они в раннем Средневековье при монастырях и церквях – отсюда и название.

Школа, где учился юный Андерсен, сохранилась до наших дней, и на ее фасаде красуется надпись в память о нем. Правда, учился он там недолго – через пару месяцев его перевели

в такую же школу, но в Копенгагене. И не потому, что не успевал, скорее наоборот: к этому времени у будущего сказочника уже сложился писательский стиль к вящему неудовольствию директора школы, который мучил своих учеников зубрежкой и никаких фантазий им не позволял. Поэтому он частенько отчитывал Андерсена в своем кабинете за то, что тот витает в облаках во время уроков и слагает рифмы – вольность непозволительная!

Благодаря опеке мудрой королевской кормилицы госпожи Германсен Андерсену удастся найти в Копенгагене достойный кров и закончить латинскую школу. Была у него в Копенгагене и попытка стать певцом и актером Королевского театра, но неудачная. Однако, как говорится, нет худа без добра: Андерсен стал частым гостем в доме директора театра Джонаса Коллинса, где к нему относились чуть ли не как к члену семьи.

Именно с легкой руки этого влиятельнейшего человека Андерсен смог развить в полную силу свой писательский талант. Коллинс стал его наставником и ментором, взял под свою опеку и постепенно ввел во многие литературные и светские круги того времени, а также спонсировал его путешествия по всему миру и убедил короля Фредерика VI частично оплачивать его обучение.

Продолжив свое образование, Андерсен поступил в 1828 году в Копенгагенский университет и окончил курс со званием кандидата философии.

Любопытная деталь: напротив дома директора театра, чуть наискосок, находится дворец Гулле, в котором по традиции жила семья будущего короля Дании – до тех пор пока он не взойдет на трон. И только после церемонии коронации монарх мог занять с семьей великолепные покои королевского дворца Амалиенборг.

Именно в этом дворце у будущего короля Кристиана IX и его супруги принцессы Луизы-Гессен-Кассельской в 1847 году появилась на свет очаровательная малышка – принцесса Мария София Фредерика Дагмар, которой судьбой было предназначено стать в будущем императрицей русской Марией Федоровной, матерью последнего русского царя Николая II.

Коронация Кристиана IX состоялась в 1863 году, и детство принцессы прошло под чтение сказок великого Андерсена, который жил напротив, в доме Джонаса Коллинса и после ужина спешил по договоренности с королевским двором в детские покои Дагмар, чтобы читать ей перед сном свои сказки. Вот такая чудесная была у него привилегия.

В архивных документах музея Оденсе сказано: «В 1850 году пришла уже известность к Андерсену и ходил он часто после ужина в семье Джонаса Коллинса читать свою сказку на ночь малышке принцессе Дагмар, которая ждала его с нетерпением каждый раз во дворце Гулле».

Когда 22 сентября 1866 года юная невеста Дагмар отправлялась на королевском корабле «Шлезвиг» в Россию, чтобы принять православие и обвенчаться с великим князем Александром Александровичем, сказочник ее детства Ганс Кристиан Андерсен стоял в первом ряду королевской свиты, провожая ее на корабль, и был удостоен чести обнять принцессу Дагмар и продекламировать такие строки:

*«Прощай, прелестная принцесса!
Пусть слезы расставания станут
Жемчужинами на короне твоей!»*

Интересная деталь: будучи частым и желанным гостем в семье директора Королевского театра Дании, Андерсен жил в двух шагах от самого театра, в доме на берегу

канала Нюхавн, о чем по сию пору свидетельствует мемориальная доска на фасаде того дома. Частенько прогуливаясь по старинным улочкам этого живописного квартала, Андерсен находил вдохновение в увиденных им бытовых картинках. В один из зимних дней мимо него проехала карета с сидящей в ней богатой дамой, а к карете озорной мальчишка прицепил свои санки. Сверху из окошка мансарды шалуны что-то кричали бабушка-толстушка и очаровательная девочка. Домик этот сохранился до наших дней, и в народе его называют не иначе как «домиком Кая и Герды».

А если идти к университету, петляя по извилистым улочкам, то придется к построенной в 1642 году высокой круглой башне с обсерваторией при храме Св. Троицы. В сказке «Огниво» именно в ней сидели две огромные собаки, которые охраняли вход к несметному богатству и не пропускали к нему служивого.

Слава и известность пришли к Андерсену уже в конце жизни, а вот богатства он не знал никогда. Великий сказочник ушел из жизни в 1875 году. Ему было 70 лет.

В 1878 году в семье Коллинсов родилась очаровательная малышка по имени Джульетта Коллинс, которой суждено было стать примабалериной Королевского театра. На Рождественской премьере балета «Русалочка» по сказке Ганса Кристиана Андерсена в декабре 1909 года ею очаруется меценат и богач Карл Якобсен, по заказу которого создана будет та самая бронзовая скульптура «Маленькой Русалочки», которая более 110 лет является главным туристическим магнитом Копенгагена. Но это уже совсем другая история...

ИМПРЕССИОНИЗМ ВЕСНЫ

Представляем вниманию читателей подборку стихотворений известного российского поэта, переводчика и литературоведа Михаила Синельникова



Свой творческий путь Михаил Синельников начал в 1975 году, издав сборник стихов «Облака и птицы», и сразу же привлек внимание известных советских писателей и поэтов, в том числе В. Каверина, А. Тарковского, М. Зенкевича, Б. Слуцкого. Л. Мартынова, А. Межирова.

«Он не навязывает вечности своих настроений, не сходит с реалистической почвы, умеет разглядеть углы времени, торчащие из объективной природы и общественной среды. Его стихотворения отмечены благородством вкуса и острым осознанием действительности. Мысли в них рождаются от душевного опыта, они согреты дарованьем духа и слова, напряженностью нравственной жизни», – так отзывался Александр Межиров о творчестве Михаила Синельникова.

* * *

*Послушай ангельские хоры
В рогожской снящейся тиши,
И, даже не входя в соборы,
Далеким прошлым подыши.
От мучеников Коллизея
Сюда вела стезя, а ты
Стоишь, все более русея,
Среди блаженной нищеты.
И чудится в чаду раскола
Костер объятый миром сим.
Глухие осеняя села,
Он все-таки неугасим.*

Весной

*В природе снова тешат глаз
Зеленый цвет и нежно-синий.
Произошел ее отказ
От классицизма строгих линий.*

*Вновь дерева озарены
Всем изобильем светлых пятен.*

*Весь импрессионизм весны
Распространился, благодатен.*

*Еще не раз Архитектон
Расцветок возместит утрату,
И много стилей сменит Он
В дороге к черному квадрату.*

* * *

*... срубят мои липы ...
Константин Леонтьев*

*А ведь ее аморфность и неясность,
Пространство без
естественных границ
Всегда таили для всего опасность!
Был этот мир могуч и многолиц,
Сулили неизвестность эти лица,
Ее цветущей сложности весну,
Но быстро так успело упроститься
Все то, что липы в наитиях верну.
Срок сократила буйная свобода,
Срубили липы, не достроен Рим,*

*С небес глядит собрание синода
На тот пожар, в котором все сгорим.*

Ожидание

*О чем ты думаешь,
стоящий под дождем
В оцепененье, вихрями продутом?
Мы даже в старости еще
чего-то ждем,
Годам сопротивляясь и минутам.
Вернется старый друг,
любимая придет,
Мессия явится ...
Ты с молодости ранней
Готов уверовать
в счастливый поворот
И вся-то жизнь прошла
в предчувствии свиданья.
Кому ты молишься, еще
способный ждать?
Смелись в один поток печали
и мечтанья –*

*То к цели их влечет, то гонит
снова вспять
Томительная сила ожиданья.*

* * *

*Звук возник в Ташикенте год назад
И неделю длился неотступно,
И еще тревожат, и грозят
Сжатый гром и клокотанье бубна.
Память детства все еще тверда.
В Азии – души первоначало.
Надо ехать все-таки туда,
Чтоб все снова музыка звучала.
Гул идет от кишлаков и орд.
Прочее – безгласная докука,
Оттого, что западный комфорт,
Ублажая, не рождает звука.*

* * *

*Не знаем, чьи на том холме овечки.
Подпасок там – араб или еврей?
Но знаем, Кто крестился в
этой речке,
И время – все быстрей!*

*Недавно ведь и маленький Мохаммед
Верблюдов приводил на водопой.
Не знаем, кто кого переупрямит,
Борясь за землю в ярости слепой.*

*Такая каменистая – Святая
Она для всех!
Всех гневный ангел может, пролетая,
Согнать за грех.*

*Но может быть, когда уже не ждете
В дремоте защищенного жилья,
Еще вернется в круглом звездолете
Пророк Илья.*

В лесах

*Сновали в огороде медвежата
И с яростью на шерстяном лице,
Сутула, велика и рыжевата,
Медведица топталась на крыльце.*

*Кукушка жестяная куковала,
День провели мы с другом взаперти,
Пока, вздыхая горестно и вяло,
Семейство не надумало уйти.*

*Возвращена свобода двум изгоям!
Тут разлилась вечерняя заря,
Настала ночь с привычным
волчьим воем,
С упорным токованьем глухаря.*

*И дальше напоминало эхо,
Что всей природе быт
враждебен нам,
Что мы от века для нее помеха,
Ее души погибельная блажь.*

* * *

*Здесь обрусели все – и скифы и варяги,
И, глянув на страну сквозь
бородинский дым,
Промолвил Бонапарт, дивясь
слепой отваге,
Что одержима демоном своим.*

*Весь блеск ее церковей забудешь в
дебрях этих,
Где царствует мороз и
нагоняет страх
Богов языческих тоскливый вой в
подклетьях,
Смущая души чьи-нибудь в скитах.*

Лир

*В театре с ветхим реквизитом,
В нездеиный вглядываясь мир,
На языке уже убитом
Вещал и плакал этот Лир.*

*Его предчувствия терзали
И, участь зная наперед,
Играл он в опустевшем зале
И видел сгинувший народ.*

*Мелькали дни, темны и серы.
И все же – доиграть сумей,
Пока приходят офицеры,
Оставившие без семей.*

Искусство

*Все не дает покоя давний век,
Когда, отнюдь не будучи повесой,
Циркачек рисовал Тулуз-Лотрек
И жадно ковылял за клоунессой.
Когда сидел, мадам безумно зля,
В борделе с книжкой записной Золя.*

*Конечно, мы – ужаснейший народ,
Познание жизни вечно нас влечет
К чужим печалям, к чуждому веселью.
Припоминая нежные черты,
Художник, об ушедшей плачешь ты -
Она была любовью и моделью!*

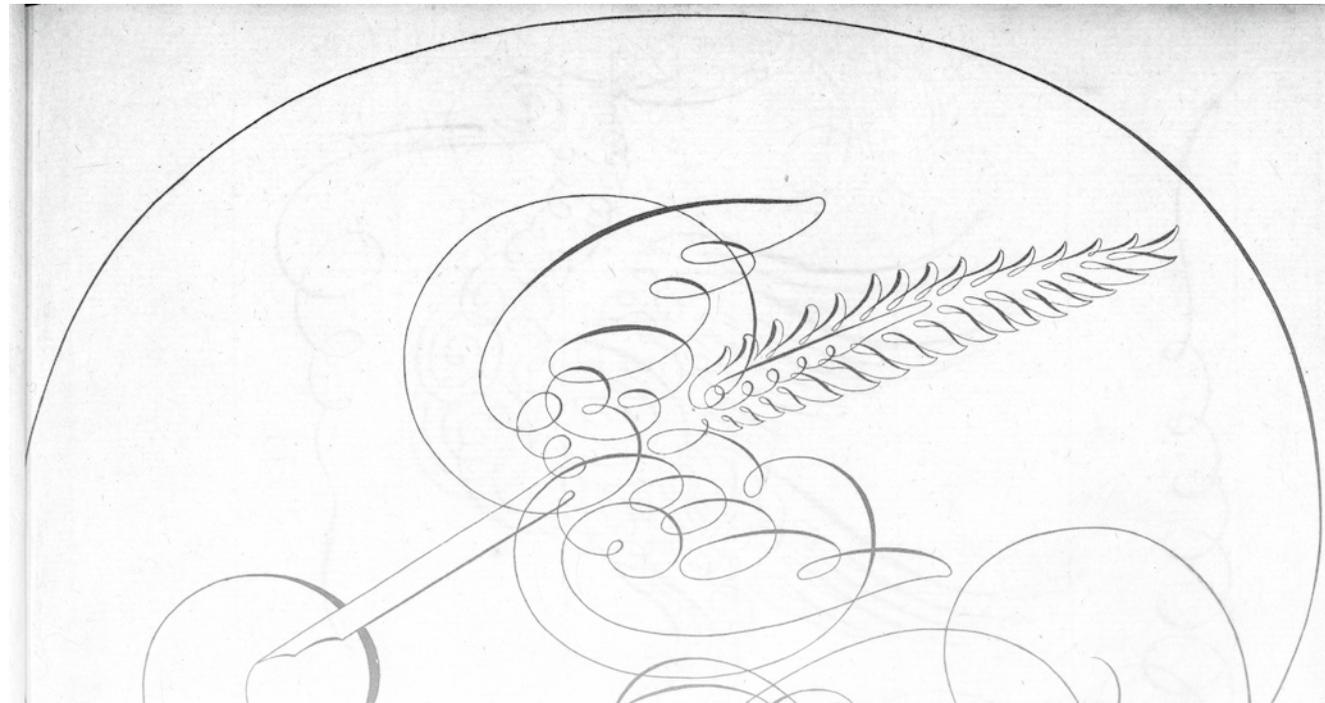
* * *

*Иду на звук, чтобы найти страну,
А вы пока полотна поглядите
Того, кто жизнь отдал цветному сну,
Искал он краски и нашел Таити.*

*Лишь первобытным раем обуян,
Бежал от всех народов и религий.
А все ж эпитет к слову «океан»
Звучит грознее «Тихий», чем
«Великий».*

НА ПРОСТОРАХ РОДНЫХ...

Вновь на страницах нашего журнала стихи молодого талантливого поэта
Анатолия Арестова



Анатолий Владимирович Арестов родился в 1985 году в городе Рубцовске Алтайского края, где проживает и сегодня. Публиковался в журналах «Юность», «Наш современник», «Волга – XXI век», «Приокские зори», «Северо-Муйские огни», «Традиции & Авангард», «Дарьял», «Сура», «Сибирский Парнас», «Сибирь», «Ротонда», «Невский альманах», «Александръ» и др. Автор книги стихотворений в четырех частях «В потоке поэзии» и книги малой прозы «Человек дальнего неба».

Отсчет

Расскажите поля
о холодных туманах,

что скрывают цветы,
но заблещут росой
только солнце взойдет.
Попрошу без обмана
расскажите поля, как ходил я босой
в ослепительных снах
бесподобного детства,
где журчащий ручей вопрошал у меня
о шумящей реке, что текла
по соседству
за полями далекими. Не было дня,
чтобы я не бежал
по степному раздолью,
облаченному сопками с грудой камней,
где гранит приютил
чернобыльскую долю,
где осоке строптивой
намного родней...
Расскажите поля о забытой деревне,
где кресты покосились под
гнетом времен,

и саманный домишко
поистине древний
не узнает страны
и не вспомнит знамен.
Ни мычання коров, и ни скрипа телеги,
и ни свиста косы не услышат сейчас,
лишь полыни густой молодые побеги
издают аромат в предполуденный час,
да журчащий ручей вопрошает у поля
о далекой реке, что безмолвно течет.
И на все есть ответ – это
божия воля или времени строгий,
но тихий отсчет...

Клятва

Стихами злоеца клятва
подписана мной при Луне.
Доволен судьбою? Вполне!
Откажешься? Это навряд ли.

Строка протекает в тетради
лирическим тихим ручьем
иль черным безмолвным грачом
садится поэзии ради.
Я степью и полем пьянен
и соком полынным пропитан,
без бати лишь мамой воспитан
и в нашу Россию влюблен!
Влюблен бессловесно, не ради
награды, идеи, монет,
чего-то безумного. Нет!
Березовой Родины ради.
Рубцов Николай по душе,
что велик в степях остановит,
и что-то незримое вторит
моей одинокой душе...

Цветение поля

На плоскости неба разбросаны перья
закончивших путь
отгремевших громад,
сливавших по каплям готовое зелье
с единственной целью –
придать аромат
цветам, распускавшимся
в плоскости поля,
цветам, ожидавшим
решенья судьбы...
И веет приятное в небо с раздолья
в бутонах, раскрытых
от долгой мольбы!

Совершенная красота

Звездное небо в прохладе степной
властвует вечером. Поздний закат
вновь догорает багровой стеной
за горизонтом. Потерянный клад
ясно увидит стоящий в тиши!
Нежность мерцанья далеких светил,
словно подарок великой души,
коим тебя, человек, наградил
Космос священный...

Потерянный рай

За глубокой рекой
на зеленой равнине
разливался покой

ароматом полыни.
Ароматом полыни
напиталась заря.
Прирожденной богине
поклонялась не зря!
Прикасался лучами
изначальный рассвет,
оставался ночами
полумесяца свет,
на равнине играя,
веселились ветра.
Для полынного рая
наступала пора...
Распахали равнину
дикари за рекой,
и в забвении сгинул
ароматный покой...

Под Богом

Питер где-то, где-то Пенза,
где-то дальше там Париж –
все под синей-синей бездной
ждет дождя молчаньем крыши.
Люди дышат, любят люди,
люди плачут, люди ждут...
Бездна синяя рассудит
и отдаст на божий суд
всех, кто любит, всех, кто дышит,
всех, кто плачет, ждет, спешит...
Бьют дожди в молчанье
крыши – бездна синяя вершит
суд земной.

В закат листья летят упрямо,
летят упрямо на рассвет,
скрипит с тоской оконной
рама – деревни мертвой силуэт.
Комбайн пожертвован стихии,
в полынном поле видит сон.
И дни проносятся глухие,
и за сезоном вновь сезон...

На просторах степных деревенька,
сердцу милая спит Колыбелька,
где березы проснутся с рассветом

на пригорке лучами согретом,
где дурманят пьянящие росы,
косарей уводя на покосы,
где сынишкой любуется мама,
что идет по тропинке у Храма...
Изо дня каждый день все дороже
до печали и радостной дрожи
на просторах степных деревенька,
сердцу милая спит Колыбелька...

Страж света

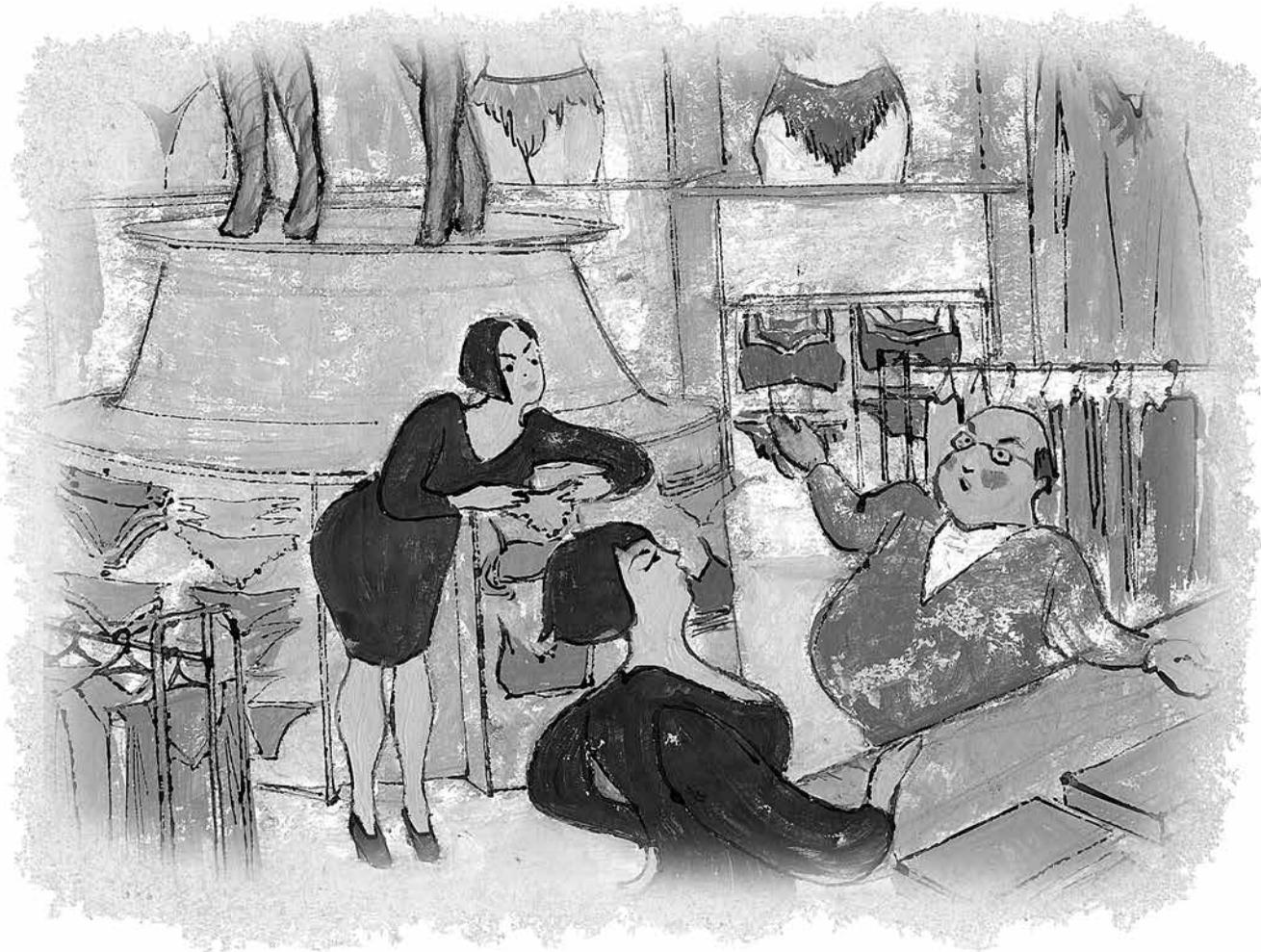
В ночи, когда Луна за тучей
и свет звезды летит во мрак
когтистых веток, дуб могучий
стоит на страже, словно враг
подкрался в пустоши оврага
с одной лишь целью – звездный свет
себе забрать.
Трещит коряга.
Безумный враг на дне оврага
молчит в ответ.
Ответа нет.
Звезда сияет.
Полночь.
Тучи.
И режет свет оврага мрак –
Луна светильником могучим
сжигает мрак.
Явился враг!
Но то был ветер...
Все сияло.
И дуб стоял, и звездный свет
залил степное покрывало.
И все молчит.
Ответа нет.

Возвращение

Явились проталины.
Почва вздохнула.
Стоит человек в полевой пустоте.
Приехал в селение из Барнаула,
не глядя махнул.
Потянул к красоте
неистовый дух родового
пристрастья
в глуши деревенской
остаться навек.
И сердце забилось сильнее от счастья,
и принял душою судьбу человек...

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Представляем вниманию читателей рассказ Владимира Малышева из книги «Возвращение», вышедшей в 2022 году в московском издательстве «Вече»



Завхоз Трофим Петрович Ковтун возвращался домой в состоянии легкой удовлетворенности от предпраздничного ужина в маленьком ресторанчике.

Вечеринка была организована по случаю предстоящего праздника 8 марта, до отмены которого еще не добрался какой-нибудь рьяный депутат. В связи с этим народ новой России по инерции вот уже более двух десятков лет пьет на законных основаниях за последовательниц Клары Цеткин и Розы

Люксембург и одаривает их в этот день, к радости южных торговцев, разнокалиберными букетами. Справедливости ради надо сказать, что в регламент самого праздника начальством за эти годы были внесены значительные изменения, и он из шепотливого бутербродного застолья превратился в сытый, бесшабашный разгуляй с музыкой, танцами, легким, иногда переходящим в тяжелый флиртом. Вот после оно и возвращался наш герой, с удовольствием вспоминая, как

в своем тосте шеф похвалил в том числе и его, а в особенности то, что молоденькая вертихвостка Зиночка из соседнего отдела, несмотря на возвращенный многими годами умеренности пухлый живот и глубоко предпенсионный возраст Трофима Петровича, изволила дважды протанцевать с ним задорный полуиностранный танец.

Все было хорошо в этот поздний вечер! И даже метро не раздражало Ковтуна своей суетой. Он, плавно покачиваясь в такт

вагону, в сладостной полудреме двигался к дому.

Но вдруг ужасная мысль кпятком обдала изнутри Трофима Петровича: «А подарок жене! Надо же, старый дурак, забыл на работе!» Ковтун вмиг протрезвел и посмотрел на часы. «Боже мой! Первый час, кабинет опечатан! Надо хоть что-то купить. Прибьет же Сергеевна!» – подумал Трофим Петрович и кинулся к дверям вагона. На его счастье, рядом с метро еще не закрылся торговый центр. Ковтун рванул мимо витрин с видом азартного охотника, стремящегося любой ценой завалить медведя. На его беду, многие отделы были уже закрыты, а меха, бриллианты и антиквариат по понятным причинам Трофиму Петровичу явно не подходили.

В раздумье он остановился у «Дикой Орхидеи». В магазине женского белья ворковали две молоденькие продавщицы и неторопливо-небрежно ворошила товар одинокая покупательница. «Оно, конечно, неудобно. Ну да была не была» – подумал Ковтун и нерешительно вошел с видом впервые попавшего в бордель клиента. Конфузливо заскользил он глазами по полкам и манекенам, не совсем понимая назначения некоторых видов товара.

– Вам чего, папаша? – лениво спросила его одна из продавщиц.

Трофим Петрович приблизился к прилавку и прошептал:

– Мне бы жене бы подарочек бы, пожалуйста.

– А че шепотом-то? Голос потеряли? Поди, пивка холодного назюзюкались?.. Вот житуха пошла! – обратилась она к подруге. – Женщины пашут до ночи, а мужики гудят всюю в наш праздничек!

– Да ладно ты, уймись, – сказала другая продавщица.

– Вам, мужчина, трусики или бюстгалтеры? Может, пеньюарчик фирменный? У нас все высшего



качества, сплошная заграница! Выбирайте.

И через пару минут перед Ковтуном выросла пирамида из всего того, что женщины обычно тщательно прячут от мужчин, демонстрируя это только в интимной обстановке избранным.

Трофим Петрович от обилия невиданных за всю свою жизнь вещей впал в состояние транса и застыл в позе сфинкса. После нескольких минут продавщицы поняли, что сам клиент ничего не купит и сам по себе не уйдет. «Надо помогать», – решили они и задали навязный вопрос:

– Жене вашей сколько лет, гражданин?

– Да уж шестой десяток пошел, – промямлил Ковтун.

– А размер ее вы знаете?

– Так, по-моему, 39-й.

– Да не обуви, мужчина! Трусов или лифчика, ночнушки наконец?

– Откуда же мне знать, девоньки? Она сама всю жизнь эти штуковины покупала.

– Ну и мужики пошли! – шепнула одна продавщица другой. – Вот выйдешь замуж за такого козла – и мучайся с ним всю жизнь!

– Что ж, давайте, мужчина, по-другому решать, – обратилась девушка к Трофиму Петровичу. – Она примерно такая, как я, или побольше будет?

– Да что вы, девушка, куда вам до моей Сергеевны! Таких, как вы, в моей жене две с половиной, почитай, будет.

– Тогда, мужчина, не парьтесь, берите вот эту розовую ночнушку, – предложила продавщица. – Она ей впору будет, прикупите цветов – и супруга вас на руках все 8 марта пронесит, да и нальет еще.

Домой Трофим Петрович добрался за полночь, и после того как полусонная Сергеевна встретила его традиционным: «Где тебя, старого, черт носит?», прошмыгнул на кухню, старательно пряча за спиной блестящую коробку. Здесь он задвинул ее за банки с крупами. Наутро Ковтун проснулся с радостным настроением, какое бывало у него только в детстве перед новогодним праздником. Он вспомнил свои вчерашние приключения и почувствовал себя альпинистом, покрывшим Эверест. Стараясь не разбудить жену, Трофим Петрович прошел на кухню, аккуратно достал



коробку и вместе с нею нырнул в кровать. Накрывшись с головой одеялом, он начал активно ерзать и упираться коленями в пышный бок супруги, надеясь склонить ее к скорейшему пробуждению. А когда та наконец-то открыла глаза, Ковтун чмокнул ее в щеку и тотчас торжественно вручил подарок.

– Боже ж ты мой! – воскликнула Сергеевна. – В кои-то веки муженек сподобился заботу проявить, видать, совесть-то еще не вся вышла, – доброжелательно бубнила она, старательно развязывая атласную ленту.

Сергеевна открыла коробку и, достав ночнушку, обомлела. Никогда еще не приходилось ей облачаться в такую красоту! Схватив коробку, она быстро нырнула в ванную и через минуту предстала

перед изумленным мужем в образе по крайней мере богини Афродиты, вышедшей из морской пучины.

– Ну как? – победоносно спросила Сергеевна, плавно вращаясь в пределах большого зеркала.

– Ну ты, мать, просто королева! – восторгнулся Трофим Петрович. – В таком наряде на любой бал без платья можно идти.

– Слушай, Трофим, а тебе не кажется, что она немного маловата, уж больно обтягивает как-то? – спросила Сергеевна.

– Да что ты, дорогая, сейчас мода такая, все короче да уже.

– Но мне-то ведь не на танцы в ней ходить, а спать в ней! Вот так повернешься невзначай ночью, она до пупа и разойдется, а то и того хуже.

– Ладно тебе чепуху-то молоть – возмутился Ковтун. – Оно, конечно, разъелась ты в последнее время. А все твои сериалы. Сидишь часами перед теликом и мнешь и мнешь. То бутерброды, то картошку с салом. Где ж тут не разбухнешь. Вот и стала как цеппелин Амундсена.

– Так ты что, меня куском хлеба попрекаешь, нехороша я для тебя стала?! Обзывать задумал? А сам-то, толстопуз лысый, тоже все в телек пялишься, всю рекламу про девок просмотрел от подмышек до прокладок!

– Да ты че, старая, белены объелась! Я же чтобы хоккей не прозевать.

– Знаю я твой и хоккей, и футбол, и Ньюрку с соседнего подъезда, с которой у мусорного бака по полчаса

треплешься. По вам часы проверять можно. Ты мусор выносить – и она с ведрком тут как тут. Пряма трамвай рейсовые! Поди, и тряпку эту для нее приобрел. Как раз на ейный скелет.

Перепадка завершилась тем, что Сергеевна в слезах покинула квартиру и уехала к матери поведать свои горести, а несчастный Трофим Петрович в сердцах хватанул пару рюмок водки и просидел весь день на кухне, уткнувшись неподвижным взглядом в переплет оконной рамы. Только раз кто-то позвонил в дверь, и он кинулся открывать, надеясь на возвращение супруги, но перед ним стоял какой-то парень с пышным букетом.

– С праздником! – улыбаясь, сказал молодой человек.

– Вам велено вручить цветы.

– Ты что, офонарел?! Я тебе баба, что ли?! Ошибся милочек – они выше живут! – разъярился Ковтун и в сердцах хлопнул дверь.

А когда парень назойливо позвонил снова, Трофим Петрович спустил его, сопровождая матерком, с лестницы вместе с цветами. А потом сын запоздало сообщил по телефону, что заказал маме праздничный букет и его вот-вот привезет посыльный. Это окончательно доконало Ковтуна. Он еле сдержался, чтобы не послать вслед за доставщиком цветов и сына, выпил еще водки и пошел спать.

Сквозь сон Трофим Петрович слышал, как скребла ключами замочную скважину вернувшаяся

Сергеевна. Когда она, не включая свет, тихонько вползла под одеяло, Ковтун как бы во сне положил руку ей на плечо, и Сергеевна не сбросила ее, а лишь только повернулась к нему, погладила мужа по лысине и снисходительно-ласково прошептала:

– Спи уже горе-цеппелин.

И услышала в ответ:

– Спокойной ночи, моя дикая орхидея.

Сергеевна хихикнула. Стрелки часов отсчитывали первые минуты наступившего девятого марта.

*Автор иллюстраций:
Полина Белоногова, студентка
пятого курса факультета
анимации и мультимедиа ВГИК,
мастерская М. В. Курчевской.*

МОРМЫШКА И КОРОЛЬ

Предлагаем вниманию читателей рассказ известного российского журналиста Ольги Кузьминой



Плесом тут называли и озеро, и впадавший в него ручей, и серенькую деревеньку, прилепившуюся к берегу. У ручья, за сосняком, Мормышка особенно любила ловить. Сейчас, когда все решалось, она впервые прося о чуде. И, неторопливо покуривая, ждала нужного мгновения, улыбаясь гаснущим солнечным лучам и бабочкам-вечерницам.

Откуда она пришла? Никто не знал. Но появилась она в Плесе в 1953 году – худая, почти беззубая, хоть и не старая, с заплечным мешком. Сразу определив бригадира среди толпящихся на берегу рыбаков, она обратилась к нему решительно:

– Я хочу работать у вас. Ничего не надо, жилье только.

Плес славился рыбой. Ловили тут и щук, и лещей, и судаков, и мелочь

рыбную, а еще ряпушку – рыбу сладкую и такую нежную, что из поставленного на берегу коптильного заводика ее отправляли прямиком в Москву – к кремлевскому столу.

– Баба – рыбачка? – улыбнулся бригадир Сил Иванович. – Ты рыбу-то видела?

Рыбаки согнулись от хохота.

– Видела. И ловить умею.

Золотыми рыбками плеснул в ее глазах гнев, и Сил озадаченно кивнул:

– Ладно, поглядим. Сына, – крикнул он Сашке, – дай-ка уду да червя. Пусть покажет, что может.

Женщина качнула удочку в руке, будто взвешивая, согнула, отпустила; обваляла червя в песке, чтоб не скользил, насадила, подошла к мосткам.

– Ну, клева-то особого не будет. Время не то. И небо чистое.

– А ты поглубже закинь, – подсказал кто-то из рыбаков.

– Поглубже?

Она обернулась, усмехнувшись. В глазах плеснули золотые рыбки.

– Уж на глубине-то сейчас точно не клюнет. Если только под травку попробовать...

Она точным движением забросила крючок под камыши; поплавок замер. Минута длилась вечно. И вдруг удочка взлетела вверх; подсечка была мастерской. Миг – и серебристая плотвичка билась в узкой руке женщины.

Рыбаки присвистнули.

– Ну? – она выпустила рыбку.

Сил улыбнулся.

– Ай, молодца, баба! Звать-то тебя как, а?

Она качнула плечами:

– Бабой и зовите.

Так ее и звали пару лет, пока Сил не привез из города мормышек – крючков с дробинкой. И так полюбила Баба на них ловить, поигрывая короткой удочкой с чутким сторожком, что ее навсегда переименовали в Мормышку.

Она поселилась в пустую-пущую доме-развалюхе на окраине, и со временем полюбила деревенским, хоть и была нелюдима, строга, дружбы с бабами не водила, да и с рыбаками особо не беседовала. Как-то почтальонша Клава привезла письмо, адресованное некоей Анне Александровне Лопатиной. Письмо гуляло по району год, и кто-то додумался, что адресатом может быть Мормышка. Распав конверт над чайником, Клава с бабами выяснили, что в ответ на запрос упомянутой гражданки администрация поселка Кемь сообщает, что «гр. Лопатин Андрей Андреевич умер в 1949 году». Клава клялась, что поселок такой находится на севере, возле Соловков, и Мормышка – явно бывшая «политическая», а умер, видно, муж ее. Конверт заклеили слюной и вручили Мормышке; она побледнела, при всех вскрывать не стала, унесла домой и после недели сказывалась больной.

А потом все пошло, как раньше. Рыбу Мормышка ловила удивительно. Необъяснимым образом у нее всегда был улов, она будто видела, что происходит под водой, безошибочно выбирая место заброса и ощущая даже легкий намек на поклевку. Днем она наравне с мужиками тащила тяжелые сети, после латала их. А под вечер либо сидела молча на берегу, наблюдая, как тонет солнце в свинцовой воде Плеса, и бесконечно курая удушливые самокрутки, либо брала старенькую лодочку и отправлялась к любимому ручью. Она всегда ловила рыбы ровно столько, сколько нужно, не жадничала, а случался-таки избыток – угощала соседей.

Когда неожиданно умер Сил – потянул сеть, да и осел, вздохнув, – рыбаки и обсуждать не стали, кто будет бригадиром – Мормышка, кто еще. И тут она себя показала. Коптильня работала бесперебойно, а потом Мормышка убедила

районное начальство разрешить бригаде сдавать рыбу на рынок. Вот когда зажили рыбаки! И даже в 1972 году, когда страшная засуха съела уровень воды в Плесе на два метра, они не остались без рыбы – благодаря Мормышке.

– Где ты так научилась ловить-то, а, Мормышка? – донимал ее Сашка Силыч, прежнего бригадира сын.

Она обычно отмалчивалась. Но как-то Сашка, заглянув к ней с каким-то вопросом, приметил в сенах странную снасть: палку с леской, на леске – штук пятнадцать крючков.

– Что за штука? – удивился он.

– На Соловках так ловят, – сухо ответила Мормышка, отбирая снасть. – Опускают леску в воду и ждут. А когда косяк селедки подошел – тянут. И все дела.

Она убрала снасть с видного места, и к теме больше не возвращались.

Вслед за крутыми 80-ми в страну пришли лихие 90-е. Такая заваруха пошла, что кремлевским гурманам стало не до ряпушки. И рыбный заводик, захлебнувшись в рыночном безумии, вскоре перестал коптить небо. Теперь рыбаки жили лишь за счет продажи рыбы вдоль трассы, благо Мормышка хоть и состарилась, но все также тонко чувствовала Плес.

Ну а вскоре после миллениума приехали в Плес мужики из самой столицы – на больших черных машинах. Спросили, где рыба ловится. Деревенским берегов не жаль, показали – там, там. Заветных и прикормленных мест, знамо, не открыли, но приезжие и так наловились всласть. Они упоили рыбаков водкой и братались до утра. Только Мормышка сказала сухо:

– Плохие гости. Не к добру.

Через неделю столичные гости вернулись с новым запасом водки и копченой колбасы. Рыбаки встречали их как братьев. А вот Мормышка да бабы деревенские



Фото: Виктория Муконина / Unsplash

бесились – просто так водкой не поят! Приезжие и правда с распросами лезли: всегда ли тут так рыбно, да все такое. Деревенские подпили и расхвастались. А еще через неделю привезли гости с собой районного начальника. И объявили: такое тут место сказочное, что грех турбазу не построить, чтоб за денежку людей пускать ловить. И кафе тут же, с музыкой. Рыбаки загадали: «Как-то не очень идея-то. А что мы, что завод?» А гости в ответ: «Земля чья? Государственная. Мы по закону аренду и оформим. А что зона водоохранная, то вот начальство с нами, оно разберется», – районный глава молча кивал, ощущая потной ладошкой пухлую пачку денег в кармане.

Но рыбаки роптали. Скандал же «деловым» был не нужен. И главный из них – Кирилл Ляхов, «Король», поняв, что «в авторитете» тут Мормышка, отправился к ней парламентаром. Она была спокойна, но в глазах плескались золотые рыбки.

– Давай, бабка, мирно решим тему. Скажи мужикам, чтобы хлеба закрыли. Иначе...

– Ты мне грозишь, что ль? – Мормышка улыбнулась беззубо, выпуская гостью в лицо кольцо дыма. – Брось. Пуганая. Но если ты мужик, а не картонка, давай на спор пойдём. Если я обловлю пацанов твоих – не быть базе. А если они меня обловят – быть.

Король засмеялся.
– Эх, борзая ты бабка. Или дура, не пойму. Против кого встанешь?

Рыбки плеснули в глазах:
– Против всех.
Король хохотнул. Точно дура.
– По рукам.
Руки она не подала, но кивнула.
– Завтра. Ловим с утра до заката. На вес.

Десяток парней в камуфляже, высоких болотных сапогах, с шикарными удочками с изумлением смотрели на корявенькую Мормышку.

– Разъезжайтесь, – по-хозяйски кивнула она. – Я потом.

Пятеро заняли лучшие заводинки с берега, остальные разлетелись по озеру в блестящих «моторках». Мормышка тихонько отплыла от берега в своей старой лодочке.

– Давай, Мормышка! Покажи им! – кричали рыбаки, махая руками.

Она тоже махнула рукой, улыбаясь.

– К ручью своему плывет, – шепнул Сильч. – Место у нее там наговоренное!

Король сам не ожидал, что согласится на такой бред. В победе он не сомневался, главное – в этой наглой бабке было что-то особенное, какая-то сила, сломать которую ему хотелось до дрожи в пальцах.

Часа через два он успокоился: ребята вроде исправно ловили, Димыч аж двух щук зацепил. Ближе к вечеру, маясь от безделья, Король побрел по берегу – в густых камышах вилась тонкая тропка. Слева синело озеро, впереди бронзовел сосняк. Зайдя в него, он оказался на высоком берегу, затем снова «упал» вниз. Неподалеку ловил Серега; лох – вроде место хорошее, а в лодке пусто!

Чуть дальше Король увидел Мормышку. Она сидела к нему спиной; в лодке, серебряной от рыбы, уже не было места. Он замер, пытаясь подавить волнение:

– Ничего, ребят много, обловят ведьму...

А бабка вдруг привстала в лодке, будто почувствовав что-то. Сутулая спина напряглась; она перебросила удочку чуть дальше, поплавок качался возле выползших на поверхность водорослей. Солнце коснулось губами озера; старуха дернулась, напряглась. Король видел, как гнется уда и ходит под водой невидимая, но явно огромная рыба. Рука старухи двинулась вверх, заставляя рыбу глотнуть воздуха, и теперь Мормышка выводила

к лодке гигантского глубинного леща, покрытого огромными металлическими чешуями. Король понял – спор проигран. «Мужик или картонка...» Если мужик – слово надо держать!

Бешенство захлестнуло его. Миг – и он сбежал к воде, лодка старухи была рядом. Он вошел в воду, ухватился за борт. Мормышка обернулась и, поняв, усмехнулась. Ему даже не пришлось долго сжимать ее тонкую шею, все произошло быстро – лишь золотые рыбки в глазах старухи гневно плеснули на прощание, и уплыли навсегда.

Серега вопросов не задавал. Они молча перебросили леща и часть рыбы в его «моторку», а лодку с Мормышкой оттолкнули от берега. Казалось, рыба в ней просто спит. У Короля даже что-то екнуло в душе. Правда, потом быстро прошло.

Лодку с Мормышкой Сильч отыскал лишь под утро – ее отнесло к дальнему берегу озера. Столичные гости вызвали врача; тот осмотрел тело и объяснил странную синюшность сердечным приступом.

А рыбу взвесили. Приезжие обловили Мормышку на одного леща. Зато какого! Прежде в Плесе никто таких не ловил.

Хоронили Мормышку как положено, на третий день. Сильчу показалось, что в закостенелом мормышкином кулаке что-то блеснуло; он не без труда вытащил из него три огромные серебряные чешуи. Рыбаки все поняли, но то ли вековой страх перед силой и деньгами, то ли еще что-то заставило их опустить глаза и промолчать. Сильч уложил одну чешуйку покойной на лоб, две другие – на шею, как украшение.

Прости и помилуй. Помилуй. И прости.

... А что турбаза, спросите вы? Ее построили. Но хозяева вскоре разорились. Ибо никогда больше на Плесе никто не поймал ни одной рыбки.

ДВУЛИКИЙ ЯНУС В ЖЕНСКОМ ОБЛИЧИИ

По страницам книги Александра Хорта «Первая русская юмористка. Жизнь и творчество Тэффи», опубликованной в 2024 году в московском издательстве «Б.С.Г.Пресс»

АЛЕКСАНДР СЕНКЕВИЧ



Надежда Александровна Лохвицкая

На российском книжном рынке за последние годы появилось немало сочинений, относящихся

к ренессансному Серебряному веку русской литературы. Вызывавшие когда-то восторг многочисленных

читателей, они и сегодня, уже в XXI веке, подтверждают свою востребованность и жизнестойкость. Их возвращению из небытия к современному читателю поспособствовали как отечественные, так и зарубежные критики и литературоведы.

Моя преамбула к новой книге Александра Хорта, убежден, обратит внимание читателя на многие аспекты этого содержательного и захватывающего повествования. К тому же автору удалось найти неординарный подход к воссозданию личности своей героини – первой русской юмористки Н. А. Тэффи.

Александр Куприн душевно обозначил причину ее писательской популярности: «Ее тонкий, нежный и острый, ее прелестный талант воспринимается радостно и легко, без критической укаски, без ярлыков и меток... Воспринимается непринужденно, как должное и необходимое, как одно из скромных чудес природы».

Уже первые строки книги Хорта в главке «Вместо пролога» свидетельствуют, что читатель точно не заскучает. Недаром она начинается с эпиграфа из рецензии Тэффи «По поводу чудесной книги»: «По свойству души моей я часто вижу гримасы жизни». Посвящена была эта рецензия сочинению И. А. Бунина «Избранные стихи». Вот уж к нему-то Надежда Александровна относилась с редкими для ее характера благоговением и любовью.

Да и первая глава книги Хорта содержит иронический подтекст. А как же еще застраховать себя от поклепов всяких недоброжелателей? Обращусь к тексту книги: «Порой читатели, даже весьма искушенные, спрашивают, что такое пролог, зачем он нужен, с чем его едят. Критики обычно отшучиваются, мол, едят его с эпилогом. Если же речь пойдет о жизнеописании автора веселых произведений, хочется ответить в присутствии этому жанру стили. То есть с большой долей иронии – так, как это сделала бы сама Надежда Александровна. Другими словами, подражая ей. Но... в творческом арсенале каждого большого писателя на вооружении хранится собственный стиль. Свой, присущий только ему язык. Такая особенность позволяет идентифицировать его произведения еще до того, как прочитаешь фамилию автора. Положительная специфика вольно или невольно вызывает желание подражать хорошему образцу. Эпигоны имеются у каждого яркого писателя, поэта. (Речь о профессиональных подражателях – пародистах – оставляем за скобками)».

Многое в биографии Тэффи (Надежды Александровны Лохвицкой), включая дату ее появления на свет, вызывало сомнение из-за противоречивой информации, исходящей из различных источников. Хорту пришлось скрупулезно восстанавливать истину по многим материалам. «Будучи зрелым человеком, сама Надежда Александровна при случае намеренно искажала свой возраст в сторону уменьшения», – пишет Хорт.

Да и место ее появления на свет долгое время вызывало вопросы, пока сравнительно недавно его не установил известный петербургский архивист Андрей Георгиевич Румянцев.

Надежда Александровна информацию о себе с некоторой игривостью и иронией изложила

в письме другу В. А. Верещагину: «Я родилась в Петербурге, а как известно, наша петербургская весна весьма переменчива: то сияет солнце, то идет дождь. Поэтому и у меня, как на фронтоне древнего греческого театра, два лица: смеющееся и плачущее. “Смейтесь!” – говорили мне читатели. “Смейтесь! Это приносит нам деньги”, – говорили мне издатели... и я смеялась».

Сюжеты произведений Тэффи возникали из хаоса происходящих на ее глазах событий: агонии монархического правления в России, ужасов Первой мировой войны, террора пришедших к власти большевиков с их практикой физического уничтожения инакомыслящих и фанатической верой в свою правоту. Все это, как известно, привело к Гражданской войне и исходу из России с 1918-го по 1922 год 2,5 миллионов человек, выходцев из всех классов и сословий.

Родом Надежда Александровна Лохвицкая была из большой обеспеченной семьи. Ее отец Александр Владимирович, действительный статский советник, был известным юристом. Мать Варвара Александровна (в девичестве Гойер), обрусевшая француженка, оставалась в тени своего сановитого супруга. Как отмечает Хорт, «статус ее в пору определить как “домашняя хозяйка”». И приводит вескую причину такого социального положения матери Надежды Александровны – семеро детей на руках. При этом он называет дату появления на божий свет каждого из них: Варвара (1861), Вадим (1862), Лидия (1864), Николай (1867), Мария (1969), Надежда (с уточнением дня рождения которой была путаница, докатившаяся до наших дней) и Елена (1874). Надежда родилась в 1872 году.

Вот что пишет Тэффи о своей сестре Елене: «Она всегда была со мной рядом, мы вместе росли. Всегда у своего плеча видела я круглую

розовую щеку и круглый серый глаз. Когда я хворала и мне давали лекарства, то и ей должны были накапать рюмочку воды. Она всегда делала то же, что я».

Книга Хорта читается не столько как сочинение из серии ЖЗЛ, а как захватывающий детектив и одновременно любовный роман. Приведу названия некоторых ее глав: «Манифест разбушевался», «Страсти по Белому», «Струйка крови», «Пиратское нашествие», «Дело Бунин – Банин».

Александр Хорт создал психологический портрет Надежды Тэффи, очень близкий оригиналу.

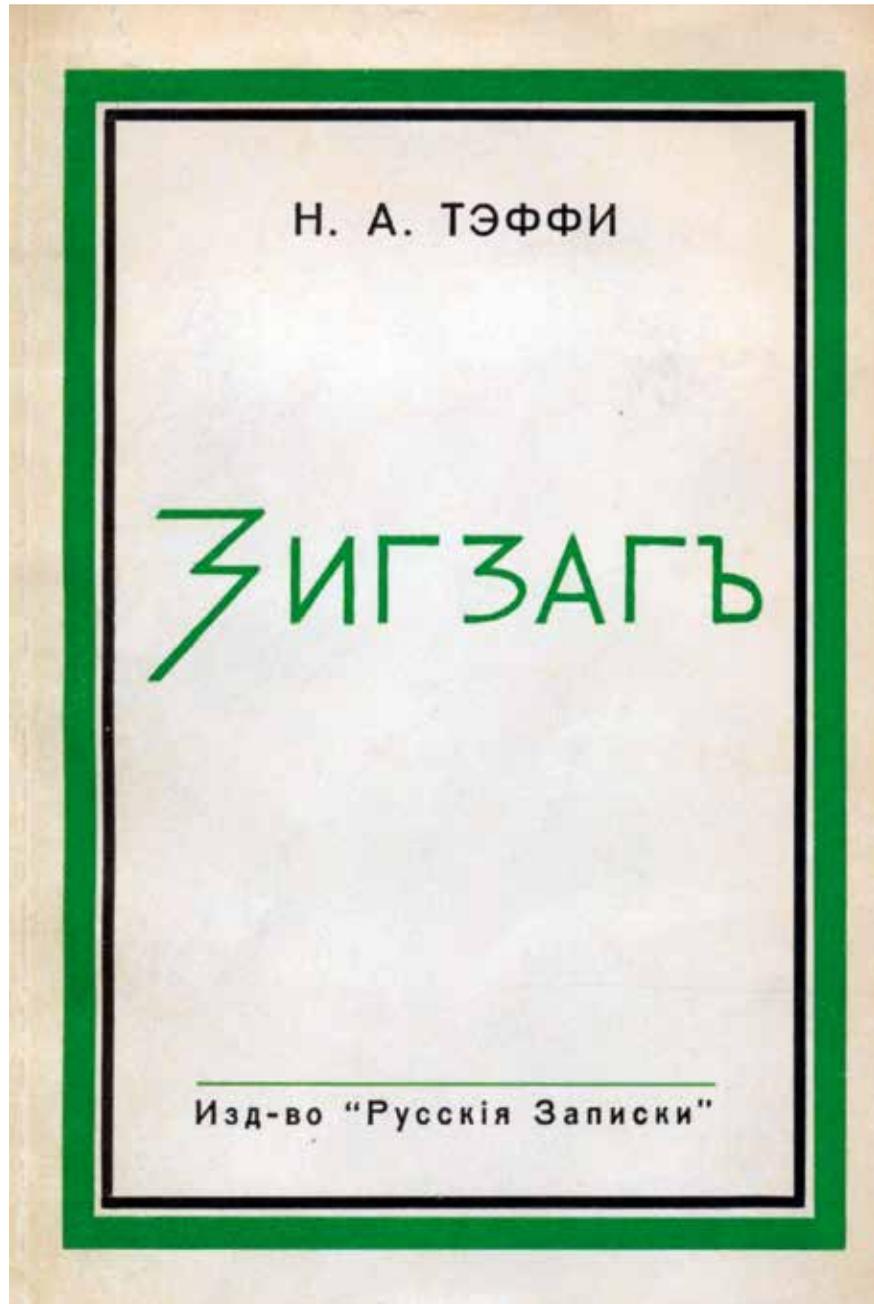
При чтении этой книги надо иметь в виду одно высказывание, принадлежащее Остапу Бендеру, персонажу бессмертной дилогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Он считал непродолжительные любовные связи «шуткой гения».

Полагаю, что при выборе возлюбленных Тэффи ближе всего взгляд Александра Пушкина на любовь: «Любовь слепа и, не доверяя самой себе, торопливо хватается за всякую опору».

В поисках надежной опоры

Определенную роль в становлении личности человека играет его происхождение. Рассуждая о детях семьи Лохвицких, не стоит забывать об их предках. Например, прадедом детей по отцовской линии был украинский археолог, масон Кондрат Андреевич Лохвицкий. Он жил во времена Александра I, в до-революционной историографии называемого Благословенным. Надежда Александровна, как замечает Хорт, «шутила, что поэтический дар передался ей от прадеда».

Николай Тимофеев-Пландовский в статье «Мистическая



Иоганн Вольфганг фон Гете: «Лучшее, что нам дает история, — это возбуждаемый ею энтузиазм»

В связи с происшедшими событиями 1905 года Хорт отмечает в творчестве Тэффи новое чувство, прежде отсутствующее, — революционный пафос: *«Заметным событием в ее поэтической деятельности стало стихотворение "Пчелки", проникнутое сочувствием к тяжелой судьбе скромных тружеников. Оно было написано весной 1905 года».*

Приведу первую строфу этого стихотворения:

*Мы бедные пчелки,
работницы-пчелки!
И ночью и днем все мелькают иголки
В измученных наших руках!
Мы солнца не видим, мы
счастья не знаем,
Закончим работу и вновь начинаем
С покорной тоскою в сердцах.*

Стихотворение произвело настоящий фурор среди русской вольнолюбивой интеллигенции, но ни одна редакция не решилась на его публикацию. Как отмечает Хорт, его *«переписывали, читали в тесном кругу единомышленников, передавали из рук в руки, и в один прекрасный день стихотворение попало к находившемуся тогда в Женеве Ленину. Не мудрствуя лукаво, Ильич сразу опубликовал его в основанной им газете "Вперед", выходившей в Швейцарии, продолжательнице традиций "Искры". Правда, без указания имени автора и с измененным названием: "Знамя свободы"».*

Тэффи, как замечает ее биограф, иногда читала «Пчелок» в проверенных компаниях. Однажды один из ее слушателей сказал ей, что известный поэт Федор Кузьмич Сологуб приписывает себе авторство этого стихотворения. С Сологубом она не была знакома, но Хорт

отмечает, что *«вскоре на одном из петербургских журфиксов их представили друг другу».* При разговоре выяснилось, что понравившихся Сологубу «Пчелок» он переделал на свой лад, позаимствовав идею. А на реакцию Надежды Александровны, что нехорошо заирать чужую вещь ответил: *«Нехорошо тому, у кого берут, и недурно тому, кто берет».* Ответ Надежде Александровне понравился, а Федор Кузьмич стал приглашать ее на литературные вечера, которые проходили у него в доме по воскресеньям.

Посещала Тэффи и «Пятницы Я. П. Полонского», которые с годами трансформировались в «Пятницы К. К. Случевского». И, как выяснил Хорт, также привлекали ее литературные посиделки, которые устраивали женщины, понастоящему разбирающиеся в искусстве: Варвара Ивановна Иксуль фон Гильденбанд, Паллада Олимповна Богданова-Бельская, Саломея Николаевна Андроникова, Лиля Юрьевна Брик.

Так постепенно, день за днем, год за годом, на родной земле, а затем и на чужбине собирался вокруг Тэффи обширный круг друзей и единомышленников. Однако с годами он становился все меньше. Как говорят: иных уж нет, а те далече.

Огромную роль в писательской жизни Надежды Александровны сыграли журнал «Сатирикон», созданный в 1908 году, и его редактор Аркадий Тимофеевич Аверченко, сатирик, драматург и театральный критик. Название журнала не было случайным. Оно воскрешало из далекого прошлого литературное повествование «Сатирикон» Петрония, жившего во времена принципата Нерона.

Как убежден Хорт, с появлением нового «Сатирикона» *«произошло, возможно, самое большое счастье в жизни Тэффи».* Действительно, этот журнал, в котором вышли ее многочисленные сатирические

рассказы, принес ей всероссийскую известность, в результате чего она уже при жизни была увенчана титулом «королевы русского смеха». В 1910 году вышла изданная журналом популярная юмористическая книга «Всемирная история, обработанная "Сатириконом"». В ней Тэффи достался раздел «Древняя история».

Что и говорить, Тэффи все-таки была судьбой облакана! Вокруг нее всегда вертелось много поклонников и поклонниц. Было из кого лепить персонажи юмористических рассказов и пьес, было кому посвящать стихотворения. К ней уже приклеили ярлыки: «женская версия Аверченко» и «Чехов в юбке».

И вдруг три грандиозных события перевернули всю ее жизнь, и не только ей одной. Грянули Первая мировая война, Октябрьский переворот, а за ним — гражданская междоусобица. Много людей погибло, а еще больше рассеялось по белу свету.

Многие писатели и художники из России переехали во Францию, где, как отмечает Хорт, *«зачатки художественной альтернативы советскому искусству постепенно крепились, ширились. Появились новые объединения, возникала определенная конкуренция и, как следствие, конфронтация. Особенно она чувствовалась между разными поколениями».*

И главное: *«Новые молодые изгнанники бойко овладевали зарубежной художественной эстетикой, в два счета становились своими людьми в среде авангардистов, впитывали новые художественные веяния, словно приручая их в своих интересах. Они без устали посещали многочисленные публичные вечера. Сегодня собирались в кафе, завтра — на чердаках, послезавтра — в подвалах. Художники устраивали скандальные выставки, поэты читали стихи. Всем хватало и зрителей, и слушателей».*

В Париже в конце концов оказалась и Тэффи.

Тут придется напомнить читателям, что Надежда Александровна по возрасту была намного старше «молодых изгнанников» и не так мобильна и экстравагантна, как они. Потому-то какое-то время устроителей литературных вечеров оставалась не столь востребованной. Однако у издателей ее сочинения по-прежнему вызывали значительный интерес.

В Берлине у Тэффи вышли три книги: «Рысь», *Passiflora* (лат., *passion* — страсть; *flos* — цветок. Русское название — «Страстоцвет»), «Шамран. Песни Востока».

Много горя выпало на ее долю. В то время, когда в 1919 году, как пишет ее биограф, она металась по российским южным городам, вынашивая мысль об эмиграции, в северном Архангельске умирала ее любимая младшая сестра Елена.

Хорт подробно и точно описывает новое бытие своей героини, опираясь в своих рассуждениях на ее сборник «Рысь», выпущенный в 1923 году издательством «Отто Кирхнер и Компания».

С каждым годом, прожитым во Франции, как замечает Хорт, обрывались у Надежды Александровны «ниточки, связывающие ее с Россией». Но случались и приятные события. Так, неприязненные отношения с Зинаидой Гиппиус, существовавшие в Петербурге, сменились в Париже вполне уважительными. Гиппиус и ее муж Дмитрий Мережковский в 1926 году организовали в Париже литературное и философское общество «Зеленая лампа», президентом которого стал Георгий Иванов. Стенографические отчеты его заседаний печатались в парижском журнале «Новый корабль». Прошло два года и «воскресенья» оформились в литературную студию «Зеленая лампа». Прошло еще немного времени

точка — Кровавое воскресенье, во время которого императорскими войсками была расстреляна мирная демонстрация: *«Первая русская революция основательно встряхнула все общество, заставила на многое взглянуть другими глазами, произвела переворот в умах и душах людей».*

Начиналось, по словам Николая Гумилева, «время десяти тысяч

вер». Тогда окончательно и расцвел Серебряный век, воплотивший этот расцвет разномыслия. Вот отчего творчество Лохвицкой-Тэффи было востребовано русскоязычными читателями. Оно помогло не только глубже понять изменения в обществе, но и осознать свое положение в нем, а также эффективно способствовало национальной самоидентификации.

и возникли вечера «Зеленой лампы». На одном из таких вечеров Тэффи выступила с лекцией на серьезную тему: «Аскеза, отказ от жизненных благ».

Анни Безант: «Вселенная родилась из акта любви»

По своей натуре Надежда Александровна не была монахиней и, находясь в России, Германии и Франции, меняла мужчин как перчатки. О ее личной жизни судачили все, кому не лень.

И вдруг появился человек, с которым она не расставалась до самой его смерти 17 октября 1935 года. Им стал ее ровесник Павел Андреевич Тикстон, сын переселившегося в Россию английского предпринимателя. Он родился в Санкт-Петербурге, считался успешным бизнесменом, а в эмиграции возглавлял датское отделение страхового товарищества «Саламандра». С появлением этого человека ее жизнь превратилась в праздник, но внезапно этот праздник прервался. Причина была одна: из США в Европу пришла «Великая депрессия», и все деньги Тикстона в мгновение исчезли. Это было бы еще полбеды, но в октябре 1930 года в Копенгагене из-за сильных переживаний его разбил паралич.

На Надежду Александровну легли заботы по уходу за другом и возлюбленным. Требовалось что-то предпринять по поиску средств существования. Ее писательская продуктивность резко возросла. И вскоре было на что везти Павла Андреевича в расположенный в горах, в окрестностях Ниццы санаторий «Холм», а также нанять сиделок для ухода за ним. При отсутствии при Тикстоне сиделок позволило ей съездить в Польшу, где жили ее дочери. Старшая, Валерия Грабовская, по окончании Львовского университета работала

на дипломатической службе, а младшая дочь, Елена Бучинская, была известной польской актрисой. Хорт комментирует этот приезд: «На встрече с дочерьми лежала тень вины матери перед оставленными ею на попечении отца детей. Рана зарубцовывалась медленно. Но постепенно обе стороны нашли общий язык. Тэффи вернулась в Париж, и снова жизнь покатила по наезженной колее – уход за мужем, рассказы, фельетоны, пародии, скетчи и режиссерские сценарии».

В те же годы Тэффи от стихов, рассказов и пьес перешла к большой форме сатирической прозы – роману. Выход из печати в 1931 году «Авантюрного романа», действие которого происходит в Париже, в эмигрантской среде, где еще, как отмечает Хорт, «сохраняются быт и нравы прежней, дореволюционной жизни персонажей». Основная героиня романа, вокруг которой развивается сюжет и кипят страсти, – манекенщица Наташа. Не буду пересказывать сюжетные линии романа. Отмечу только, что несмотря на детективный жанр, первая его часть насыщена шутками и каламбурами. Поворот сюжета в детективное русло происходит во второй части романа. А там, где течет кровь, шутки-прибаутки, сами понимаете, неуместны.

Павел Андреевич Тикстон скончался 17 ноября 1935 года. За два года до его смерти в Париже постигла та же участь брата Тэффи – генерала Николая Александровича Лохвицкого, одного из видных фигур Белого движения на востоке России.

После издания «Авантюрного романа» Тэффи потянуло к драматургическим жанрам. Прежние скетчи уже не устраивали. Так появились из-под ее пера две пьесы: «Момент судьбы» и «Ничего подобного». Первая из них была поставлена в открывшемся в Париже в 1936 году Русском интимном

театре, созданном актрисой Диной Никитичной Кировой и просуществовавшем несколько сезонов. Тут надо заметить, что в отличие от русских театров, открывшихся, например, в Риге и Праге, русские театры во Франции государственную поддержку не получали.

С годами здоровье Тэффи ухудшалось. В марте 1939 года она слегла. Была парализована рука и измучили телесные боли, характерные при неврозе. К осени более-менее поправилась, но тут началась война: немцы вторглись во Францию со стороны Бельгии. В июне началась бомбежка Парижа.

Хорт восстановил тогдашние передвижения Надежды Александровны по Франции: «Как только Ванн, город на северо-западе Франции, подвергся бомбежке, она уехала в Анже (департамент Мен и Луара), где пробыла до середины июня. Потом переехала в Сали де Беарн, это на триста километров южнее. Во французской столице началась нешуточная паника. Все журналы были закрыты. Жители потянулись от греха подальше на юг. Не сидели сложа руки и русские эмигранты, многие из них рванули в Биарриц. Отправилась туда и Тэффи».

Но и в этом курортном городке на берегу Бискайского залива Надежда Александровна чувствовала себя хуже некуда. Хорт не сгустил краски, описывая ее физическое и моральное состояние: «Болезни следовали одна за другой, таблетки принимала горстями. Хорошо хоть, давали знать о себе дочка, оставшиеся в оккупированной Польше».

Она мало с кем общалась, жила замкнуто, да и писала мало. От тяжелой депрессии спасали старые друзья и знакомые. Она окончательно сдружилась с Мережковским и его женой Зинаидой Гиппиус. В их съемном просторном и роскошном доме регулярно собирались гости: поэт Виктор Мамченко, близкий

друг Мережковских, Ирина Одоевцева и ее муж Георгий Иванов, Александр Керенский с женой, австралийской журналисткой Лидией Тритон (когда Гитлер в 1940 году оккупировал Францию, Керенский успел уехать в США).

В августе 1944 года Париж был освобожден. Хорт точно описывает послевоенную атмосферу: «После войны с ее непрерывными стрессовыми ситуациями люди вздохнули с облегчением: можно, наконец, заняться привычными делами. Однако эхо прошедшей катастрофы еще долго давало себя знать. Скорбь по погибшим, неустроенный быт, поиски работы...»

Постепенно жизнь входила в прежнее довоенное русло. К тому же у людей проснулась тяга к чтению серьезных книг. Атмосфера в освобожденном Париже, куда на свою квартиру на Брассери, 59 вернулась Тэффи, была освежающей и животворящей. В 1946 году у Надежды Александровны выходит книга «Все о любви», состоящая из тридцати рассказов. Свое отношение к этому великому чувству она откровенно высказала в одном из своих стихотворений:

*Моя любовь – как странный сон,
Предутренний, печальный...
Молчаньем звезд заворочен
Ее призыв прощальный!*

*Как стая белых, смелых птиц
Летят ее желанья
К пределам пламенных зарниц
Последнего сгоранья!..*

*Моя любовь – немой богам
Зажженная лампада.
Моей любви, моим устам –
Твоей любви не надо!*

В последней книге Надежды Александровны «Земная радуга» напечатан автобиографический рассказ «И времени не стало». Вот что пишет об этом произведении



Тэффи. Рисунок Н.Альтмана. До 1917 года

Елена Трубилова, исследовательница творчества Тэффи: «Это словно взгляд Тэффи на весь пройденный ею путь. Здесь слышится мудрая терпимость к земному несовершенству, печаль от сознания невозможности изменить мир. Единственное, что под силу Тэффи, по признанию, сделанному ею в стихотворении “Благословение Божьей десницы...” – “свечою малой озарить великую Божью тьму”».

Тэффи (урожденная Лохвицкая, в замужестве Бучинская) умерла в Париже 6 октября 1952 года. На похороны из Лондона прилетела ее старшая дочь Валерия Александровна. Младшая, жившая в Польше, приехать не смогла – «железный занавес».

Вот что рассказала старшая дочь журналисту газеты «Русские новости»: «Моя мать обычно считалась юмористкой. Не спорю, в начале ее деятельности это, вероятно, так и было. Но позже, на чужбине, когда тысячи и тысячи русских людей только и думали о том, как выплыть, зацепиться за жизнь, не погибнуть, не потерять свой моральный облик, – могла ли она действительно осуждать или даже смеяться над кем бы то ни было? Мама много раз говорила мне, что на свете нет совсем плохих людей, что в каждом человеке есть много хорошего; что каждое живое существо имеет право на маленькую радость, тепло и солнце. Вот это, пожалуй, важнее всех написанных ею томов».

ОЧЕРК

ЖЕНСКИЙ БУКЕТ К 8 МАРТА

Несколько портретов выдающихся женщин, внесших большой вклад в мировую культуру

АЛЕКСАНДР БАЛТИН



Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. 1912

Сколько бы ни был жесток наш мир, женское начало в нем, всегда любовью согретое, невероятно нежное, вечно таинственное, манящее и, в сущности, мужским миром руководящее,

наполняет жизнь особой духовностью и необычайной красотой...

Ольга Книппер

Голос, благородство, задушевность... Ольга Книппер чаровала – и в жизни, и в недрах театральной игры.

Окончив частную гимназию, она жила барышней. Довольно длительное время отец запрещал заниматься ей театром, однако природное дарование и судьба победили отцовскую волю.

Поступить в студию к Александру Ленскому ей не удалось, но была принята в Московское императорское театральное училище, откуда, впрочем, отчислили. Трудно порой разглядеть подлинность дарования.

Первая из актрис, сумевшая передать особенности «чеховских» женщин, Книппер обладала той мерой обаяния, в которой словно растворялись и Маша, и Аркадина, и Сарра, оставаясь при этом каждая индивидуальностью.

Раневская не понимает, что происходит, не принимает данности, оставаясь в прекрасном мире собственных иллюзий. Ничего не изменится... Все давно изменилось: вишневый сад срубуют, жизнь набирает непонятные обороты. Растерянность, элегичность, нежность... и великолепная Раневская-Книппер уходит в галерею театральной классики.

Книппер были доступны разноплановые роли: заостренность трагизма оттенялась лиричностью, а голосовые модуляции позволяли передавать самое тонкое,



Галина Уланова в балете С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». 1952

душевное... И роли она создавала нетленные, как тексты, по которым они писались...

Галина Уланова

Земля становилась условной, воздух и полет делались реальностью – той, что завораживала, вызывала восторг и ощущение прикосновения к тайне небес, дарующих подобный гений...

Уланова творила танец. Virtuозный и нежный, глобальный и связанный с мистическими элементами бытия.

Она росла в семье артистов балета: мир танца раскрылся для нее с девяти лет, когда началась учеба.

Уланова исполняла Одетту – классический перл балета, – и виртуозная огранка движений чаровала,

пьянила, как великолепное вино. Сияла «Раймонда»... Сольвейг распускалась цветами воздушности, собирая в образе своем и некоторую суровость.

Партии Улановой становились откровениями театрального мира. Все элементы хореографии связывались незримыми нитями совершенного мастерства. Словно пропадала сцена, и действие, волшебное и захватывающее, творилось в воздушном пространстве. Конкретное обобщалось, жизненное поэтизировалось, обыденное отступало.

Линии классического танца были строги и чисты, как лепестки роз. Необыкновенную грацию и музыкальность Уланова придавала самым простым действиям. Сложные, технически изощренные танцевальные движения преподносились непринужденно и естественно.

Творилась алхимия: превращение всего низового в возвышенное, совершенное...

«Шопениана», «Спящая красавица», «Щелкунчик»... Красота завораживала... Души зрителей получали такой заряд прекрасного, что все безобразия людского бытования на земле бледнели.

В великолепном полете она растворялась в неизвестных пределах, поведав танцем своим так много...

Антонина Нежданова

Острослов и драматургический гений Бернард Шоу, услышав русские песни в исполнении Антонины Неждановой, воскликнул: «Я понимаю теперь, зачем мне природа дала дожить до таких лет...»



Антонина Нежданова в роли Татьяны в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин». 1917

Алхимический бархат и почти волшебное золото совмещались в голосовых возможностях певицы, давая ощущение прикосновения к небу... Искусство бельканто, сложное, требующее и развитой души, и соответствующего интеллекта, уникально, ибо связано с биением сердца вселенной.

Она происходила из семьи сельских учителей, в детстве пела в церковном хоре, позже обучалась игре на фортепьяно, училась в консерватории.

Нежная Снегурочка и несчастная Джильда из «Риголетто», эпохальная Эльза из «Лоэнгрин» – совмещение несовместимого, демонстрация бесконечных возможностей.

Сильный, нюансированный, бесконечный голос Неждановой высшего накала достигал в русских операх – в «Жизни за царя», в «Царской невесте». Людмила в опере Глинки и царица ночи из «Волшебной ночи» совершенно непохожи, хотя величественны каждая в своей мере.

Голос ее был прозрачен, верность интонации сочеталась с непревзойденной техникой колоратуры и виртуозностью исполнения. И ныне, даже в записях ощущается величие Антонины Неждановой.

Мария Петровых

Глубокая тайна мерцает в ее стихах – даже тогда, когда речь идет о чердаке,

об обыденности... которой нет, ибо свечение поэзии Марии Петровых противоречит заурядности, требуя и от читателя такой же способности к тончайшим душевным вибрациям:

*А на чердак – попытайся один!
Здесь тишина всеобъемлющей пыли,
Сумрак, осевший среди паутин,
Там, где когда-то его позабыли.*

*От раскаленных горячечных крыш
Сладко и тошно душе до отказа.
Спит на стропилах летучая мышь,
Дремлет средь хлама садовая ваза.*

*Ваза разбита: но вижу на ней,
Не отводя восхищенного взгляда, –
Шествие полудетских людей
С тяжкими гроздьями винограда.*

И гроздь винограда, кажется, ложатся в ладонь...

Легко, но и пышно строится пейзаж: он становится фантастическим, будучи реальным, он мерцает волшебством.

Шмель становится мимолетным персонажем стихотворения, осмысливающего природу поэтического дара, его неожиданность для самого поэта:

*А ритмы, а рифмы неведомо откуда
Мне под руку лезут, и нету отбоя.
Звонит в голове от имлиного гуда.
Как спьяну, могу говорить про любовь.
О чем же? О жизни, что
длилась напрасно?
Не надо. Об этом уже надоело.
Уже надоело? Ну вот и прекрасно,
Я тоже о ней говорить не хотела.
И все же, и все-таки длится дорога,
О нет, не дорога – глухая тревога...*

Особая тема, тема-боль, но и счастье – Армения. Розовый туф и острый камень, гортанное слово и алфавит. Мария Петровых чувствует Армению сердцем, словно воссоздавая ее в соцветиях созвучий:



Портрет Марии Петровых кисти Мартироса Сарьяна / Фото любезно предоставлено Домом-музеем М. Сарьяна в г. Ереване. Армения

*На свете лишь одна Армения,
Она у каждого – своя.
От робости, от неумения
Ее не воспевала я.
Но как же я себя обидела –
Я двадцать лет тебя не видела,
Моя далекая, желанная,
Моя земля обетованная!*

Величие земли, первой, кстати, принявшей христианство, как альфу альф, рождает некоторую робость, создает особый поэтический колорит стихотворений Петровых, посвященных Армении.

Литые стихи, обращенные к армянской земле, силе и славе ее, тайне и лентам истории, словно растворенным в армянском воздухе:

*Со мною только дни осенние
И та далекая гора,
Что высится
гербом Армении
В снегах литого серебра.
Та величавая двуглавая
Родная дальняя гора,
Что блещет
вековечной славою,
Как мироздание стара.*



Словно лелеет каждое слово, и все они, суммируясь, дают образ великолепия...

Наследие Петровых настолько просвечено красотой, что, кажется, все вокруг должно меняться в лучшую сторону...

*Ахматовой и Пастернака,
Цветаевой и Мандельштама
Неразлучимы имена.
Четыре путеводных знака –
Их горный свет горит упрямо,
Их связь таинственно ясна.
Неугасимое созвездье!
Навеки врозь, навеки вместе.
Звезда в ответе за звезду.*

Мария Петровых близка им – ее звезда горит схоже.

Юлия Друнина

Концентрация военной правды и боли, ужаса войны и кристаллов мужества дана в одном четверостишии:

*Я столько раз видала
рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне
не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Боль военных лет, коли опалила сознание, останется навсегда, будет томить и обвивать душу и не сможет не выхлестнуться в стихи, если участник войны – поэт.

Четверостишие Друниной грандиозно, оно заставляет чувствовать то, что, казалось бы, не в силах ощутить человек, на войне не бывавший.

Но, конечно, Друнина прежде всего лирик:

*А я для вас неуязвима,
Болезни,
Годы,
Даже смерть.
Все камни – мимо,
Пули – мимо,
Не утонуть мне,
Не сгореть.
Все это потому,
Что рядом
Стоит и бережет меня
Твоя любовь – моя ограда,
Моя защитная броня.*

Лирик с трепетными строками, и вместе с тем лирик, считающий возможным в стихотворении о любви упомянуть броню (отблеск войны), каковое слово вроде бы совсем не подходит к теме...

«Царица бала» и «Царевна», «Шторм» и «Не встречайтесь с первой любовью» – нити стихов сплетаются в общий свод, творимый Друниной, иногда тяжело, иногда с легкостью бабочки. Ее стихи продолжают мерцать искрами, изъятими из сердца поэта.

*Все зачеркнуть. И все начать сначала,
Как будто это первая весна.
Весна, когда на гребне нас качала
Хмельная океанская волна.*

*Когда все было праздником и новью –
Улыбка, жест,
прикосновенье, взгляд...
Ах океан, зовущийся Любовью,
Не отступай, прихлынь,
вернись назад!*

ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»

Окончание повести Валерия ПОВОЛЯЕВА

На дверях комнаты, в которой обитала семья Косяковых, красовался большой висячий замок, явно дворницкий, уже покрывшийся рыжеватыми ржавыми пятнами. Ржавь – признак того, что в комнату давно никто не заходил...

Постоял Косяков у двери с растерянным видом, подергал замок, прошел на кухню. Кухня всегда была самым светлым, уютным и теплым местом в жилом отсеке второго этажа. Ванька Косяков любил ее даже больше комнаты, в которой они размещались всем своим семейством.

Но сейчас кухня выглядела совсем иначе, чем в довоенную пору: обычно шумная, хорошо протопленная, освещенная пламенем нескольких керосинок, она сейчас была холодна, мрачна, пуста, тиха и никак не походила на тот уютный, хорошо обжитый уголок барака, каким кухня была раньше. Невидимая рука сжала горло Косякова.

От былого осталась лишь одна примета – хозяйственные столики, накрытые потрескавшимися клеенками. Они и раньше были потрескавшимися, клеенки эти, их ничто не затронуло, ни время, ни беды, ни немецкие бомбардировки. Косяков отступил к окну, глянул вниз, на тяжелый серый снег, лежавший на земле неопрятным комкастым одеялом и в то же мгновение засек слабый, едва различимый голос, донесшийся из недр одной жилой комнаты:

– Кто здесь?

В комнате этой обитала тетя Фруза Зинькова, любимая соседка Косяковых, отчаянная курильщица и матерщинница; она занимала самую малую комнатенку в отсеке, поскольку жила одна. Косяков

поспешно шагнул к ее двери, стукнул костяшками пальцев в крашенный косяк.

– Тетя Фруза?

– Я!

– Это Иван, сосед ваш... Косяков Иван.

– Г-господи, Ваня, – тетя Фруза, накрытая в кровати двумя одеялами, зашевелилась, с хрипом выдавила из себя застывшее, испорченное табаком дыхание – у нее были очень слабые, больные легкие. – Ванюшка, соседка любимый... С фронта?

– Так точно. Завтра возвращаюсь в часть.

– Приезжал-то зачем?

– Да-а... – Косяков замялся от внутренней неловкости; о полученном вчера из рук Каинина ордене он стеснялся говорить. – Были кое-какие дела в Москве, тетя Фруза.

– Понятно. Военная тайна, значит?

– Почти.

В груди у тети Фрузы раздался громкий хрип, она закашлялась. Кашляла долго, мучительно, потом отерла полотенцем губы и просипела виновато:

– В цеху у нас холодно, вот я и простудилась... Не убереглась. На бюлетене сейчас. А Зину нашу, маму твою Зинаиду Степановну мы похоронили на Чертановском кладбище.

– Я знаю, тетя Фруза. Меня с фронта на похороны не отпустили, ситуация была очень тяжелая... Спасибо, что маму не бросили, похоронили по-человечески. По обычаю нашим, русским. Вот только как мне найти ее могилу?

– Кладбище Чертановское большое, ты не найдешь могилу один, без провожатого. Особенно сейчас,

когда все засыпало снегом. Надо, Ванюш, ждать весны. Я к той поре освобожусь от простуды, обещаю. Немцев наши, думаю, от Москвы отгонят, тепло будет... А сейчас ехать на кладбище бесполезно, Ваня. Терпи до мая месяца, до Пасхи.

Тетя Фруза с шумом втянула в себя воздух, в груди у нее что-то заклокотало, зашумело, она несколько раз бухнула себе в ладонь кашлем и чуть было не зашлась в мучительном приступе, но не зашлась, справилась с собою.

– Может, мне в аптеку сгонять, лекарств каких-нибудь купить, а, тетя Фруза? – предложил Косяков и в то же мгновение понял, что предлагает он штуку совсем нереальную: ну какие аптеки сейчас могут быть в Москве?

Вместо ответа тетя Фруза лишь отрицательно покачала головой, вновь утерлась полотенцем... Просипела с трудом:

– Извини меня, Ванюш. А ты... ты сходи в свою комнату, посмотри, все ли там на месте. Ключ ваш вон, на гвозде около двери висит.

Косяков расстегнул ремень тяжелой, плотно набитой полевой сумки, достал кусок ароматного белорусского сала, банку тушенки и полтора десятка кубиков какао, завернутых в красноармейскую газету, выложил все на небольшой раздвигающийся стол.

– Тетя Фруза, это вам, подарок с фронта, – пояснил он. – Много, к сожалению, нету, а немного, чтобы на зуб положить, побаловать себя, есть. Это от летчиков-штурмовиков.

– Ваня, да нас в цеху кормят... И домой иногда кое-какую еду дают.

– Но вы же не в цеху сейчас. Поэтому берите.

Он открыл дверь в свою комнату и чуть не охнул – что-то вновь сдавило ему горло. Это было прошлое, неожиданно упавшее на него откуда-то сверху, – накатило, подмяло... Косяков не выдержал, поспешно опустился на стул, прикрытый плоской подушкой, чтобы мягче было сидеть. Зинаида Степановна очень любила этот стул, если выдавалась свободная минута (а такое возникало нечасто), мать обязательно присаживалась на него, опускала руки на накрахмаленную тугую скатерть, которой был покрыт стол, и отдыхала.

Вечером ставила на стол ручную машинку «Зингер», шила что-нибудь, иногда брала заказы – по портняжной части она была неплохой мастерицей. Так к зарплате прибавляла еще пару сотен рублей, на которые сыну можно было справиться и брюки, и ботинки, и рубашку, скроенную из клетчатой шотландской ткани.

Плотная льняная, зеленая с розовым, скатерть, которая лежала на столе, тоже была знакома – ею мать премировали на работе, вручили перед праздничным днем Восьмое марта... Скатертей в доме было три, две из них мать обязательно крахмалила, чтобы они лучше выглядели и рождали в душе светлые чувства, а эту, хоть и неяркую, но нарядную, крахмалить не надо было, она была плотная до скрипа, легко стиралась и очень скоро стала у матери любимой.

Вообще-то Зинаида Степановна быстро привыкала к новинкам, появляющимся в доме, любила их, взыскательно относилась к одежде, избегала покупать дешевые вещи, считала, что лучше иметь в своем гардеробе один дорогой костюм, чем четыре дешевых, и была, естественно, права. На дорогой костюм надо было копить деньги, иногда долго – два, а то и три года, зато прослужит он лет десять-двенадцать, не меньше

и что важно – всегда будет выглядеть прилично.

– У англичан, Ваня, – сказала она как-то сыну, – есть поговорка: «Я не столь богат, чтобы покупать дешевые вещи»... И они правы, эти высокомерные британцы. Дорогая вещь, даже поношенная, будет выглядеть дорого, а дешевая, ни разу не надеванная, будет смотреться дешево, это закон.

Косяков, невольно задыхаясь от нахлынувшего прошлого, от нежности, восхищенно покрутил головой: мать была умной женщиной. Оглядел комнату. Ничего здесь не изменилось, все находилось на месте, ничего не сдвинуто, не переставлено, даже грязи нет – только кое-где надо стереть пыль, и все, мать была не только большой умницей, но и великой чистюлей, это было заметно очень и очень, и заметно именно сейчас.

Жаль, что ничего не получится с Чертановым, а надо было бы побывать там, на могиле, попросить у матери прощения, что не сумел проводить ее в последний путь, потому что шли очень тяжелые бои, горела тогда не только земля, горело небо, самолет Косякова попал под огонь немецкой зенитки и сам он был ранен... Все это осталось позади.

Следующий заход надо было сделать к Шерстневым, узнать там, что с Полиной, почему она не отвечает на письма? Отец ее, скорее всего, на фронте, сама Полина наверняка работает... А мать? Мать может находиться дома.

С другой стороны, совсем не факт, что мать старательно поливает на кухне горшки с популярной бегонией и пугает в бараке мышей, пришедших на зиму с поля и занявших в жилье все свободные углы.

Он опять сунулся к соседке. Та, несмотря на кашель, температуру и простудную отечность лица, снова взялась за папиросу. В комнате было дымно.

– Тетя Фруза, я уезжаю... Зайду сейчас в соседний барак – и на поезд, в свою часть. Не надо ли чем-нибудь помочь? Воды принести или чего-либо еще?

– Не надо, Ванюша, все есть. Ко мне сегодня с работы женщины придут, они и помогут, и принесут, ежели что. Да и потребности мои... – тетя Фруза рукой разогнала дым перед лицом, – их, по-моему, у меня совсем нет. Ты напиши с фронта, расскажи, как там дела у вас, ладно? Это будет для меня, для цеха нашего очень важно.

Тетя Фруза поднесла ко рту кулак, забухала в него затычным хриплым кашлем. Под этот кашель Косяков и покинул барак.

Тротуар, ведущий к Шерстневым, также был расчищен. Раз расчищен, значит, в бараке живут люди. Кое-где по расчистке пробежал ветер, шевелил снег – длинные аккуратные косички пролегли от одной бровки тротуара к другой, затвердели от мороза.

В тамбуре подъезда было темно, пахло мышами и чем-то сухим, приятным, словно бы по сумеречным сухим углам здешним какая-то неведомая старушка развесила пучки летних трав и они, обратившись в сушняк, теперь издают приятный очищающий запах.

Звонок у входа в отсек, где находилась комната Шерстневых, не работал, Косяков постучал костяшками пальцев по дряблой, крашеной темным суриком фанерной обшивке двери.

С третьей попытки дверь открылась, на пороге возникла крохотная, похожая на древнего эльфа старушка в детской овчинной душегрейке, смерила старшего лейтенанта с головы до ног строгим немигающим взглядом:

– Тебе кого?

Голос у нее был скрипучим, каким-то несмазанным. Может, старушечка когда-то преподавала в гимназии, а потом и в советской

школе, лупила нерадивых учеников линейкой по лбу и делала это с большим удовольствием.

– Я к Шерстневым, – сказал Косяков.

– Их нет.

– А где они?

– Я тебе что, должна это докладывать?

– Докладывать не надо. Я сосед ваш, до войны жил в восьмом бараке, теперь вот... ненадолго приехал в Москву с фронта.

Старушечка окинула его с головами до ног немигающим взглядом.

– Ну, восьмой барак – это далеко отсюда, – проговорила она настырным тоном, – соседи обычно живут гораздо ближе.

– Я просто пришел удостовериться, живы ли Шерстневы, все ли с ними в порядке?

– Зайди в милицию, там тебе все и удостоверят, – прежним скрипучим, сделавшимся неожиданно злым голосом произнесла старушка. – Ладно, – Косяков открыл сумку, достал оттуда банку тушенки, последнюю. – Натя! На обед вам и ужин. Продукт с фронта.

Старушечка проворно цапнула банку. Ну, старушечка, ну, старушка! Ловкая, однако. Косяков застегнул сумку, хотел было уйти, но старуха остановила его.

– Погодь! – Голос ее, только что бывший скрипучим, замусоренным, словно говорил не человек, а некая древняя тыква, которую ни разу в жизни не поили водой, изменился, вдруг стал ясным, чистым.

Косяков вопросительно поднял голову.

– Старик Шерстнев находится на заводе, днюет там и ночует, а дочь... дочь ушла на войну.

– Куда, куда ушла? – Косяков почувствовал, как в горле у него возник комочек, шевельнулся недобро. От этого внутреннего движения даже в висках возник холод.

– Я же русским языком сказала – на войну, – в голосе старушонки

вновь послышались недовольные скрипучие нотки.

– Господи, что Полине делать на войне? – расстроено проговорил Косяков. – Ей в институте надо учиться, образование получать, профессией обзаводиться, – Косяков махнул рукой, словно бы хотел остановить невидимую Полину, но останавливать было поздно.

– Несколько раз она приезжала сюда, все время в военной форме, – добавила старушонка.

Что сказать в ответ, Косяков не нашел, а точнее, не решился просто; пуля на войне ведь не выбирает, кого ей клюнуть, мужчину или женщину, солдата или генерала, сечет всех подряд, кромсает безжалостно, – снова махнул рукой, прощаясь со старухой и покинул подъезд.

Надо будет написать отцу Полины, спросить, он ответит, расскажет, где дочь, что с ней... И еще, может быть, написать тете Фрузе. Тетя Фруза – шустрая, знает много, ответит обязательно. А отец Полины может и не ответить, он человек суровый, к Косякову, например, относится не очень благожелательно. А вот где мать Полины, старший лейтенант спрашивать не стал. И без того он загрузил старушечку неподъемными вопросами.

Одернув на себе шинель, поправив пояс и португеею, Косяков вышел на улицу, поежился от ветра, сыпанувшего ему в лицо пригоршню колючего, отвердевшего на морозе снега. Вот и все, вот и встретился он со своим прошлым, с детством своим, со стенами, в которых познавал мир, где учил грамоту, откуда пошел в летнюю школу... Отсюда он убегал по выходным дням на занятия в аэроклуб, здесь же, с неба, с воробьиной высоты, когда научился летать, разглядывал крышу своего барака.

Смахнув с лица снег, которым его угостил здешний ветер, он двинулся к «Эмке», терпеливо ожидавшей его. К людям подгробалась зима,

морозная и ветреная, лютостью своей она стремилась защитить землю, которую любила, и на главную командную должность уже назначила своего придворного полководца, генерала Мороза. И генерал этот причинит немцам хлопот не меньше, чем Жуков и Рокоссовский, очень скоро ставшие маршалами: фрицы еще не раз попадут под его умелые удары.

Утро следующего дня, точнее жидкий серый рассвет, Косяков встретил в нескольких сотнях километрах от Москвы, в гулко громящем на жестких рельсовых стыках вагоне пассажирского поезда.

Место ему досталось неплохое – на второй полке общего вагона. Жаль, что там можно было только лежать: для того чтобы выпрямиться, просто не хватало места. Впрочем, народ превращал в лежачие места и третьи багажные полки, они тоже были заняты во всех без исключения отсеках вагона... Место было исключительно командирским, отсюда можно рассмотреть что угодно, любую цель; можно было даже «управлять боем».

Косяков возвращался в свою часть. На неприметной, разбитой бомбами станции, над которой недобро чернел остов сгоревшей водоканчки, он решил выйти из вагона, размять немного кости. Спрыгнув с вагонной ступеньки на перрон, точнее, на взрыхленную, исковерканную ямами земляную площадку. Часть ям уже успели засыпать битым мусором, а сверху залепить неровности глиной. Косяков потянулся сладко, распрямляя тело и онемевшие от лежания на полке ноги, подумал, что неплохо было бы, если б на перроне оказалась какая-нибудь старушка с жареными пирожками.

Но нет, старушек ни на перроне, ни на самой станции не было. Станцию постоянно бомбили немцы, застревать здесь было опасно, вражеские самолеты появлялись

внезапно, пронеслись на хорошей скорости, укрыться от них было трудно. Это здешние торговые старушки усвоили очень хорошо, к условиям приспособились толково и по части оперативной обстановки соображали не хуже генералов...

Из-за сгоревшей водокачки так круто и горько пахло бедой, пожаром, холодом, горем, пробило буквально до костей, что Косяков, передернув плечами, даже поднял воротник шинели. Покосился на плоскую выцветшую руку поврежденного ударной волной семафора, стоявшего метрах в сорока впереди от перрона. Рука была опущена – значит, путь еще закрыт.

Может, раскуроченные рельсы ремонтировали за ближайшим поворотом, в лесу; может, шпалы, разлохмаченные взрывами, меняли, всякое могло быть.

С севера, вслед за пассажирским поездом, словно бы специально привязанные, ползли плотные, прочно сбитые облака – погода была нелетной. Косяков невольно вздохнул: слава Богу, что погода нелетная, станция целее будет. Надо возвращаться в вагон – на перроне очень уж промозгло.

Вдруг кто-то взял его сзади за локоть. Косяков оглянулся. Господи, быть того не может! Дядя Ваню, начальник поезда, который полторы недели назад доставил Косякова в Москву, человек, умеющий готовить фантастически вкусный, просто редкостный чай... Огромная кепка, натянутая чуть ли не самый нос, из-под козырька поблескивают двумя мокрыми мелкими пятнышками глаза.

– Дядя Ваню! – не удержался от удивленного восклицания Косяков, раскинул руки в стороны. – Дорогой дядя Ваню!

Дядя Ваню покивал головой утверждающе, как-то по-старчески, подбородок у него неожиданно затрясся.

– С-сынок, – засипел он влажным слезным голосом, – мой с-сынок...

Косяков все понял, прижал начальника поезда к себе.

– Дядя Ваню... Дядя Ваню!

Тот слотнул что-то с гулким звуком, сжался, будто хотел спрятаться от раскаленной свинцовой струи.

– Погиб мой сын, товарищ командир, – едва слышно просипел он, – в бою воздушном. Я получил письмо...

Тут губы у него сомкнулись, словно бы склеенные слезами, он напрягся, пытаясь силой разомкнуть их, но из попытки ничего не вышло.

– Письмо от командира полка, – наконец проговорил он. – Тот написал, что сын погиб геройски.

Дядя Ваню втянул в себя воздух, зябко передернул плечами. На несколько мгновений он затих, пытаясь прийти в себя, но и этого не сумел сделать.

– Дядя Ваню, дядя Ваню, – сочувственно пробормотал Косяков, успокаивающе погладил начальника поезда ладонью по спине, – дорогой вы мой...

Ну что еще он мог сказать этому человеку, как успокоить его и чем? Все слова, очень необходимые в таких ситуациях, делаются пустыми, ненужными, вообще лишними – погибшего-то не вернуть... О нем останется только память, боль, сожаление, что мало успел для него сделать – это касается в первую очередь отца, – не додал тепла, участливости, нежности, заботы, не одарил улыбкой, лаской, когда провожал на фронт...

Война еще заберет многих, к этому надо быть готовым.

– Дядя Ваню, мы опять с вами в одном поезде едем? Это же судьба! – воскликнул Косяков и сам себя поймал на некой больно задевающей убитого горем отца фальши, – не то он говорит, не тем голосом, не тем тоном, вот ведь как...

– Нет, не судьба, – просипел дядя Ваню с трудом, – мой поезд идет в Москву, а ваш – на юг.

Только сейчас Косяков разглядел, что за товарняком, стоявшим рядом с их пассажирским, разместился еще один поезд, тоже пассажирский, составленный из старых зеленых и синих вагонов с узкими окнами. Это были вагоны еще до революционной, царской поры.

– У нас длинная стоянка, – сказал дядя Ваню, – мы еще будем стоять, а ваш поезд должен был бы уже отправиться, но что-то там впереди произошло и вас задерживают.

Он втянул в себя с болезненным стоном воздух, выдохнул. Что бы там ни происходило, какое бы горе ни навалилось на него, он находился на службе и должен был исполнять свои обязанности. Даже задыхаясь от боли.

– Думаю, минут через десять вы уйдете, – дядя Ваню отер ладонью глаза. – Задерживаться тут нельзя – очень опасное место. И график будет нарушен. Здесь ведь как – стоит лишь чуть приподняться облакам, тут же появляются фашистские самолеты. Они очень любят бомбить гражданские поезда на незащищенных станциях.

Дядя Ваню был прав.

Через десять минут поезда, идущий на юг, всколыхнулся, громко залязгал железными буферами, паровоз зашипел, окутался серым раскаленным паром и состав протрещал застучал колесами.

Поезд дяди Ваню остался на станции.

Больше они никогда не виделись – ни летчик Косяков, ни отец погибшего стрелка-радиста тяжелого бомбардировщика-«дальнобоя»: жизнь раскидала их по разным дорогам. Да и у самого Косякова судьба очень скоро сделала вираж в сторону, на параллельную, проходящую рядом колено, – из Москвы пришло распоряжение перевести его в авиацию дальнего действия.

Это была уже другая работа, совсем другая, очень отличимая от работы штурмовой авиации – все тут было иное, не только люди и машины, даже жизнь здесь была иная. Стремительных бросков навстречу какой-нибудь прорвавшейся фронт немецкой танковой колонне, когда летчиков поднимали во время обеда в столовой и, не дав им стереть прилипшую к губам лапшу, бросали на тяжелую штурмовку, здесь не было... Полеты авиации дальнего действия готовились загодя, начинались с планирования и тщательной разработки всего полета, заседаний штаба с обязательным участием генералов из фронтовых управлений, с глубокой разведки и множества других действий, которые летчикам штурмовой авиации были неведомы совершенно.

И аэродромы летчиков-дальнобойщиков располагались в таком глубоком тылу, что не только звуков фронта, но и обычных выстрелов, когда в тире Осоавиахима опробывают винтовки, не было слышно совсем: они находились в глубоком тылу.

Сорок первый год был самым тяжелым для Советского Союза: немцы старались изо всех сил взять Москву в железное кольцо и запечатать кольцо это чудовищным замком, чтобы Красная армия разбилась в лепешку и ничего не сумела бы сделать для снятия блокады. Но из этих стараний ничего не вышло.

Второй план, уточненный, со всеми поправками, которые были нанесены головастыми гитлеровскими генералами, рассчитанный, выверенный до мелочей, выскобленный добела настолько, что не оставалось ни одного вопроса, на который не был бы дан ответ, был привезен экипажем Серебрякова из Смоленска в Москву вместе с автором-разработчиком. О том, что находилось в старом генеральском

портфеле, Косяков узнал лишь в декабре сорок первого года.

А пока выходило, что фрицам не оставалось ничего иного, как заниматься новым вариантом плана, третьим, а это займет времени очень даже немало.

Интересно было бы узнать, что стало с оберштурмбанфюрером – нашим разведчиком, но это было невозможно, совсем невозможно. Лишь очень малый круг людей может знать, кем конкретно был этот оберштурмбанфюрер и что с ним стало после того, когда «Ю-88» поднялся в воздух со смоленского аэродрома.

Уже находясь на новом месте, в дальней авиации, Косяков получил письмо из Москвы от тети Фрузы... Тетя Фруза благополучно выздоровела, встала на ноги и вернулась в свой цех, а совсем недавно встретила у водяной колонки старого морщинистого кузовщика Филиппа Шерстнева. Филипп набирал воду в старое «барское» эмалированное ведро и плакал.

– Ты чего? – накинулась на него тетя Фруза. – Нервы, что ли, сдали? Или еще чего произошло?

– Полинка погибла, – давясь словами, задыхаясь, с трудом проговорил кузовщик. – Похоронка пришла.

– Господи! – от горькой неожиданности, сдавившей ей горло, тетя Фруза чуть не села на снег. Скорбная новость ошеломила ее. – Господи!

Старик Шерстнев держал ведро под тонкой струйкой, неторопливо льющейся из крана, вода уже переливалась через край, текла на галоши, в которые были втиснуты мягкие, хорошо разношенные валенки, но человек не видел этого. Он плакал, давился горькими слезами, обжигавшими ему горло, хрипел и никак не мог совладать с собою. А тетя Фруза ничем не могла ему помочь. Горе есть горе, лекарств от него не существует.

На следующий день у себя в цеху, во время лекторской пятиминутки тетя Фруза прочитала в свежей «Правде» указ, подписанный Калининным, из которого узнала, что ефрейтор специального подразделения Красной армии Шерстнева Полина Филипповна награждена орденом... Посмертно.

У тети Фрузы глаза защищало так, что она не сумела даже прочитать название ордена, пространство перед ней словно бы наполнилось живым шевелящимся туманом... Только вытерев глаза концом платка, она прочитала: «...орденом Красного Знамени». Следом было напечатано короткое страшное слово, уже ударившее ей в голову: «посмертно».

Тетя Фруза снова вытерла глаза и с трудом поднялась с места: надо было становиться к станку – к ней уже спешил надзирающий мастер с белыми от злости глазами. Гнев начальника был понятен, тетя Фруза разделяла его – немцы ведь находились уже рядом с Москвой, рукой дотянуться можно было. Оружие, боеприпасы на фронт, находящийся буквально под боком, у городских окраин, поставляла Москва. Столичные заводы работали без перерывов на обед, перерывы были только на сон. И то лишь потому, что невыспавшийся человек не мог стоять у станка, наклонившись над крутящейся деталью; его легко могло затянуть под резец, намотать на вал, изувечить, убить. Если не станет рабочих умельцев, то кто же тогда будет вытаскивать из железных болванок головки снарядов?

В обед тетя Фруза снова заглянула в Красный уголок, увидела на столе «Правду», специально оставленную пропагандистом, чтобы народ самостоятельно читал газеты и просвещался без его усталого бормотания, наматывал новости на ус... Молодец пропагандист! Тетя Фруза переписала на бумажку номер газеты и номер полосы, на которой был опубликован указ о награждении.

Три вечера понадобилось ей, чтобы сочинить письмо Косякову – трудно было, сочинять тетя Фруза не умела, в собственной грамотности сомневалась, потому так долго и кряхтела над бумагой, проливая пот (почему-то ей хотелось во многих местах, нужных и ненужных, рисовать между словами букву «ъ», вот такая свалилась на нее заморочка); письмо она все-таки одолела, сложила его треугольничком и отправила Косякову. На фронт.

Немного поплакала: жалко было Полинку, юную, красивую, живую, похожую на цветок, радовать бы ей людей, источать теплый свет и дальше, самой радоваться, но... Жалко было и соседа Ваню Косякова, у которого невесть еще как сложится жизнь, да и судьба тоже, – ребята эти ведь еще и света белого толком не видели, не надышались воздухом... Видели лишь смерть, охо-хо-хо! Было отчего плакать тете Фрузе. Да только слез в ней почти не осталась – все выплакала. Почти до доньшка.

Капитан Косяков, который всего несколько дней назад обменял три рубиновых кубика старшего лейтенанта на одну капитанскую шпалу и незамедлительно ввинтил эту шпалу в петлицы, долго сидел над письмом, совсем не ощущая, как гулко хлопнется у него кадык, пробивая в глотке возникшую пробку, мозг оглушают удары боли, рвущей виски, трясущийся подбородок неожиданно падает на грудь с костяным стуком и Косяков слышит собственный стон...

«Эх, Полина, Полина, дружок забвенный...» Голову ему что-то сдавило, стиснуло сильно – так, что дышать сделалось нечем, – похоже, неведомая рука, железная, стальная решила отправить его на тот свет. Он протестующе помотал головой: нет и еще раз нет! Поспешно растегнул на гимнастерке крючки отложного воротника.

Он ошутил сейчас себя стоящим на краю пропасти, остается лишь на полтора десятка сантиметров, на полступни сдвинуться вперед, сделать крошечный шаг и он закувыркается вниз, в холодную затуманенную бездну... Нет, не дождутся этого от Косякова.

Ему еще многое предстоит сделать. Во-первых – бить фашистов, бить до тех пор, пока они не перестанут шевелиться в своих танках и самолетах, в норах своих, бомбить города, в которых находятся их родовые гнезда... Уничтожение родовых гнезд – это его нынешнее дело, он ныне – летчик авиации дальнего действия, той самой авиации, которая может дотянуться до самого Берлина. Что, кстати, уже несколько раз было сделано нашими пилотами. Очень сильно заматались тогда фрицы, неуютно им стало. В конце концов, уроки, которые были преподнесены немцам, неплохо бы и повторить.

Во-вторых, надо узнать, где погибла Полина, как погибла, кто был свидетелем боя, где ее могила – в общем, все, все, все... И принести на ее могильный холмик цветы. А потом, если, конечно, он будет жив, поставить там памятник.

На улице коротко всхрапнул и через мгновение угас, словно бы захлебнулся в собственном храпе аэродромный ревун, потом всхрапнул еще раз – это был сигнал сбора экипажей у своих самолетов. Косяков, пытаясь выправить сбитое горькой новостью дыхание, поспешно натянул на себя меховой комбинезон, унты, потопал ногами, проверяя, не жмет ли где чего? Летали дальние бомбардировщики на очень приличных высотах, за облаками, там было морозно и даже очень морозно, поэтому экипажи и одевались, как на Северный полюс... Чем больше меха натянуто на пилота, тем лучше.

Через плечо Косяков перекинул планшетку и спустил несколько

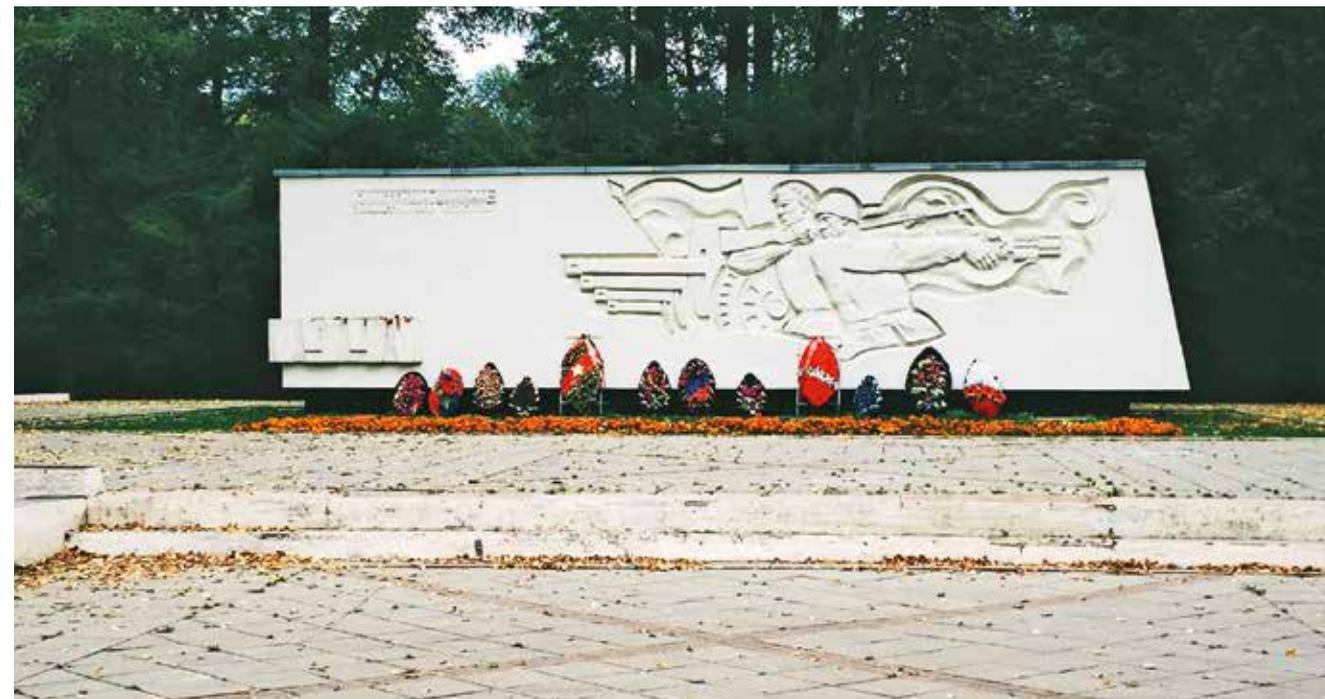
минут уже находился у своего самолета, где топтался, проводя предполетный осмотр – последний перед тем, как капитан вырулит на взлетную полосу, – старый, седой, небрежно выбритый механик со своим помощником.

Фамилия механика была Гуменюк, его верного помощника – Гаврилюк (в рифму), оба пришли в авиацию с Украины и считались настоящими доками в своем деле. Могли легко поставить самолет на танковые гусеницы – и он побежит очень шустро, с лязганьем; либо приладить к носу бомбардировщика гаубицу – и тогда можно будет не только швырять фугасы, но и прицельно палить с высоты по наземным целям. И так далее. Это были великие рационализаторы...

Увидев командира, Гуменюк вытянулся перед ним, скрипнул снегом, прилипшим к подошвам сапог, четко и устало доложил, что самолет к выполнению боевого задания готов.

«Ну, а экипаж тем более готов», – Косяков кивнул механику. Плотный соленый комок, сидевший в глотке, помягчел и готов был растаять совсем, но капитан пока не мог говорить, все звуки прилипали к языку намертво... Вместо речи – какое-то несвязное страусиное шипение. Но пройдет еще немного времени, и он справится с собой. Окончательно справится. И будет мстить фашистам за Полину.

Он молча проследовал за Гуменюком, прошелся с ним «по узлам», как говорил механик, и так и не произнес ни слова. Благодарно выслушал доклады «по узлам» и благодарно наклонил голову. Понятно было и другое: оба механика выдохлись, готовя самолет к долгой дороге, к работе, но после того, как несколько эскадрилий уйдут в сторону Германии на глубинную бомбежку, у них будет время отдохнуть. Хотя вряд ли они станут отдыхать беспробудно. Особенно дотошный,



Мемориал «Советским воинам – защитникам Москвы» в Грачевском парке

придирчивый к мелочам Гуменюк, который знает самолет до последней, самой мелкой гайки.

– Желая хорошего взлета и счастливого возвращения домой! – Гуменюк коснулся пальцами правой руки виска, Косяков козырнул ответно и, почувствовав, что у него уже почти возродился голос, вздохнул и просипел обыденно, будто они собрались после работы зайти в знакомый шалман, чтобы выпить по кружке пива и заесть горьковатый хмельной напиток слабосольной мойвой домашнего приготовления:

– Спасибо, брат!

Дорога воздушным дальнебомбардировщикам предстояла тяжелая, длинная, не все машины вернутся домой, – и разборки после этого будут, и плач, и наказания, а потом экипажи снова начнут собираться в дальний путь.

Общая судьба летчиков дальней авиации распространялась теперь и на Косякова: он не знал, возвратится ли на аэродром или, подбитый вражескими зенитками, сторит

на земле, где-нибудь в белорусских лесах. Кому что выпадет, кого какая доля ждет впереди, не знал из них никто.

Может, у кого-нибудь сейчас возникла внутри смертная тоска или рождались недобрые мысли. Сверху приходил знак, но обнародовать его было неудобно, засмеют ведь; все могло быть, поэтому экипажи без всякой болтовни размещались в своих машинах, поглядывали хмуро на небо, желая рассмотреть там свою личную звезду, что там на ней – блестит, чистая она или же ее неосторожно заволокло пороховой копотью... Плохо, когда звезду, определенную человеку судьбой, накрывает недобрая тень.

Через двадцать минут все самолеты находились уже в воздухе, взлетали кучно, быстро, хотя и отличались неуклюжестью, – как и все громоздкие бомбардировщики, независимо от марки и страны происхождения, – затем построились в боевой порядок и двинулись на запад.

Заходящее солнце стреляло пилотам в лицо, до отказа набитые

снегом облака, обложившие Москву, вскоре отступили на восток, остались за хвостом армады.

Громко, с музыкальным металлическим звоном работали моторы машин, голова у летчика Косякова была занята одним – полетом и предстоящим выходом на цель, все остальное словно бы забылось, даже недобрые вести, принесенные письмом тети Фрузы, тоже вроде бы отодвинулись на второй план, хотя озноб не проходил... Конечно же, забыть это временное, до возвращения домой, но вот дома (если, конечно, он вернется), все всплывет вновь и оглушит его.

О мести за Полину он пока не думал, но мстить надо. За гибель любимой девушки, за боль и слезы земли своей – родной до стога, до сердечных спазмов, ведь здесь он родился и вырос, здесь стал человеком... Косяков должен за все отомстить, и он это сделает.

Обязательно сделает и не успокоится до той горькой минуты, когда перестанет жить сам.

ТОЛЬКО У НАС

СНЕГОПАД

Предлагаем вниманию читателей рассказ Владимира Титова, любезно предоставившего нам право первой публикации

Какой же дом-то? К тому же улицы тут расходятся лучом, и какая из них левая, а какая правая? От развилки, помню, дом второй или третий, но какой именно? И дверь неприметная, как и все другие в этом ряду. Нет, без адреса не найти.

Друг мой Виталий Стацинский пригласил встретить у него Новый год. Прихватил я бутылку хорошего вина, отправился в гости. По пути вспомнил, что забыл дома и адрес, и телефон. В тот момент только началось наше общение – это уже потом задружили крепко-накрепко, а тогда я шел к нему второй раз и не твердо помнил дорогу.

Обитал он в особняке, нечастое явление для Парижа; это по периферии весь он опоясан особняками, а в самом городе их не увидишь. Но уж если попадешь туда... Идешь по улицам, заходишь в обычную, как и все другие с улицы дверь и оказываешься в другом мире. Тихий дворик, ничего не напоминающий о том, что осталось за воротами: может утопающий в зелени сад с могучими каштанами, может каменный мешок, выложенный древним булыжником с цветущими в огромных бочках магнолиями, рододендронами, глициниями.

У Виталия дом походил на большой длинный сарай, неожиданно загибающийся буквой Г. Дико



заросший сад с большими деревьями, одичавшим виноградом, цветущими сорняками. Лишь половина дома адаптирована была к жизни, остальное пространство было завалено причудливым хламом. По соседству располагалась самая большая в Париже барахолка, откуда тащил он всякую забавную рухлядь. На стене висел настоящий, один из первых, видимо, полностью из дерева сделанный (даже спицы) велосипед. В карнавальных одеяниях дамские манекены,

с разукрашенными лицами журнальных красоток (одна в противогазе). Из прошлых времен непонятные приборы, инструменты неясного назначения. Там и граммофон, и старый телевизор с застывшим на экране навеки лицом, писанным масляными красками знаменитой красавицы-кинодивы, и множество другого всякого, чему и названия подобрать трудно. В саду в живое дерево вделана розетка, в которую вставлен тридцатых годов телефон. Посреди сада хитроумным образом под наклоном установлена лестница, ведущая в никуда, в небо. Веселый в общем дом.

Попадать в тот чудом мир надо, войдя в один из домов, что стеной тянутся по улице, пройти этот дом насквозь, и тогда попадаешь в сказку. Да ведь и код двери той знать надо.

Все! Сдаюсь...

В подобных случаях я привык не биться головой об стену, а наоборот, находить приятные стороны создавшегося положения.

Пошел снег. Неожиданно, как бы из ничего. Спокойный, безветренный; он даже не падал, а крупные хлопья бабочками тихо опускались, покачиваясь, не задевая друг друга. Я подставил ладонь, поймал одну и рассматривал, как что-то живое, пока она не исчезла. Сверху из темноты они возникали белыми

парашютами, на свету кружились уже темными пятнами, а на фоне черного провала кладбища Пер-Лашез в конце улицы, попадая в поток фонарного света, вспыхивали яркими блестками. Затем повеселел, стал усиливаться и повалил по-настоящему. Затеялась

А вокруг уж чертом носилась метель. В восторге я мельницей замахаю руками: ну давай, сильнее, сыпь больше, чтоб ни земли, ни неба не видать было. Хлопья забивали глаза, таяли, струями стекали по лицу. Загрохотали, затрещали вокруг петарды.

«Девочка растрепана, красавица пурга». Шаламов...

И тут, уличная ведьма ворвалась в зал. Человек в белом наряде с охачкой посуды, подыгрывая уличной пляске, стал колотить тарелки об пол, завалив все белым фарфоровым крошевом. Гости повскакивали с мест и заплясали на битом стекле (такова традиция) лихой свой греческий танец.

Вышел на улицу. Чуть попритихло. Открыли метро. Утро.

На следующий день проспал до обеда. В окно лепило солнце. А улицы – невиданное дело – завалены снегом, настоящим, и тени синие по нему, как в Москве. Разухабистые сугробы, снегом завалены стоящие на тротуаре машины, дороги расплзлись пьяными колеями.

Выбежал на улицу и стал рисовать подаренную чудом сказку.

Машины, кряхтя, трусливо пробрались сквозь серое месиво. Опасливо ставит какая-то дама ножку в снег, не зная, где каблучок коснется твердого. Это был, пожалуй, единственный раз за многие годы, да какой там – десятилетия, когда снег выпавший продержался до следующего утра. Но сказка все же была.

По свежим следам я намахал большую картину. Доволен ей был как никогда, что случается нечасто. Но недоумение вызывали зрители. Все как один, то спрашивая, то утвердительно, отвечая самим себе, говорили – Москва?!.. Хотя на картине присутствовали явные элементы парижской улицы.

Вначале я пытался возражать, в бой кидался, затем понял – бесполезно. Объяснения мои никого не устраивали. Люди хотят видеть то, что хотят...

Сейчас картина эта висит в Американском музее. Не знаю, какое прилепили к ней название, что видят там зрители, но неоспоримый получается факт: парижский снег видится мне московским, и никуда от этого не деться.

Парижский москвич и московский парижанин

Художник-нонконформист Владимир Александрович Титов родился 2 ноября 1950 года в Москве (СССР). Окончил Московскую центральную художественную школу. В 1972–1974 годах посещал студию Василия Ситникова, который называл его своим лучшим учеником. В 1982 году эмигрировал во Францию, но связи с Россией не теряет. Персональные выставки Титова проходили в Берлине, Париже, Вашингтоне, Москве, Санкт-Петербурге.

смешная игра. Я ловил сверху глазом отдельную снежинку и старался проводить ее взглядом до падения на землю. Не получалось. Скоро она терялась, попадая в общий водоворот; ловил другую, но и та пролетала, зацепленная моим зрением, не больше метра.

Я несколько лет не видел снега. И никуда уже не хотелось идти. Господи, от Тебя подарок. Вот он праздник-то. Радостно стало, как в детстве на новогодней елке. Ну, с Новым годом! Открыл и отхлебнул из бутылки.

Снег сыпал кручеными хвостами, потоки слетались и опять рассыпались в стороны, выделявая причудливые фигуры. Ажурные тени, взбесившись – карнавал! – прыгали вокруг, подмигивали, подавали загадочные знаки, лезли в лицо и хохотали. Одна такая, мелькнувшая, показалась даже знакомой; ткнулась прямо в нос, хихикнула и исчезла. Невидимый оркестр гремел сотнями скрипок, альтов, флейт, фаготов. Бесноватая гарантелла забила дробь, распустив кружевные космы. Я уж было сам в пляс пустился, но помня, как жена определила меня как танцора сундуком неповоротливым, застеснялся перед небесами, столбом застыл, замер.

Двенадцать. Что ж, за Новый год глотнул еще из бутылки. Вино было холодное, потеряло вкус, но согрело. А пурга уж лепила не мохнатыми хлопьями, а хлестала колючей крупой. Дразнила, бросая вызов. Улицы были пустынные, и мне казалось, что праздник этот принадлежит мне одному. Я подходил к Сене. Пурга размывала очертания берегов.

Из подбрюшья моста Pont Marie выползло несколько фигур – местные обитатели. Замахали, завидев меня, бутылками в руках, приглашая. Нет, ребята, не поймать вам меня; вы славите год наступивший, у меня же свой праздник, и называется он Снегопад!

На левом берегу в Латинском квартале море огней не могла съесть даже такая пурга. Нескончаемый лабиринт ресторанов. Я вклинился в густо сплетенные узкие улочки и разом ощутил приступ голода. Рестораны, несмотря на их количество, забиты были до отказа. Такая традиция у французов: Рождество – праздник семейный, Новый год – все в ресторан. Покрутившись, нашел все же где приткнуться, – в греческом ресторане. Столик оказался у окна – не спуская глаз любовался обезумевшим представлением, и все вертелось сказанное поэтом:

ПУТЬ К СЛАВЕ

К 100-летию со дня рождения выдающегося актера театра и кино Иннокентия Смоктуновского

ВЯЧЕСЛАВ МИЛЯЕВ,
кинопублицист



Кинорежиссер Михаил Ромм с Иннокентием Смоктуновским в гримерной студии «Мосфильм» перед съемкой. Автор И. Синицын. Июнь 1961 года. Главарижив Москвы

В деревне Татьяна Шегарского района Томской области в простой крестьянской семье 28 марта 1925 года родился будущий народный советский и российский актер театра и кино Иннокентий Михайлович Смоктуновский. Он был вторым из шестерых детей в семье.

Из воспоминаний И. М. Смоктуновского о родителях: «Мать – маленькая, добрая и очень тихая женщина. Отец высокого роста, сильный и веселый, у них не было никакого образования, они были просто хорошие русские люди, “от земли”».

В 1929 году семья из-за нужды и голода покинула родную деревню

и сначала перебралась в Томск, а затем в Красноярск.

С началом войны отец Михаил Смоктуновский был призван в армию, в августе 1942 года пропал без вести и, как выяснилось позже, погиб.

Иннокентий учился в фельдшерско-акушерском училище, окончил курсы киномехаников, работал в воинской части и госпитале, затем поступил статистом в Красноярский драматический театр.

В январе 1943 года 17-летнего Смоктуновского призвали на фронт – в должности связного штаба 212-го гвардейского полка он участвовал в боях на Курской дуге, был награжден первой медалью «За отвагу». Правда, медаль эту Смоктуновскому вручили лишь спустя 49 лет, на сцене Художественного театра им. Чехова, после показа спектакля по пьесе Михаила Булгакова «Кабала святош».

В декабре 1943 года в сражении под Киевом солдат Смоктуновский попал в плен. Его перегоняли из лагеря в лагерь для военнопленных – Житомир, Шепетовка, Бердичев. 7 января 1944 года, воспользовавшись удачным моментом, он совершил побег, добрался до поселка Дмитровка в районе Каменец-Подольска, постучался в какую-то дверь дома, попытался что-то сказать и впал в полузабытье. Придя в себя, он никак не мог понять, кто это смотрит на него из зеркала, свое отражение он не видел больше года. Смоктуновского вывели и подняли на ноги, месяц его

укрывала в своем доме украинская семья Шевчуков.

Вскоре он присоединился к партизанскому отряду, который в мае объединился с 318-м гвардейским стрелковым полком 102-й дивизии и принял участие в освобождении Варшавы. В 1945 году был повторно награжден медалью «За отвагу». Войну закончил в немецком городе Гревесмюлен.

В октябре 1945 года в возрасте двадцати лет Смоктуновский демобилизовался и вернулся в Красноярск. Однако факт пребывания в немецком плену отразился на его жизни в послевоенные годы: ему было запрещено проживание в 39 больших городах страны.

Почти пять лет Смоктуновский выступал как вольнонаемный на сцене Норильского заполярного театра драмы, актеры которого были заключенными НорильЛАГа. Смоктуновский сыграл здесь более 40 ролей (главные роли в спектаклях «Чужой ребенок», «Машенька», «Последние», «Доходное место», «Моцарт и Сальери»). В 1952 году перебрался в город Грозный, где выступал в Русском драматическом театре им. М. Ю. Лермонтова, а позже был принят в Республиканский драматический театр им. М. Горького в Махачкале.

В 1955 году Смоктуновскому наконец удалось переехать в Москву, где он работал сначала в Театре им. Ленинского комсомола, а затем в Театре-студии киноактера; участвовал в массовках на киностудии «Мосфильм» и вскоре получил роль Фарбера в фильме «Солдаты» (1956), снятом по мотивам повести Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Именно эта роль понравилась художественному руководителю ленинградского Большого драматического театра Георгию Товстоногову, и он пригласил малоизвестного актера на главную роль князя Мышкина в спектакле по роману

Федора Достоевского «Идиот».

Премьера состоялась 31 декабря 1957 года. Овации после окончания постановки длились 32 минуты. Так родилась новая звезда. Предложения на главные роли посыпались от ведущих режиссеров театра и кино. И Смоктуновский начал активно работать в кино, полностью отдаваясь любимому делу.

19 апреля 1964 года состоялась премьера двухсерийного художественного фильма «Гамлет» по трагедии Шекспира, поставленного великим мастером советского кино, кинорежиссером Григорием Козинцевым.

Особое признание кинокартина получила за рубежом: за четыре года фильм собрал свыше 20 различных премий и наград. А Гамлет Смоктуновского и сегодня считается одной из непревзойденных вершин исполнительского мастерства.

В аннотации к советскому «Гамлету» эксперты *The Guardian* отмечали: «Забудьте экранизации Лоуренса Оливье и Кеннета Браны, лучшее кино воплощение датского принца создал русский режиссер».

Каждая следующая работа Смоктуновского поражала великолепным актерским мастерством: «Девять дней одного года» М. Ромма, «Берегись автомобиля» Э. Рязанова, «Романс о влюбленных» А. Кончаловского, «Маленькие трагедии» М. Швейцера, «Дочки-матери» С. Герасимова, «Чайковский» И. Таланкина и др.

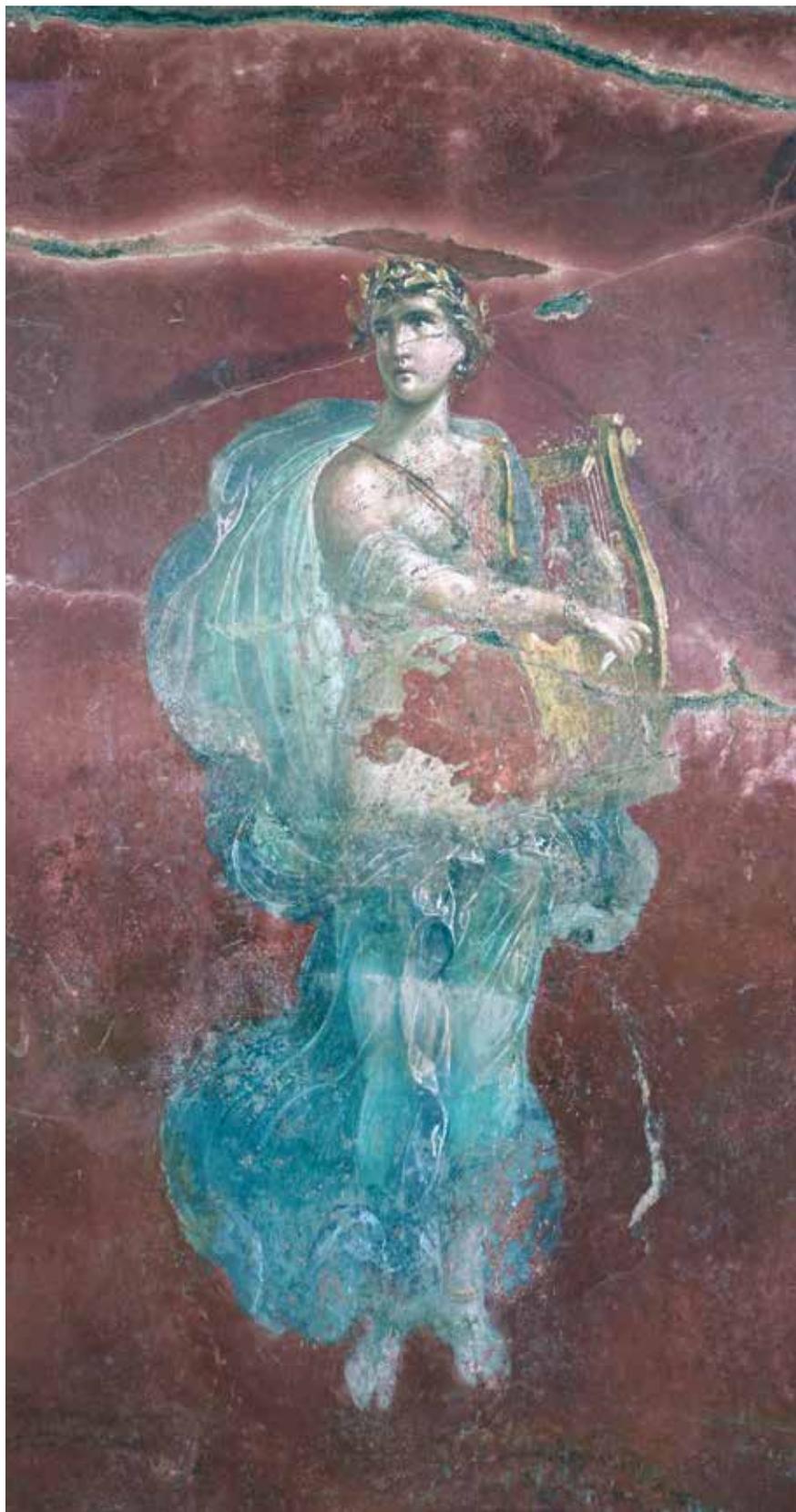


Плакат фильма «Гамлет». Худ. М. Хазановский

В числе шедевров актера – образ царя Федора Иоанновича, который он создал в спектакле на сцене Малого театра, образы чеховских героев: Иванов, Дорн, Гаев, Серебряков в спектаклях МХАТа.

Иннокентий Михайлович Смоктуновский умер 3 августа 1994 года в подмосковном санатории имени Герцена, где он лечился после инфаркта. Ему было 69 лет. Он первый выдающийся российский актер, которого провожали в последний путь аплодисментами. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии и Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых, Герой социалистического труда, Ветеран Великой Отечественной войны, Иннокентий Михайлович по праву считается одним из величайших актеров в истории мирового кино.



Муза поэзии Эрато на античной фреске из Помпей

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ПОЭЗИИ

Всемирный день поэзии был провозглашен ЮНЕСКО 21 марта в ходе 30-й Генеральной конференции в Париже в 1999 году с целью поддержать языковое разнообразие посредством поэтического самовыражения и дать возможность языкам, находящимся под угрозой исчезновения, быть услышанными.

Поэзия – это одна из наиболее ценных форм культурного и языкового выражения и идентичности. На протяжении всей истории поэзия была неотъемлемой частью общества. В культуре каждого народа имеются образцы поэтического творчества.

Поэзия и сегодня продолжает объединять людей, потому что в ней отражаются общечеловеческие ценности.

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА

27 марта отмечается Всемирный день театра, который был установлен в 1961 году по инициативе делегатов IX конгресса Международного института театра при ЮНЕСКО.

Театр был неотъемлемой частью человеческой культуры на протяжении тысячелетий, развиваясь от древних ритуалов до разнообразного искусства, известного нам сегодня. Его истоки уходят в глубь веков, к древним цивилизациям, где представления были тесно связаны с религиозными и социальными традициями.

Самые ранние записи о театре относятся к Древнему Египту, где



религиозные драмы ставились уже около 2000 года до н.э. Однако основы западного театра были заложены в Древней Греции примерно в V веке до н.э. Греческий театр возник из религиозных фестивалей в честь Диониса, бога вина и плодородия. Драматурги, такие как Эсхил, Софокл и Еврипид, писали трагедии, исследовавшие человеческую природу, судьбу и влияние богов, а Аристофан стал пионером комедийного жанра.

Переняв греческие театральные традиции, римляне добавили к ним пантомимы, а также более масштабные зрелища, включая гладиаторские бои. После падения Римской империи театр в Европе пришел в упадок, но возродился в Средние века благодаря религиозным и нравоучительным пьесам.

Эпоха Возрождения стала временем расцвета театрального искусства. Такие драматурги, как Уильям Шекспир и Мольер, переосмыслили драму, а театры, например лондонский «Глобус», превратились в культурные центры.

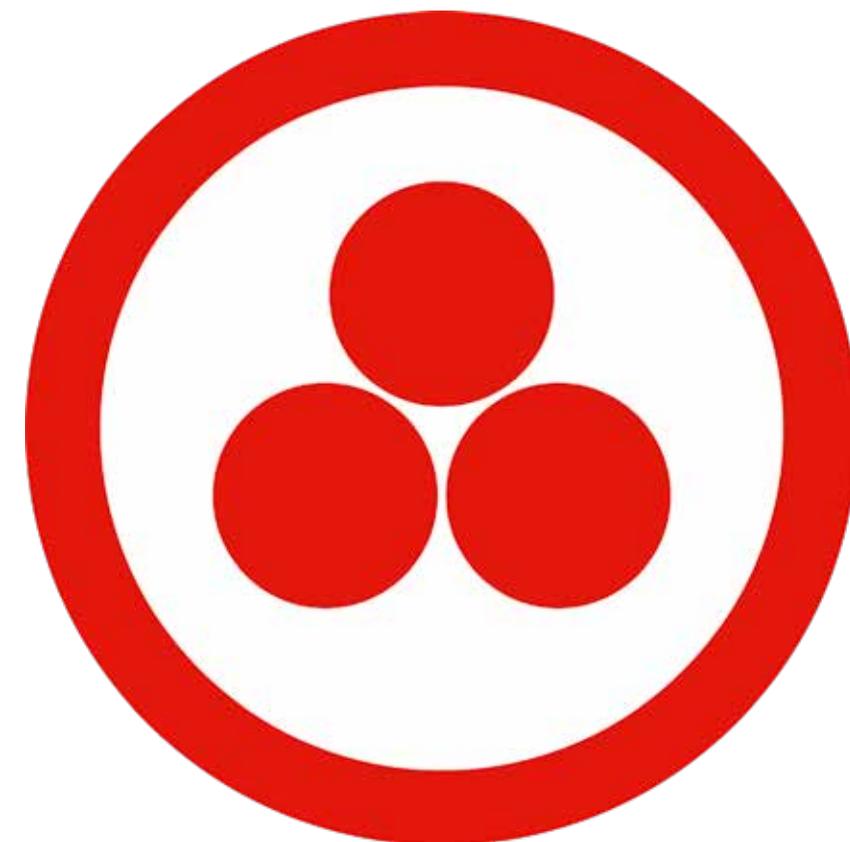
XIX и XX века принесли реализм, авангардные движения и модернистские эксперименты, породив новые формы, такие как мюзиклы и экспериментальный театр.

Современный театр отличается разнообразием жанров и стилей. Он часто становится площадкой для экспериментов и новаторских идей.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ КУЛЬТУРЫ

С 1998 года во многих странах мира 15 апреля ежегодно отмечается Международный день культуры. Идею праздника в 1931 году предложил Николай Рерих, знаменитый русский художник и автор Пакта Рериха – первого в истории международного договора о защите культурного наследия. Три алых круга на «Знамени Мира», символе Пакта Рериха, – это религия, знание и искусство в кольце культуры.

Рерих считал культуру главным условием совершенствования человеческого общества и единения людей разных национальностей и вероисповеданий.



«Знамя Мира» – символ Пакта Рериха